24804 ЛБ

Россия и русские

Н. Тургенева

24804

ИЗДАНІЕ
„БИБЛІОТЕКИ ДЕКАБРИСТОВЪ“

28535.

РОССІЯ и РУССКІЕ

НИКОЛАЯ ТУРГЕНЕВА.

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЕГО ПОРТРЕТЪ и СТАТЬИ:

Г. БАЛИЦКАГО

и А. И. ГЕРЦЕНА.

МОСКВА. 1907 года.
Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.

39

8/102

8/102

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

I. Образецъ человѣка—Г. В. Балицкаго . . . . I—XXXII.

II. Письмо къ Императору Александру II—А. И. Герцена . . 1

III. Россія и Русскіе.

1. Предисловіе 11

2. Записки изгнанника . . . . . —

Глава I.

Взглядъ на состояніе Европы передъ русской войной 16

Глава II.

Война 1812 года 19

Глава III.

Событія 1813 и 1814 г. г. Штейнъ 25

Глава IV.

Вѣнскій конгрессъ 34

Глава V.

Событія 1815 г. Священный Союзъ 41

Глава VI.

Мое пребываніе въ Россіи съ 1816 по 1824 г. Состояніе умовъ въ Россіи въ эту эпоху. Либеральныя намѣренія Александра по отношенію къ Польшѣ и ихъ послѣдствія. Первая мысль объ основаніи тайнаго общества. Изданіе моей работы о теоріи налоговъ. Мое вступленіе въ тайное общество. Мое намѣреніе издать журналъ. Распаденіе Общества въ Москвѣ. Мое положеніе въ Государственномъ Совѣтѣ. Мое поступленіе въ министерство финансовъ. Моя работа о пошлинахъ и гербовомъ сборѣ. Мой выходъ изъ министерства финансовъ. Мой переходъ въ городской комитетъ. Просьба объ отставкѣ. Мое мнѣніе о тайныхъ обществахъ этой эпохи. Мой отъѣздъ изъ Петербурга. 49

Глава VII.

Мое пребываніе за границей съ 1824 г. Мой отказъ служить въ министерствѣ финансовъ. Мнѣніе обо мнѣ императора Александра и Штейна. Смерть императора Александра. Военное возстаніе. Привлеченіе меня къ процессу о немъ. Моя первая записка. Мой отказъ явиться въ судъ. Отношеніе прессы къ процессу. Эпилогъ 92

3. Оправдательная записка 104

I. Предисловіе . . . . . —

II. Факты, относящіеся къ основанію и распаденію Союза Благоденствія . . 113

III. Факты, совершившіеся послѣ закрытія Союза 130

Н. И. Тургеневъ.

Род. 1789 г., ум. 1871 г.

Образецъ „человѣка“.

(Н. И. Тургеневъ).

I.

Н. И. Тургеневъ извѣстенъ широкой читающей публикѣ менѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ декабристовъ, однако онъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ тайныхъ обществъ царствованія Александра I, какъ по своимъ природнымъ способностямъ и образованію, такъ и по своей общественной и служебной дѣятельности. Поэтому, приступая къ изданію впервые на русскомъ языкѣ его обширнаго (3 тома по 600 печатныхъ страницъ въ каждомъ) труда, „Россія и Русскіе“ мы считаемъ необходимымъ дать нѣсколько свѣдѣній о его жизни и трудахъ. При этомъ настоящая статья не претендуетъ ни на полную сколько-нибудь біографію, ни на исчерпывающую характеристику автора; для этого нѣтъ еще въ достаточной мѣрѣ даже матеріала и свѣдѣній. Однако и въ настоящемъ видѣ этотъ краткій очеркъ не кажется намъ лишнимъ въ виду указанной причины и въ виду тѣхъ заявленій, которыя намъ не разъ приходилось слышать отъ различныхъ лицъ [1]).

Николай Ивановичъ родился въ Симбирскѣ въ 1789 году въ небезызвѣстной и старинной дворянской фамиліи Тургеневыхъ; отецъ его Иванъ Петровичъ былъ знаменитый массонъ екатерининскаго царствованія, другъ и пріятель Н. И. Новикова и постоянный сотрудникъ издававшихся послѣднимъ журналовъ, раздѣлившій участь гонимаго редактора; по повелѣнію Павла, изъ самодурства и психическаго разстройства дѣлавшаго все наперекоръ покойной своей матери, И. Тургеневъ былъ возвращенъ вмѣстѣ съ Новиковымъ и позже былъ даже кураторомъ Московскаго университета. У Николая Ивановича было че-

---

[1]) Сочиненія Тургенева! Да вѣдь ихъ уже сколько разъ издавали, даже приложеніемъ къ „Нивѣ“. Несомнѣнно въ данномъ случаѣ говорившіе смѣшивали съ извѣстнымъ писателемъ Ив. Серг. Тургеневымъ, который находится въ очень отдаленномъ родствѣ съ Н. Ив.

тыре брата: Иванъ, умершій въ дѣтствѣ, Андрей, скончавшійся въ 1803 г., Александръ и наконецъ Сергѣй, схваченный по ошибкѣ вмѣсто Николая и привлеченный по дѣлу декабристовъ, умеръ отъ потрясенія въ 1827 году на рукахъ у брата, Александра и Жуковскаго.

Раннее дѣтство свое Н. Ив. провелъ въ Симбирскѣ, но воспитывался въ Москвѣ въ извѣстномъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ на Маросейкѣ, а въ 1810-11 г.г. по примѣру своихъ братьевъ и своихъ сверстниковъ „изъ высшаго круга“ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ.

Значеніе всего семейства Тургеневыхъ и кружка молодыхъ людей, въ которомъ вращался Николай, не разъ разбиралось въ литературѣ и оно признано не маловажнымъ. Несомнѣнно идеологомъ этого кружка былъ поэтъ В. Жуковскій. „Онъ долго былъ и оставался поэтомъ кружка, вышедшаго изъ карамзинской школы, тургеневскаго, поддѣвиченского, арзамасскаго. Люди кружка могли расходиться съ нимъ во многомъ, отставали отъ него или его опережали; вліяніе его поэзіи, мечтательной и патріотической, захватило широкіе общественные слои, а друзья по прежнему оглядывались на него, какъ на своего: это было ихъ лучшее, чистое прошлое, которымъ они себя повѣряли [1])“. Историкъ Жуковскаго—А-ндръ Веселовскій живо и образно вскрылъ намъ идеалы, настроенія, мысли, которыя связывали участниковъ кружка въ непоколебимыя дружескія отношенія и которыя питали эту дружбу. Свои сердечныя чувства они изливали въ бесѣдахъ и письмахъ въ случаяхъ отсутствія. Письма и журналы вращались въ кругу друзей, передавались изъ рукъ въ руки, стилизовались, цѣнились и, какъ литературный продуктъ, списывались въ „бѣлыя книги“—альбомы. „Это была кружковая, эпистоpальная литература, какъ въ эпоху возрожденія. Андрей Тургеневъ пишетъ вмѣстѣ Жуковскому и Мерзлякову, Блудовъ и Ал. Тургеневъ Жуковскому, Мерзляковъ Ал. Тургеневу и А. С. Кайсарову и т. п... Въ письмахъ обсуждались чаянія и планы, даже личныя тревоги сердца; когда на сцену являлась „она“, другу сообщалась копія съ ея письма или съ отвѣта ей“. [2]).

„Можно безъ преувеличенія сказать, пишетъ И. С. Тургеневъ про братьевъ Ник. И., что они сами принадлежали къ числу лучшихъ людей того времени. Ихъ дѣятельность оставила замѣтный и не безполезный, не безславный слѣдъ“. [3]).

Изъ такого кружка и такой семьи вышелъ авторъ „Россіи и Русскихъ“; среди ея членовъ-братьевъ была необыкновенная привязанность и нужно прочитать всю огромную переписку ихъ, чтобы составить

---

1) Академикъ Веселовскій—В. А. Жуковскій. Спб. 1904 г. X стр.
2) Тамъ же 66—7 стр. 3) Собр. сочин. И. Тургенева, т. X. 346 стр.

себѣ нѣкоторое о ней представленіе; только тогда станетъ понятно состояніе Николая Ивановича, когда онъ узналъ, что онъ осужденъ на смертную казнь, и когда онъ рѣшилъ не возвращаться въ Россію, другими словами, разстаться со своими друзьями и братьями—со всѣмъ, что ему было такъ дорого и свято.

Свои впечатлѣнія во время пребыванія за границей въ Геттингенскомъ университетѣ, въ компанію 1812—15 гг. и по возвращеніи на родину, послѣ тріумфальнаго шествія Александра I-го по всей Европѣ, Тургеневъ довольно подробно описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ; тамъ же имъ описана и его служебная дѣятельность и карьера. Такъ какъ читатель съ большимъ интересомъ прочтетъ объ этомъ въ оригиналѣ, то мы не будемъ останавливаться на внѣшнихъ фактахъ жизни Н. Ив., а лучше постараемся освѣтить, насколько возможно, его личность, какъ человѣка и какъ общественнаго дѣятеля. Что касается перваго, то едва ли возможно это сдѣлать болѣе вѣрно, болѣе ярко и живо, чѣмъ это сдѣлалъ нашъ великій писатель Ив. Сер. Тургеневъ; въ некрологѣ Н. Ив. 17 ноября 1871 года онъ писалъ: „Есть отличное англійское выраженіе, которое какъ нельзя лучше опредѣляетъ самую сущность Н. И. Тургенева. Въ устахъ англичанъ оно звучитъ особой похвалой: они обозначаютъ имъ не одну лишь неизмѣняемость, „о д и н а к о в о с т ь“ убѣжденій, но и правдивость и искренность ихъ. Самъ Н. Тургеневъ говоритъ о себѣ—и съ полнымъ на то правомъ: „Я остался вѣренъ моимъ убѣжденіямъ. Мнѣнія мои никогда не перемѣнялись“ („Русскій Загран. Сборникъ. Часть V-я, предисловіе“).

„Эта „о д и н а к о в о с т ь“ и всецѣлость убѣжденій придавала, конечно, Николаю Ивановичу нѣкоторую, если неисключительность, то односторонность. Но всѣ почти дѣльные умы—односторонни. Беллетристика и художество его интересовали мало: онъ былъ человѣкъ по преимуществу политическій, государственный, въ высокой степени одаренный чувствомъ равновѣсія и мѣры. Графъ Каподистріа, хорошій судья, отзывался о немъ, что онъ былъ бы государственнымъ человѣкомъ даже въ Англіи. Вмѣстѣ съ твердостью и неизмѣняемостью убѣжденій, въ душѣ Николая Ивановича жила несокрушимая любовь къ правосудію, къ справедливости, къ разумной свободѣ, и такая же ненависть къ угнетенію и кривосудію. Человѣкъ съ сердцемъ мягкимъ и нѣжнымъ, онъ презиралъ слабость, дряблость, страхъ передъ отвѣтственностью. Грубость, неуваженіе человѣческой личности, жестокость возмущали его несказанно. Состраданіе ко всякому несчастью было тоже выдающеюся чертою его характера, и не пассивное состраданіе, а дѣятельное, почти ретивое; не было человѣка, который бы давалъ охотнѣе, щедрѣе и скорѣе. Онъ дѣйствительно, въ точномъ смыслѣ слова, приносилъ жертвы съ радостью, почти съ благодарностью тому, кто доставлялъ ему случай

приносить эти жертвы. На все великое, великодушное сердце его откликалось съ той силой чувства, съ тѣмъ порывомъ и пыломъ, которыхъ въ нашу эпоху какъ то уже не встрѣчаешь. Подобно многимъ своимъ сверстникамъ, этотъ старикъ остался юноша душою, и трогательна и изумительна для всѣхъ насъ столь рано устающихъ и столь слабо увлекающихся — была свѣжесть и ясность впечатлѣній этого неутомимаго борца.

„Несмотря на долголѣтнее пребываніе за границей Н. И. Тургеневъ остался русскимъ человѣкомъ съ ногъ до головы — и не только русскимъ,—московскимъ человѣкомъ. Эта коренная русская суть выражалась во всемъ: въ пріемѣ, во всѣхъ движеніяхъ, во всей повадкѣ, въ самомъ выговорѣ французскаго слова—о русскомъ языкѣ уже и поминать нечего. Бывало, находясь подъ кровомъ этого радушнаго, гостепріимнаго хозяина-хлѣбосола (онъ жилъ на большую ногу—извѣстно, что братъ его Александръ Ив. сохранилъ ему все его состояніе), слушая его нѣсколько тяжеловатую, но всегда искреннюю, толковую и честную рѣчь, ты невольно удивлялся, что почему ты сидишь передъ каминомъ, въ убранномъ по иностранному кабинетѣ, а не въ теплой и просторной гостиной старозавѣтнаго московскаго дома, гдѣ-нибудь на Арбатѣ или на Пречистенкѣ, или на той же Моросейкѣ, гдѣ Н. Тургеневъ провелъ свою первую молодость. Онъ говорилъ охотно, но всѣ мысли его до того были обращены на современное или на будущее, что о прошедшемъ онъ распространялся мало; а о своемъ собственномъ прошедшемъ—уже вовсе никогда. Никогда изъ устъ его не исходило жалобы; отсутствіе личной озабоченности, личной требовательности привлекало къ нему сердца домашнихъ, друзей, самихъ слугъ. Вотъ уже про него нельзя было сказать, что онъ „хвалитель старины“.

„Всякое извѣстіе съ родины подхватывалось имъ на лету: онъ слушалъ разсказы о ней съ жадностью, съ страстнымъ увлеченіемъ; онъ вѣрилъ въ нее, въ нашъ народъ, въ наши силы, въ наше будущее, въ наши дарованія. „Какъ теперь стали писать“, говаривалъ онъ, бывало, указывая иногда на довольно обыкновенную, но благонамѣренную—и главное — независимую журнальную статью. Зато, ничто такъ не возмущало его, какъ извѣстіе о несправедливости, совершенной въ нашемъ пространномъ отечествѣ. Она казалась ему анахронизмомъ въ царствованіе Александра Второго. Онъ не допускалъ ея, онъ волновался, онъ горячился. Онъ гнѣвался „праведнымъ гнѣвомъ“, онъ негодовалъ, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ тѣ, которыхъ эта несправедливость самихъ постигла“ [1]).

---

[1]) Тамъ же стр. 349—351.

Иванъ Сергѣевичъ хорошо зналъ Тургенева и его имя можетъ быть ручательствомъ въ справедливости выписанныхъ строкъ; но если бы даже и понадобилось какое-либо доказательство, то его нетрудно найти—подтвержденіемъ ихъ служитъ вся жизнь Н. Ив., то духовное проникновеніе, которое наполняло всѣ дни, всѣ дѣла, всѣ мысли и всѣ его заботы— это ненависть къ крѣпостному строю и страстное желаніе увидѣть русскій народъ свободнымъ отъ цѣпей рабства. „Передъ этимъ вопросомъ, у меня уступали всѣ другіе, какъ бы хороши и высоки по своей идеѣ они ни были“,—говорилъ Н. Тургеневъ, и мы можемъ сказать, что это не были только слова, а что это было дѣйствительнымъ фактомъ.

Трудно сказать, свирѣпость ли и дикость крѣпостного права такъ дѣйствовали на душу Тургенева, или чуткость и мягкость его души заставляли возмущаться крѣпостнымъ правомъ и негодовать на то, что „люди владѣли себѣ подобными, какъ скотами или вещью“.

Какъ бы ни было, но освобожденіе крестьянъ было единственной мечтой и двигателемъ всей жизни Тургенева. Ради нея онъ вступаетъ въ тайное общество, чтобы тамъ среди его членовъ вести одну и ту же пропаганду; изъ-за нея онъ ведетъ жаркіе споры въ Государственномъ Совѣтѣ, становясь всегда неуклонно на сторону крестьянъ и противъ притязаній помѣщиковъ; объ этомъ онъ позже писалъ: „Смотря на нашихъ либераловъ, я часто думалъ: какая польза въ болтовнѣ, въ шуткахъ. Хорошо имъ изъ пустого въ порожнее пересыпать. Но попробовали бы они потолковать съ моими Ликургами и видѣть ихъ удивленіе, когда я, простыми доводами, низводя ихъ съ высшей трибуны въ избу крестьянина или на конюшню деревенскаго помѣщика, убѣждалъ ихъ, что не о палатахъ представительныхъ мечтать, но о палкахъ и плетяхъ думать должно. И это показывалъ я и молодымъ членамъ общества, и старымъ членамъ Государственнаго Совѣта. Разница была въ томъ, что первые удобнѣе меня понимали“ [1]).

Тургеневъ пишетъ проекты освобожденія, составляетъ записки и представляетъ ихъ государю, ища въ гуманныхъ взглядахъ Александра надежду на осуществленіе своей мечты. Объ одной изъ этихъ записокъ онъ писалъ: „Я употребилъ всѣ усилія, чтобы сдержать проявленіе ужаса, который внушало мнѣ рабство. Я обращался вѣдь къ человѣку, и такъ уже убѣжденному. Мнѣ хотѣлось въ особенности обратить вниманіе царственнаго читателя на тотъ мракъ, которымъ крѣпостной вопросъ обволакивался въ Россіи, и на причины этого явленія; я старался показать, какъ тѣ, кто создаютъ и направляютъ общественное мнѣніе, тѣ, кто пишутъ исторію, тѣ, кто составляютъ и выполняютъ законы,

---

1) Рус. Стар. 1901 г. май 264 стр.

будучи всѣ владѣльцами крѣпостныхъ душъ, заинтересованы въ томъ, чтобы этотъ вопросъ обсуждался какъ можно менѣе“ [1]).

Онъ—сторонникъ и защитникъ представительнаго образа правленія, отказывается даже отъ него, если только этою цѣною можно было купить освобожденіе. „Чтобы разрѣшить,—пишетъ онъ,—по совѣсти этотъ вопросъ, надо помнить, что въ Россіи милліоны человѣческихъ существъ не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія противорѣчило бы интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи самодержавная власть можетъ быть разсматриваема, какъ якорь спасенія въ нашей странѣ; отъ этой только власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Непозволительно мечтать о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы“ [2]). Ради примѣра Тургеневъ отпускаетъ на волю своихъ дворовыхъ и устраиваетъ на возможно льготныхъ условіяхъ крестьянъ, которыми владѣлъ совмѣстно со своими братьями и потому не могъ совсѣмъ ихъ отпустить на волю. Принужденный остаться за границей, онъ скорбитъ лишь о своихъ друзьяхъ и о томъ, что онъ не въ силахъ теперь ничего сдѣлать для крѣпостныхъ, что они лишились его защиты.

Наконецъ Тургеневу пришлось увидать разорванными цѣпи рабства; въ 1864 году онъ увидѣлъ снова Россію съ чувствомъ Симеона, взывающаго „Нынѣ отпущаеши“...

„Мы можемъ прибавить, пишетъ Ив. Серг. Тургеневъ, что намъ рѣдко случалось видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ Н. Тургеневъ, предстоявшаго, съ бѣгущими по щекамъ слезами, въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19-го февраля; рѣдко случалось слышать нѣчто болѣе выражавшееся изъ глубины растроганной души, какъ его восклицаніе: „Я не думалъ, чтобы послѣ Штейна я могъ полюбить кого-нибудь такъ, какъ я полюбилъ Николая Милютина“. Про Александра II онъ сказалъ: „Если... я былъ преданъ Александру I за одно его желаніе освободить крестьянъ, то каковы должны быть мои чувства къ тому, кто совершилъ это освобожденіе и совершилъ столь мудрымъ образомъ. Ни одинъ изъ освобожденныхъ не питаетъ въ душѣ болѣе любви и преданности къ освободителю, нежели сколько я питаю, видя наконецъ низвергнутымъ то зло, которое мучило меня въ продолженіе всей моей жизни“ [3]).

Такъ невольно мѣриломъ всей любви къ людямъ, какое бы высокое положеніе они ни занимали, у Тургенева было ихъ собственное отно-

---

[1]) Міръ Божій 1903 г., іюнь 25 стр. [2]) Тамъ же.

[3]) Собр. Соч. И. Тургенева, т. X, стр. 350 и 348.

шеніе къ русскимъ крѣпостнымъ. Всегда съ любовью и преданностью относясь къ Александру Первому, онъ однако не могъ не воскликнуть издавая свою книгу: „Зачѣмъ я русскій и потому не могу любить его такъ беззавѣтно, какъ любили въ продолженіе долгаго времени Штейнъ и Шатобріанъ. А мнѣ это было бы еще пріятнѣе, благодаря признательности, которою я обязанъ ему лично... Къ несчастью это не такъ! Онъ видѣлъ и даже проклиналъ зло, которое губило и позорило его страну; хотѣлъ его уничтожить, но у него не хватило смѣлости. Господь достаточно милосердевъ, чтобы простить Александру это, но кто можетъ простить ему когда-нибудь рабскія цѣпи своихъ соотечественниковъ, когда было достаточно одного его слова, чтобы онѣ упали“?!.. [1]).

Мы здѣсь нарочно не приводимъ положительныхъ мѣръ, которыя Тургеневъ предлагалъ для осуществленія своей мечты, такъ какъ этому будетъ посвященъ второй томъ его сочиненія „Россія и Русскіе“ гдѣ онъ подробно останавливается на положеніи отдѣльныхъ классовъ, русскаго народа, при чемъ особенно обстоятельно очерчено положеніе крестьянъ всѣхъ категорій [2]).

Мы здѣсь желаемъ лишь бѣглыми чертами отмѣтить отношеніе Тургенева къ вопросу, затрогивать который такъ настойчиво, какъ онъ, въ то время было не безопасно и не легко. Даже среди передовыхъ и лучшихъ людей своего времени Тургеневъ рѣдко встрѣчалъ сочувствіе своимъ взглядамъ, а не надо забывать о крѣпостникахъ, которые были очень сильны и воззрѣнія которыхъ можно найти, напримѣръ, въ одной оффиціальной запискѣ отъ лица департамента законовъ: „Въ то время, какъ почти всѣ государства Европы мятутся, писалъ въ ней Шишковъ, это поборникъ обскурантизма—наше любезное отечество пребываетъ и будетъ пребывать въ мирѣ. Это спокойствіе, основанное на славѣ, которою наше отечество покрылось въ послѣдніе годы, не свидѣтельствуетъ ли, что оно пользуется большимъ благоденствіемъ, нежели прочія страны? Не свидѣтельствуетъ ли оно о чистотѣ нравовъ, которыхъ до настоящаго времени ничто не возмутило? На что же перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей?! И откуда сіи перемѣны? *Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ... сіи*

---

[1]) Россія и Русскіе, т. 1-ый, стр. 31.

[2]) Въ этомъ томѣ наряду съ общеизвѣстными въ настоящее время свѣдѣніями приводится много интересныхъ данныхъ изъ личныхъ наблюденій и воспоминаній Тургенева, особенно по крестьянскому вопросу и по финансовымъ дѣламъ. Въ видѣ приложеній въ концѣ тома напечатаны: «Записка, поданная въ 1819 году Н. И. Тургеневымъ гр. Милорадовичу»; «Замѣтки объ указѣ 2-го апрѣля 1842 г. (объ обязанностяхъ крестьянъ)»; «О муштровкѣ солдатъ при Александрѣ I»; «О шпіонствѣ и о реформѣ монетной системы въ Россіи».

подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ“...

Таковымъ пріемомъ былъ встрѣченъ одинъ изъ проектовъ Н. Тургенева; но та „одинаковость“ убѣжденій, на которую указывалъ Ив. Серг. Тургеневъ, не позволяла Николаю Ивановичу успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не могъ сказать „Нынѣ отпущаеши“...

II.

Эта „одинаковость“ убѣжденій Тургенева была причиной нападокъ на него, но только совсѣмъ изъ другого лагеря. Мы имѣемъ въ виду воспоминанія декабриста кн. С. Волконскаго и его отзывъ о Н. Тургеневѣ.

„Теплыя мои увѣщанія, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, голосъ истиннаго убѣжденія моего заставили Пестеля отказаться отъ своего намѣренія; но какъ суждено было нашему обществу потерпѣть неудачу, то теперь я и не радъ, что отклонилъ его отъ поѣздки въ чужіе края. Онъ былъ бы живъ и былъ бы въ глазахъ Европы инымъ историкомъ нашему дѣлу, чѣмъ Николай Тургеневъ, который увѣряетъ, что онъ не былъ членомъ общества, тогда какъ я ежегодно, пріѣзжая въ Петербургъ, давалъ ему отчетъ о ходѣ дѣлъ нашего общества.“ —И въ другомъ мѣстѣ:

„Хотя я уже сказалъ нѣсколько словъ о Николаѣ Ивановичѣ Тургеневѣ, но выскажу добавочно еще кое-что о немъ. Отдавая ему полную справедливость, какъ постоянному защитнику словомъ и дѣломъ уничтоженія крѣпостного права въ Россіи, не могу и не долженъ утаить, что высказанное имъ, даже въ печати, увѣреніе, что онъ не участвовалъ въ тайномъ обществѣ и не былъ его членомъ, есть явная ложь. Въ ежегодныя мои поѣздки въ Петербургъ, какъ я выше сказалъ по дѣламъ общества, я не только имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры, но было поставлено Южной думой давать ему полный отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ, и онъ Южной думой почитался, какъ усерднѣйшій дѣятель, и былъ однимъ изъ учредителей тайнаго общества. Я помню, что во время одного изъ этихъ свиданій, при разсказѣ о дѣйствіяхъ Южной думы, онъ спросилъ меня: „А что, князь, приготовили ли вы вашу бригаду къ возстанію при началѣ нашего общаго дѣла?“ А я ему отвѣчалъ: „Николай Ивановичъ! приготовлять явно къ этому, это дать прямой поводъ къ оглядкѣ правительству; но я убѣжденъ, что я вну-

---

[2]) Міръ Божій 1903 г., іюль стр. 128—9.

шилъ въ моей бригадѣ. скажу даже въ дивизіи, довѣріе и любовь солдатъ ко мнѣ, такъ что при начальномъ возстаніи увлеку ихъ за собой, а разъ это достигнуто, то они уже у меня въ рукахъ и пойдутъ безъ оглядки за мной". Вотъ какъ Тургеневъ лжетъ, когда говоритъ и печатаетъ, что никогда не былъ членомъ тайнаго общества" [1]).

Здѣсь мы находимъ настолько тяжкія обвиненія, что никакъ не можемъ обойти ихъ мимо; они такъ расходятся съ той любовью къ истинѣ и съ тѣмъ неуклоннымъ стремленіемъ Н. Тургенева всегда и во всемъ къ справедливости, которыя мы видѣли выше въ словахъ Ив. Сер. Тургенева, что требуютъ разъясненія.

Волконскій обвиняетъ Н. Тургенева въ томъ, что онъ въ своихъ оправдательныхъ запискахъ отказывается отъ своего участія въ „Сѣверномъ обществѣ" послѣ закрытія „Союза благоденствія"; читатель самъ подробнѣе ознакомится съ показаніями на это Н. Тургенева, сдѣланными имъ въ разборѣ Донесенія слѣдственной коммиссіи, но здѣсь все же мы желаемъ отмѣтить и объяснить нѣкоторыя стороны этихъ показаній. Начнемъ съ самаго начала.

Въ 1824 году въ апрѣлѣ Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга, ничуть не думая, что эта поѣздка за границу будетъ для него столь роковой; спокойный, онъ работалъ надъ проектами законовъ, какъ вдругъ узнаетъ, что онъ замѣшанъ въ заговорѣ, составленномъ для ниспроверженія самодержавія и уничтоженія всего царствующаго дома. Это извѣстіе потрясло Тургенева до мозга костей; онъ хорошо зналъ Россію, т.-е. тѣхъ, отъ кого зависѣла судьба ея и все ожидалъ отъ нихъ, но никогда не могъ себѣ представить, что бы на него можно было возвести подобное обвиненіе. Онъ тотчасъ написалъ свое оправданіе и тогда же въ длинномъ письмѣ къ братьямъ излилъ свое душевное состояніе. Вотъ это замѣчательное письмо, которое мы нарочно приводимъ цѣликомъ.

(27-го) 9-го апрѣля 1826 г. Эдинбургъ. № 2.

„Сегодня явился ко мнѣ секретарь посольства, князь Горчаковъ изъ Лондона и сообщилъ приказаніе явиться немедленно въ Петербургъ. Я отвѣчалъ, что здоровье мое не позволяетъ предпринять пути столь дальняго, и что четвертаго дня (24) 6, послалъ по почтѣ, на имя С.-Петербургскаго почтдиректора, объясненіе въ обвиненіяхъ противъ меня, о которыхъ я узналъ обстоятельно только за нѣсколько дней. Я далъ сей отзывъ немедленно и на бумагѣ. Князь Горчаковъ ушелъ. Оставшись одинъ, я увидѣлъ въ полной мѣрѣ и во всей сущности мое положеніе! Читая отношеніе графа Нессельроде, я вижу, что меня обвиня-

---

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, стр. 418 и 420—1.

ютъ въ государственной измѣнѣ, въ другомъ отношеніи предписываютъ объявить (signaler) меня передъ англійскимъ правительствомъ измѣнникомъ, преступникомъ. Таковымъ называютъ меня и въ отношеніи, мнѣ переданномъ, и что я, если не явлюсь немедленно, буду судимъ, какъ таковой преступникъ. Несмотря на то, что мнѣ должно бы быть приготовлену ко всему послѣ того, какъ сдѣлались мнѣ извѣстными обвиненія, я никакъ не ожидалъ того, что испыталъ сегодня. Я обвиняюсь въ измѣнѣ! Я государственный преступникъ! Я читаю, перечитываю слова сіи — и не вѣрю глазамъ моимъ! Но долженъ вѣрить! долженъ говорить самъ себѣ: да, да, тебя обвиняютъ въ измѣнѣ. И будучи такимъ образомъ въ необходимости вѣрить словамъ, вѣрить дѣйствительности обвиненія, я спрашиваю самъ себя: что хуже, что ужаснѣе могло бы случиться со мною, еслибъ я былъ теперь въ Петербургѣ? Страданія физическія, заточеніе мало бы прибавили къ страданіямъ нравственнымъ. Итакъ, въ томъ, что было сообщено мнѣ сегодня, я долженъ видѣть—и вижу—мой приговоръ окончательный. И послѣ этого приговора я не могу въ себѣ найти силъ ни оправдываться, ни объяснять, однимъ словомъ, ничего дѣлать. Теперь все для меня кончено!

Писавъ объясненіе, я имѣлъ много надежды—теперь дѣло рѣшено. Меня объявляютъ измѣнникомъ, преступникомъ! Писавъ объясненіе, мнѣ все какъ-то не вѣрилось, что обвиненія противъ меня такъ ужасны. Иначе я никогда бы не имѣлъ духа такъ оправдываться. Какъ оправдываться въ такомъ преступленіи, которое никакъ и мыслію не можетъ войти въ мою душу? Но меня обвиняютъ—и это обвиненіе для меня то же,что приговоръ окончательный! Какъ бы я могъ показать глаза въ Россію подъ бременемъ такого обвиненія? Я государственный преступникъ! Я измѣнникъ! Нѣтъ! нѣтъ—это невозможно!

Что еще могу сказать вамъ! вамъ, моимъ братьямъ, которымъ дѣлаю несчастіе! Я имѣю предъ вами обязанности, которыя исполнить готовъ. Между сими обязанностями одна состоитъ въ томъ, что я долженъ увѣдомлять васъ о себѣ. Позволено ли мнѣ сіе будетъ—не знаю. Я буду писать къ вамъ, но будете ли вы получать мои письма? Бѣдствія мои распространяются ли на васъ въ семъ отношеніи?

Повторяю вамъ твердое обѣщаніе: я исполню все, чего вы отъ меня требовать можете. Хотѣлъ бы просить васъ объ одномъ, если бы, къ несчастію, не зналъ заранѣе, что исполненіе моей просьбы для васъ невозможно, просить, молить, чтобы вы менѣе обо мнѣ безпокоились. Хотите ли вы, чтобы я переносилъ бѣдствіе мое съ твердостію,—я даю вамъ это обѣщаніе и грущу болѣе о васъ, нежели о самомъ себѣ. Что

---

1) Такъ въ оригиналѣ.

касается до того, гдѣ я буду жить — послѣ сдѣланнаго мнѣ сегодня объявленія, которое, повторяю, я почитаю не иначе, какъ приговоромъ окончательнымъ—гдѣ бы я ни жилъ, все равно. Кн. Горчаковъ, взявъ мою росписку, спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать? Я отвѣчалъ, что не знаю: не знаю даже, позволятъ ли мнѣ остаться въ Англіи. Онъ сказалъ, что позволятъ, но что положеніе мое будетъ весьма непріятно. Но что всѣ непріятности въ мірѣ, послѣ того, что уже я испыталъ? Итакъ, я буду оставаться здѣсь.

Я получилъ письмо изъ Москвы, писанное на ваше и мое имя, гдѣ пишутъ, что сверхъ извѣстныхъ по газетамъ арестантовъ Граббе, Фонъ-Визины; — это извѣстіе сколько огорчило меня за нихъ, но какъ будто обрадовало меня за меня самаго. Подлежа отвѣтственности съ такими людьми, думалъ я, чего могу я опасаться? Честность, благородство ихъ не есть ли ручательство и за меня? Но сегодня всѣ надежды для меня исчезли! Я не сожалѣю, что послалъ мое объясненіе; я не могъ болѣе ничего сказать теперь. Я говорилъ откровенно все, что могъ вспомнить. Теперь менѣе, нежели когда-нибудь, помню прошедшее. Ужасное обвиненіе, сегодня мнѣ сообщенное, наполнило мою душу какимъ-то хаосомъ сомнѣній, недоумѣній! Но помните мое обѣщаніе. Если я былъ такъ несчастливъ, что былъ причиною несчастія вашего, то по крайней мѣрѣ я буду, въ теперешнемъ моемъ положеніи, сносить и горе, и все такъ, чтобы хоть нѣсколько позволить вамъ исполнить главную единственную мою просьбу: менѣе обо мнѣ безпокоиться. Прощайте“ [1]).

Изъ этихъ строкъ ясно видно, до какой степени былъ потрясенъ Тургеневъ, и это его состояніе вполнѣ понятно; его не испугала участь преступника и возможное наказаніе, а его душа возмутилась возведенной клеветой. Страдая отъ неправды по отношенію къ другимъ, Тургеневъ, естественно, не могъ быть равнодушнымъ, когда эта неправда обрушилась на него. Душу живую его задѣли! Патріотизмъ его, чистый патріотизмъ, не оффиціальный оскорбили! Истину нарушили!

Первая попытка была оправдаться, но тутъ же явилась роковая мысль, какъ можетъ онъ явиться въ свое отечество съ ярлыкомъ „*преступника*“, и эта мысль неотступно преслѣдуетъ Тургенева, пока онъ не рѣшился больше не возвращаться въ Россію.

„Какъ бы участь моя, пишетъ онъ, теперь рѣшена въ Россіи ни была, я повторяю, что для меня, въ семъ отношеніи, все кончено. Никакой приговоръ не можетъ сдѣлать болѣе, нежели сдѣлало объявленное мнѣ оффиціально обвиненіе и слова, что я *государственный пре-*

---

[1]) Рус. Стар. 1901 г. май, 241—4 стр.

ступникъ. Послѣ всего я долженъ сказать, что не моя вина, если почитаютъ меня преступникомъ, между тѣмъ какъ я почитать себя таковымъ никакъ не могу. Но, какъ бы то ни было, я повторяю, что для меня все кончилось, и я долженъ разстаться съ Россіею. Объявленный однажды преступникомъ, что я могу дѣлать въ Россіи во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ. Ничего и никогда. Какъ ни велико это несчастіе, но оно,—я теперь это вижу и чувствую,—оно не выше моихъ силъ. Что всего болѣе меня безпокоитъ, это вы. Увѣряю васъ, истинно, что вы не имѣете достаточныхъ причинъ много горевать обо мнѣ. Я часто бывалъ весьма въ мрачномъ расположеніи духа. Я солгалъ бы, еслибъ сказалъ, что я теперь въ веселомъ расположеніи духа. Но солгалъ бы также, еслибъ сказалъ, что я въ отчаяніи, или близокъ къ отчаянію. Я не могу дать себѣ отчета въ томъ, что со мною дѣлается. Вижу только бѣду, но не вижу причины бѣды. Эта бѣда пришла на меня безъ моего содѣйствія. Я не постигаю, какъ я могу ее заслуживать. Итакъ, чувствуя совѣсть совершенно чистою, я весьма легко могу найтись въ теперешнемъ моемъ положеніи“ [1]).

Въ чемъ же обвиняло правительство Н. Тургенева? Въ донесеніи слѣдственной комиссіи мы читаемъ:

„Бытность Тургенева членомъ тайнаго общества, равно какъ участіе въ учрежденіи, возстановленіи, въ совѣщаніяхъ и въ распространеніи онаго, доказываются показаніями двадцати четырехъ членовъ общества, въ томъ числѣ принятыхъ самимъ имъ Миклашевскаго и Митькова.

На Тургенева показываютъ 24 [2]) человѣка, что онъ былъ членомъ тайнаго общества изъ коихъ трое [3]), что Тургеневъ участвовалъ въ учрежденіи; трое [4]), что Тургеневъ былъ директоромъ; четверо [5]), что Тургеневъ участвовалъ въ возстановленіи; шестнадцать [6]), что Тургеневъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ; одинъ [7]), что Тургеневъ на совѣщаніи былъ предсѣдателемъ; одинъ [8]), что Тургеневъ сочинялъ правила о изыска-

---

[1]) Рус. Стар. 1901 г. май.

[2]) Кн. Трубецкой, Семеновъ, кн. Оболенскій, Колошинъ, Фонвизинъ, Краснокутскій, Глинка, Орловъ, Никита Муравьевъ, Нарышкинъ, Якушкинъ, Комаровъ, Рылѣевъ, Бестужевъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Вадковскій, Митьковъ, Пестель, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Поджіо, кн. Барятинскій, Юшневскій, Швейковскій, Миклашевскій

[3]) Кн. Трубецкой, Семеновъ и Матвѣй Муравьевъ.

[4]) Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Муравьевъ и Юшневскій.

[5]) Кн. Трубецкой, Орловъ, Никита Муравьевъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

[6]) Кн. Трубецкой, Семеновъ, Колошинъ, Фонвизинъ, Орловъ, Рылѣевъ, Митьковъ, Пестель, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Никита Муравьевъ, Нарышкинъ, Якушкинъ, Сергѣй Муравьевъ, Поджіо, кн. Барятинскій, Швейковскій.

[7]) Комаровъ. [8]) Митьковъ.

ніи средствъ къ измѣненію правительства и полученію конституціи, и трое [1]), что Тургеневъ участвовалъ въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ членовъ.

Сомнѣніе настоитъ въ томъ: раздѣлялъ ли Тургеневъ съ другими преступные умыслы на истребленіе императорской фамиліи въ одномъ случаѣ и на удаленіе одной отъ престола въ другомъ. Насчетъ сего показываютъ:

1) Полковникъ *Пестель:* „Въ началѣ 1820 года, въ собраніи коренной думы Союза благоденствія, въ которомъ послѣ долгихъ преній всѣ единогласно приняли республиканское правленіе, на вопросъ, кого желаютъ: монарха или президента? — Тургеневъ сказалъ по-французски: „Президента безъ дальнихъ толковъ“. Сіе заключеніе коренной думы сообщено было всѣмъ частнымъ думамъ, и съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими“.

Изъ числа бывшихъ на семъ совѣщаніи членовъ, на данныхъ имъ очныхъ ставкахъ, Никита Муравьевъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ показаніе Пестеля подтвердили; трое: Семеновъ, Бригенъ и Колошинъ, не подтвердили, а послѣдній, Глинка, даже бытность сего засѣданія отвергаетъ.

2) Подполковникъ *Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ* въ первомъ показаніи 14-го апрѣля: „Никита Муравьевъ и кн. Трубецкой въ 1823 году не были согласны съ преступнымъ предложеніемъ Южнаго общества ввести республиканское правленіе, съ истребленіемъ всей императорской фамиліи; но Николай Тургеневъ раздѣлилъ мнѣніе сіе съ кн. Оболенскимъ, Рылѣевымъ, Александромъ Бестужевымъ, Митьковымъ, Поливановымъ, кн. Голицынымъ, Вадковскимъ, Анненковымъ и Свистуновымъ“ (которые всѣ почти сознались въ семъ преступленіи).

3) Полковникъ *Митьковъ:* „Въ 1823 году въ бывшемъ у него, Митькова, собраніи читали написанныя Тургеневымъ и всѣми одобренныя правила о изыскиваніи средствъ къ измѣненію правительства и къ полученію конституціи.

4) *Пестель* въ другомъ показаніи: „Въ бытность его, Пестеля, въ 1824 г. въ Петербургѣ, при свиданіи съ Тургеневымъ, онъ нашелъ его въ республиканскомъ образѣ мыслей. Бестужевъ-Рюминъ сказывалъ ему, Пестелю, что кн. Трубецкой и Бригенъ сообщили ему о намѣреніи Сѣвернаго общества назначить Николая Тургенева производителемъ дѣлъ въ предполагавшемся верховномъ правленіи.

5) *Бестужевъ-Рюминъ* на вопросъ: кто изъ членовъ общества наиболѣе стремился къ достиженію и исполненію цѣли введенія республики посредствомъ революціи, совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на

---

[1]) Семеновъ, Миклашевскій, Митьковъ.

другихъ?—отвѣчалъ: „директоры общества: Тургеневъ на сѣверѣ, а Пестель на югѣ“, присовокупивъ, что „общество вознамѣрилось ввести въ Россіи республиканское правленіе съ самаго начала по предложенію, сдѣланному Николаемъ Тургеневымъ“.

6) *Рылѣевъ:* „Въ одномъ изъ собраній общества и, кажется, въ томъ, въ которомъ было разсуждаемо о созваніи великаго собора, онъ, Рылѣевъ, сдѣлалъ вопросъ: а что дѣлать съ императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народа? Не вывезть ли за границу? Кн. Трубецкой, подумавъ, отвѣчалъ: болѣе нечего дѣлать, и всѣ бывшіе у него, Рылѣева: Митьковъ, Никита Муравьевъ, Оболенскій и Тургеневъ согласились на сіе“.

На сдѣланные 16 сего іюня по распоряженію коммиссіи верховнаго уголовнаго суда по сему предмету вопросы [1]) показали:

Пущинъ: достовѣрно не знаетъ, былъ ли Тургеневъ въ семъ собраніи.

Митьковъ: въ семъ собраніи у Рылѣева онъ, Митьковъ, не находился.

Кн. Оболенскій: ни утвердить сего, ни отвергнуть не можетъ.

Матвѣй *Муравьевъ-Апостолъ:* совѣщаніе о семъ предметѣ происходило въ квартирѣ полковника Митькова; о Тургеневѣ онъ не упоминаетъ.

Кн. Трубецкой: въ присутствіи его Тургеневъ никогда не изъявлялъ согласія на вывозъ государя императора за границу.

Наконецъ, *Никита Муравьевъ:* о собраніи, бывшемъ у Рылѣева знаетъ только, что оно происходило незадолго до отъѣзда Николая Тургенева за границу; но не въ состояніи привести выраженій, коими Тургеневъ изъявилъ свое условное согласіе.

Изъ свода всѣхъ сихъ показаній открывается, что оныя касаются до разныхъ періодовъ существованія тайнаго общества. Показаніе Пестеля о совѣщаніи 1820 года хотя и подтверждается, кромѣ Пестеля еще двумя сообщниками, но трое, въ томъ же совѣщаніи бывшіе, показанія сего не подтвердили, а четвертый отвергъ даже и бытность сего совѣщанія.

По показанію Матвѣя Муравьева-Апостола, относящемуся къ 1820 году, поименованныя имъ лица спрошены не были, вѣроятно, потому что тотъ же Муравьевъ впослѣдствіи объяснилъ, что онъ Тургеневу сказалъ только, что Южная управа, при своемъ основаніи, положила введеніе республиканскаго правленія, и сказалъ ему Постель, что онъ говорилъ съ членами сѣверной управы объ удаленіи изъ Россіи императорской фамиліи.

---

[1]) Вторичные запросы были сдѣланы по требованію самого Н. Тургенева. Г-

Показаніе Рылѣева, относящееся къ послѣднему времени пребыванія Тургенева въ Россіи, хотя на счетъ бытности совѣщанія и не отвергается, но никто, кромѣ Никиты Муравьева, и то неопредѣленно, не подтверждаетъ согласія Тургенева на вывозъ императорской фамиліи за границу.

Слѣдовательно, остаются только показанія двухъ членовъ общества: *Пестеля и Рылѣева, и то по разнымъ предметамъ, которыхъ коммиссія, почитая опаснымъ въ столь важномъ преступленіи принять достаточнымъ къ обвиненію, считаетъ справедливымъ предоставить сіе обстоятельство разсмотрѣнію Верховнаго уголовнаго суда*“.

Итакъ, передъ нами съ одной стороны обвиненіе Н. Тургенева княземъ Волконскимъ въ *неискренности* и даже во *лжи*, когда онъ отрицаетъ свою принадлежность къ тайному обществу и вообще существованіе даже тайнаго общества послѣ закрытія *Союза благоденствія*, а съ другой стороны даже Слѣдственная коммиссія не находитъ *достаточнымъ доказательствомъ виновности Тургенева*. Правда, Верховный уголовный судъ не раздѣлилъ этого взгляда коммиссіи и приговорилъ Тургенева къ смертной казни, такъ какъ „по показаніямъ 24-хъ соучастниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе; удаляясь за границу, онъ по призыву правительства къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія“. Но вѣдь противъ этого-то приговора и возставалъ главнымъ образомъ въ своихъ оправдательныхъ запискахъ Н. Тургеневъ.

Такимъ образомъ у насъ является вопросъ, на чьей же сторонѣ правда?

Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, намъ нѣтъ надобности входить въ исторію тайныхъ обществъ, намъ нужно только выяснить взглядъ на нихъ Н. Тургенева въ его оправданіяхъ, и посмотрѣть, насколько этотъ взглядъ соотвѣтствовалъ истинѣ и насколько онъ былъ искреннимъ. Этимъ мы снимемъ упрекъ Волконскаго, что „въ глазахъ Европы Пестель былъ бы инымъ историкомъ ихъ дѣлу, чѣмъ Николай Тургеневъ“, и обвиненіе Верховнаго суда.

Николай Тургеневъ подробно останавливается въ своей книгѣ на исторіи одного изъ первыхъ тайныхъ обществъ — „Союзѣ благоденствія“ и нигдѣ не отрицаетъ своей принадлежности къ этому обществу. Однако въ немъ онъ не видѣлъ никакой дѣятельности, никакой организаціи и потому совершенно отрицаетъ реальныя послѣдствія его существованія и какую-либо опасность для государства. „Единственная вещь, ради которой, говоритъ Тургеневъ, я вошелъ въ число членовъ общества, было

желаніе указать его членамъ на положеніе крѣпостныхъ крестьянъ и склонить ихъ на возможное облегченіе ихъ участи". Тургеневъ встрѣтилъ тамъ общее сочувствіе своимъ убѣжденіямъ, но ничего, какъ онъ говоритъ, *не успѣлъ реально;* это обстоятельство, а также бездѣйствіе общества охладили къ нему Тургенева и онъ мало-по-малу отсталъ отъ него. „Вступленіе въ общество, писалъ онъ своему брату, было съ моей стороны нѣкоторымъ пожертвованіемъ. Но что въ свѣтѣ добывается безъ пожертвованій. Матеріально я ничего не сдѣлалъ въ обществѣ для достиженія моей цѣли, но думаю, что, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ поселилъ здравыя мысли о нашемъ крѣпостномъ состояніи. Но, не видя успѣховъ матеріальныхъ, то-есть не видя отпускныхъ, коихъ я требовалъ, я наконецъ совершенно бросилъ эту безплодную землю и въ послѣднее время нимало не заботился и даже не думалъ объ обществѣ" [1]).

„Лучшимъ опроверженіемъ этихъ его словъ, говоритъ Корниловъ, можетъ служить прежде всего его собственная дѣятельность. Хотя онъ можетъ быть формально и не приписался ни къ одной изъ секцій „Союза", но своими дѣйствіями по крестьянскому дѣлу онъ выполнялъ болѣе, чѣмъ требовало бы его участіе въ 1-й отрасли „Союза" (по части человѣколюбія); своей научной и литературной дѣятельностью онъ несомнѣнно выполнялъ обязанности, связанныя съ принадлежностью ко 2-й и 4-й отраслямъ (распространеніе просвѣщенія и занятіе политической экономіей), не говоря уже объ организаціи имъ лекцій и чтеній для молодыхъ офицеровъ-членовъ общества и въ довершеніе всего онъ принималъ живое участіе въ разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ упорядоченію судоустройства и судопроизводства въ Россіи. Однимъ словомъ самъ Н. И. Тургеневъ по своей государственной, общественной и литературной дѣятельности можетъ быть безъ сомнѣнія признанъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ „Союза благоденствія". Конечно, было бы очень трудно сказать, что именно Н. Тургеневъ сдѣлалъ въ качествѣ члена „Союза благоденствія", зато можно сказать, что все, что онъ дѣлалъ, — онъ дѣлалъ въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлями „Союза благоденствія".

„Такою же представляется дѣятельность М. Ѳ. Орлова, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ланкастерскихъ школъ, вполнѣ отвѣчавшая требованіямъ 2-й отрасли „Союза". Такова же дѣятельность И. И. Пущина, пожертвовавшаго своей карьерой и вступившаго вскорѣ по окончаніи лицея въ надворный судъ засѣдателемъ, исключительно въ цѣляхъ способствованія правосудію въ духѣ обязанностей, налагавшихся уставомъ на членовъ 3-й отрасли „Союза". Такова же была дѣятельность

---

[1]) Рус. Стар. 1901 г., май, 248 стр.

Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, Якушкина, Шаховского и другихъ офицеровъ Семеновскаго полка и нѣкоторыхъ другихъ гвардейскихъ частей, о которыхъ вспоминаетъ Н. И. Тургеневъ, и которая, безъ сомнѣнія, вполнѣ соотвѣтствовала 1-й и 2-й отрасли „Союза Благоденствія“ [1]).

Однако эти строки скорѣе подтверждаютъ слова Н. Тургенева о бездѣятельности общества „Союза Благоденствія“, чѣмъ опровергаютъ ихъ. Въ дѣйствительности ни Тургеневъ, ни кто другой не *дѣйствовали*, какъ *членъ общества*, но лишь въ полномъ *соотвѣтствіи* съ уставомъ общества. Очевидно, такія дѣйствія могли быть даже и не его членовъ. Представляя въ такомъ видѣ дѣятельность „Союза Благоденствія“, Тургеневъ навлекъ на себя этимъ даже неудовольствія слѣдственной коммиссіи, которая во что бы то ни стало желала раздуть дѣло. „Они (члены комиссіи) писалъ онъ, негодуютъ за то, что я представлялъ тайныя общества ребячествомъ, вздоромъ. Я съ своей стороны нахожу только затрудненія въ томъ, чтобы соотвѣтственно всегдашнему моему убѣжденію достаточно изобразить всю ничтожность сихъ обществъ. Они думаютъ, что я говорю не то, что думаю. А дѣло въ томъ, что мнѣ кажется, что я недостаточно, недовольно ясно, сильно представляю мое мнѣніе о ничтожности обществъ. Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что, что бы я ни говорилъ, я не могу достаточно выразить убѣжденія моего о ничтожности обществъ и потому самому, что я долженъ говорить о такомъ дѣлѣ, которое не стоитъ слова или строки“ [2]).

Такимъ образомъ, разъ не было никакихъ дѣйствій „Союза Благоденствія“, какъ такового, то никакъ нельзя было вмѣнять въ вину и цѣль общества. Донесеніе слѣдственной коммиссіи видитъ ее въ *подготовленіи* умовъ къ новымъ законамъ путемъ пропаганды и „овладѣвъ мнѣніемъ“; но вѣдь эти новые законы писались самимъ Александромъ I и должны были быть опубликованы, какъ, по крайней мѣрѣ, онъ торжественно сказалъ въ 1818 году въ Варшавѣ при открытіи польскаго сейма, обѣщая распространить на всѣ части имперіи, когда онѣ будутъ къ тому достаточно подготовлены. Такимъ образомъ Тургеневъ нисколько не расходился съ истиной въ своихъ оправданіяхъ, утверждая, что общество было совершенно не опасно для правительства, разъ они сходились въ своихъ взглядахъ.

Во всякомъ случаѣ никакъ нельзя заподозрить искренность его утвержденія. Въ письмахъ къ своимъ братьямъ, гдѣ ему совершенно не надо было скрывать что-либо, онъ неуклонно настаиваетъ, что общества, какъ такового, не было, а если были разговоры, то они оди-

---

[1]) Міръ Божій 8 кн. 1904 г. 33—4 стр. [2]) Рус. Стар. 1901 г., май, 261 стр.

наково велись и въ гостиныхъ, и въ Государственномъ Совѣтѣ и не только членами общества, но и всѣми мыслящими людьми.

„Что касается до обвиненій, на меня взводимыхъ,—это не должно и не можетъ сильно меня тревожить пишетъ М. Тургеневъ. Другіе могутъ думать о мнѣ, что хотятъ, почитать меня злодѣемъ или преступникомъ; это мнѣніе не перемѣнитъ не мало того, что говоритъ мнѣ совѣсть. Дабы судить о вліяніи на меня мнѣнія другихъ, надобно знать, что я самъ о сихъ другихъ думаю. Рѣшенія и приговоры не должны дѣйствовать на меня сильнѣе, нежели мнѣнія. Никакія сентенціи въ мірѣ не могутъ убѣдить меня ни на минуту, что я истинно въ чемъ-либо виновенъ. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ и толкахъ о заговорахъ и обществахъ я истинно не могу надивиться, какъ, могутъ люди, узнавшіе по самымъ подробнымъ показаніямъ всю сущность этихъ тайныхъ обществъ, могутъ еще имѣть какое-либо сомнѣніе, что они были совершенно ничтожны, умирали вскорѣ послѣ своего рожденія и что даже память о нихъ совершенно бы исчезла, если бы не дали имъ этими изслѣдованіями какой то незаслуженной ни въ какомъ отношеніи важности. Что можетъ побудить правительство видѣть въ обществахъ то, чего въ нихъ не было?—я постичь не могу. Что я говорилъ о нихъ въ моихъ изъясненіяхъ—справедливо. Общества, въ настоящемъ или, лучше сказать, въ какомъ-нибудь смыслѣ, точно не было. Не постигаю далѣе, какъ могутъ приписывать возмущеніе этимъ же обществамъ. Я былъ членомъ этого общества, но зналъ и думалъ о возмущеніяхъ такъ же мало, какъ китайскій императоръ. Могу ли я быть оправданъ передъ закономъ? Этотъ вопросъ рѣшить не трудно. Пусть найдутъ законъ, который дѣлаетъ преступленіемъ разговоры частные. Пока сего закона не существуетъ, пока всѣ законы вообще будутъ запрещать дѣйствія, поступки, а не разговоры—дотолѣ оправданіе мое несомнѣнно. Я объявилъ, чего я искалъ въ обществахъ. Дѣло освобожданія крестьянъ было для меня всегда священнѣйшимъ. Оно было единственною цѣлію моей жизни. И даже до такой степени, что, не будучи конечно врагомъ конституцій, я никогда не думалъ, что сіи послѣднія могутъ быть нашею потребностію, прежде важнаго, святого и неизбѣжнаго рано или поздно освобожденія крестьянъ. Я помню, что нѣкоторые весьма добрые и почтенные люди, почитая меня большимъ либераломъ, удивлялись, что либеральность моя ограничивалась желаніемъ свободы гражданской“.

Въ другомъ письмѣ Тургеневъ еще больше настаиваетъ на своей невиновности „Эпиграфомъ моего оправданія можно бы поставить: „безъ вины виноватъ“. Я писалъ его подъ вліяніемъ вашихъ писемъ. Мнѣ какъ-то совѣстно и унизительно виниться тамъ, гдѣ я не виноватъ. Но и я думаю, что иначе нельзя было и писать никакого оправданія. Впрочемъ, это самообвиненіе позволяетъ мнѣ намекать и на ничѣмъ неоправ-

дываемую несправедливость въ обвиненіяхъ. On recule pour miuex santer. Одно юридическое изложеніе показалось бы сатирою. Такъ тутъ мало юрисъ-и простой — пруденціи. Желаю только скорѣе кончить все это дѣло и не думать болѣе о немъ. Нравственное положеніе мое съ каждымъ днемъ становилось лучше и лучше. Я такъ теперь доволенъ своимъ бытіемъ, какъ не былъ никогда. Только мысль о васъ меня огорчаетъ.

„О томъ, что общества запрещены въ 1822 году, я не знаю, могу ли я говорить самъ въ запискѣ. Я не потому вступилъ въ общество, что общества не были запрещены, равно какъ не потому и вышелъ, что общество было опасно или преступно. Я почиталъ общество вздоромъ и никогда не думалъ ни объ опасности, ни о преступности. Какъ думать о томъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ? Я же никогда не думалъ, чтобы было что-нибудь похоже на настоящій тайный союзъ.

„Что касается до изложенія съ моей стороны беззаконностей суда и судей, то это невозможно. Толковать такимъ судьямъ о законѣ было бы доказывать слѣпому прелести цвѣтовъ, глухому—прелести Моцарта. Барановъ! Хитровъ!! Какъ съ сими именами соединить слово законъ? Вы напрасно слишкомъ много негодуете на Сперанскаго. Между такими судіями и то хорошо, если иные по крайней мѣрѣ пробуютъ быть порядочными людьми. Вообще всѣ они не стоютъ опроверженія. Да и кому оно поможетъ? Не возвратитъ никого изъ Сибири. А для себя я конечно отъ такихъ людей не могъ ничего ожидать иного.

„Относительно главнаго замѣчанія, что цѣль не оправдываетъ средства, дѣйствительно о семъ правилѣ я всего болѣе говорилъ, говоря о рабствѣ и о поселеніяхъ. Толковавъ, что рабство должно быть уничтожено свыше учрежденіями, а не самими рабами бунтомъ, что, несмотря на право неотчуждаемое сопротивляться несправедливости, бунтъ даже и рабовъ несправедливъ и вреденъ, даже и для нихъ; что бунтъ есть средство вредное, злое, и т. п. О поселеніяхъ: что, несмотря ни на какую пользу государственную, нельзя людей силою тащить къ благоденствію. Въ семъ же смыслѣ я говорилъ о Петрѣ I. Я не люблю бородъ, но не хорошо кнутомъ и каторгою уничтожать бороды и русское платье“.

„Мои собственныя мысли о смыслѣ, въ какомъ слѣдовало бы мнѣ писать письмо, конечно не согласны съ вашими. Но вмѣстѣ я вижу, что по моимъ мыслямъ нельзя составить такого письма, которое должно быть читано самодержцемъ. Для меня весьма трудно написать письмо такого рода, ибо чувствую, что, обвиняя себя и говоря о проступкѣ, я не только унижаю себя, но и дѣйствую противно убѣжденію совѣсти, ибо ни въ чемъ, совершенно ни въ чемъ не нахожу самого себя виновнымъ. Но il n'y a que le premier pas qui coute—я написалъ записку.

Могу идти далѣе—и написать письмо. Рѣшившись однажды на сіе, я не вижу надобности сочинять новый проектъ“ [1]).

Мы нарочно выписываемъ такъ много изъ этихъ замѣчательныхъ и весьма интересныхъ писемъ Н. Тургенева, чтобы показать, насколько *искренно* и ***правдиво*** онъ писалъ свое объясненіе на донесеніе слѣдственной коммиссіи и насколько вѣрно онъ изобразилъ дѣятельность тайныхъ обществъ. „Я могу ошибаться, но я не лгу—писалъ Н. Тургеневъ; однако мы можемъ сказать теперь, зная изъ другихъ источниковъ о тайныхъ обществахъ, что онъ не далеко удалялся отъ истины: тайныя общества въ томъ широкомъ объемѣ, какъ это представляетъ донесеніе, не существовали; они до конца своего существованія никакъ не могли сорганизоваться и постоянно измѣнялись въ своемъ составѣ членовъ.

Приведемъ еще слѣдующее замѣчательное мѣсто изъ дневника Н. Тургенева, записанное имъ 1822 года 16-го августа. „На сихъ дняхъ вышелъ рескриптъ о закрытіи масонскихъ ложъ и о запрещеніи всякихъ тайныхъ обществъ. О ложахъ, говорятъ, сожалѣютъ нѣкоторые тайные масоны. О тайныхъ обществахъ никто не говоритъ, ибо никто ихъ не знаетъ и не думаетъ, чтобъ они были и могли быть въ Россіи. И подлинно: послѣднее запрещеніе кажется лишнее“. Сіи дневныя записки, говоритъ Жуковскій, Тургеневъ велъ для себя; ихъ не читали и его братья“ [2]).

Наконецъ чтобы покончитъ съ вопросомъ объ искренности и убѣжденности Н. Тургенева, мы скажемъ еще о самоотверженномъ поступкѣ, который едва не имѣлъ для него роковой исходъ, но который былъ внушенъ его возвышенной и правдолюбивой душой.

Дѣло въ слѣдующемъ. Жуковскій по своей безграничной добротѣ и привязанности къ Тургеневымъ и по настоятельнымъ просьбамъ Александра Тургенева, много разъ ходатайствовавшій за его брата передъ императоромъ Николамъ и навлекшій даже на себя непріятности и „головомойку“, однажды послѣ одного изъ многочисленныхъ отказовъ на свои просьбы, опять просилъ передъ Николаемъ I о разрѣшеніи Н. Тургеневу жить безпрепятственно за границей. Онъ писалъ:

„Всемилостивѣйшій государь! Смѣю быть увѣренъ, что не навлеку на себя гнѣва вашего императорскаго величества моимъ поступкомъ. Исполняю обязанность, налагаемую на меня дружбою, и тѣмъ только вновь свидѣтельствую мою благоговѣйную довѣренность къ вашему характеру... Излагаю въ немногихъ словахъ то, что было съ А-ромъ Тургеневымъ въ послѣдніе годы. Въ ту минуту, когда узналъ онъ въ Петербургѣ объ осужденіи старшаго своего брата, находившагося тогда

---

[1]) См. Рус. Стар., 1901 г. май 273, 246—8, 256 и др. стр.

[2]) Рус. Арх. 1895 г. № 9—28 стр.

въ Лондонѣ, получилъ онъ извѣстіе, что другой его братъ, бывшій въ Дрезденѣ, отъ горя лишился ума; пораженный приговоромъ одного брата, онъ принужденъ былъ спѣшить на помощь къ другому, можно сказать, полумертвому, котораго нашелъ убитаго и потерею брата, и собственнымъ несчастіемъ, и климатомъ. Проведя съ нимъ нѣсколько времени, онъ долженъ былъ и его покинуть, ибо его присутствіе не облегчаетъ, а увеличиваетъ бремя жизни осужденнаго, который въ братѣ своемъ видитъ новую жертву судьбы, его постигшей. Онъ находится теперь въ Парижѣ для того, чтобы быть хотя вблизи брата. Итакъ, не можетъ быть ни съ нимъ вмѣстѣ, ни розно. Такое состояніе можетъ быть названо мученическимъ, и тѣ, которые видѣли его въ послѣднее время, говорятъ, что онъ самъ, отъ безпрестанной тоски по братѣ, находится въ опасности потерять разсудокъ. Его состояніе тѣмъ болѣе бѣдственно, что онъ увѣренъ, что братъ его былъ бы совершенно оправданъ, если бы явился къ суду, и что онъ себя почитаетъ одною изъ главныхъ причинъ его несчастія, ибо, видя, какое невыгодное мнѣніе на счетъ брата распространено было въ Петербургѣ во время производства слѣдствія, онъ самъ уговорилъ его прислать одно письменное оправданіе вмѣсто того, чтобы явиться лично. Но при всемъ полномъ убѣжденіи въ невинности брата, онъ умоляетъ васъ, государь, не объ его оправданіи, а только о нѣкоторомъ облегченіи собственной участи, умоляетъ единственно о возможности спасти жизнь брата переселеніемъ его на континентъ. Все было бы сдѣлано для А. Тургенева, если бы дано было секретное повелѣніе нашимъ миссіямъ не тревожить его брата тамъ, гдѣ онъ на континентѣ жить будетъ.

„Государь! Александръ Тургеневъ жертвуетъ братской любови всею своею жизнію, спокойствіемъ, отечествомъ, дѣятельностью, счастіемъ служить вамъ—къ сему мнѣ прибавить нечего. Кто лучше васъ опредѣлитъ цѣну такому братскому самоотверженію?“ [1]).

На другой день Жуковскій получилъ черезъ государыню отвѣтъ такого рода:

„Императоръ не можетъ ничего сдѣлать для А. Тургенева въ дѣлѣ его брата, а тѣмъ болѣе для его брата; но если этотъ послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора; онъ сумѣетъ оказать ему справедливость“ [2]).

Передавая этотъ, повидимому, благопріятный отвѣтъ, Жуковскій однако не рѣшился дать какой-либо совѣтъ, а его письмо было скорѣе предупрежденіемъ, чтобы Н. Тургеневъ не ѣздилъ въ Россію. „Итакъ, заканчиваетъ Жуковскій свое письмо, прежде, нежели на что-нибудь рѣшиться, ему надобно непремѣнно быть напередъ увѣреннымъ, что

---

[1]) Рус. Стар. 1902 г. апрѣль, стр. 69—71. [2]) Тамъ же, стр. 71.

онъ можетъ соотвѣтствовать сей готовности государя оказать ему правосудіе, что его доказательства будутъ достаточны, что онъ *представитъ судьямъ своимъ нѣчто болѣе убѣдительное, нежели послѣднее его оправданіе.* Опять повторяю: не могу дать никакого совѣта. Пускай Николай поступитъ, какъ скажетъ ему его добрый геній. Я съ своей стороны *сохраню убѣжденіе въ его невинности и тогда*, когда бы онъ нашелся принужденнымъ сказать государю, столь великодушно его призывающему: болѣе тѣхъ доказательствъ, кои мною представлены на бумагѣ, я не имѣю. Если они недостаточны, то не могу быть оправданъ, хотя и невиненъ. Но послѣ такого отзыва судьба его рѣшится навсегда“ [1]).

Получивъ это письмо, Н. Тургеневъ рѣшился на рискованный шагъ и въ немъ мы узнаемъ правдолюбіе Тургенева, его непреклонное стремленіе къ справедливости, какою бы цѣною она ни была куплена. Во вторникъ 6-го апрѣля Н. Тургеневъ писалъ брату въ Парижъ:

„Если послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора. Онъ сумѣетъ оказать ему справедливость“.

„*Я счелъ бы себя опозореннымъ, если бы я колебался хотя одну минуту принять подобное предложеніе.* Вотъ мой короткій отвѣтъ. Я не думаю, не желаю думать о послѣдствіяхъ такого отвѣта. Не знаю, что со мною будетъ. Не имѣю никакой надежды на судей, не могу имѣть сей надежды, ибо судьи однажды осудили меня въ такихъ преступленіяхъ, въ коихъ я не былъ и обвиняемъ. Но государь произнесъ, что онъ сумѣетъ оказать мнѣ справедливость. Этого довольно! Никакай государь не можетъ сдѣлать болѣе. Я знаю, что я невиненъ! Я знаю также, что и по законамъ я невиненъ. Слѣдовательно, я не могу и не долженъ отказать того, что мнѣ предлагается. Я исполню свой долгъ! Пусть другіе исполняютъ свой съ ихъ стороны. Доказательствъ новыхъ моей невинности я не имѣю. Обвиняли. Судей я и теперь боюсь: этого не скрываю. Но для меня нѣтъ выбора: Государь говоритъ, что если я невиненъ, то онъ дастъ мнѣ правосудіе. Я невиненъ, и *безъ безчестія и гнусности* не могу отказаться отъ предлагаемой мнѣ милости. Я обязанъ былъ бы уже принять ее и для тѣхъ, кои никогда не сомнѣвались въ моей невинности, и заплатить имъ такимъ знакомъ признательности за доброе о мнѣ мнѣніе. Итакъ, мнѣ остается только ожидать: куда и когда государь велитъ мнѣ явиться...

„Еслибъ я думалъ только о позитивныхъ выгодахъ ежедневной жизни, то я бы не такъ легко рѣшился. Зло сдѣлано. Я опубликованъ былъ въ Европѣ заговорщикомъ. Мнѣ за 40 лѣтъ. Плановъ на будущность

---

[1]) Рус. Стар. 1902 г. апрѣль, стр. 73.

не имѣю и имѣть не могу. Къ свѣтской жизни не расположенъ и не способенъ... А невыгодъ куча и до оправданія. Весьма легко можетъ случиться, что меня арестуютъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Россію. Статься можетъ, что и государю представятъ, что приличіе требуетъ моего осужденія, ссылки и пр. и пр. Несмотря на все это, я ѣду на вѣрную гибель или бѣду, 20 лѣтъ житья въ Англіи для меня легче 20 дней сидѣнія въ крѣпости“ [1])...

Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, А Тургеневъ писалъ Жуковскому: „Я могъ только плакать и потомъ молиться, когда прочелъ письмо брата, молиться и благодарить Бога за такого брата. Страшусь, какъ и онъ, судей, но изъ записокъ его, на случай смерти писанныхъ, еще яснѣе вижу всю его невинность и надѣюсь. Полагаю упованіе на Бога“ [2])..

Въ этомъ рѣшеніи Н. Тургеневъ вылился весь цѣликомъ, въ немъ же болѣе всего мы видимъ искренность его взглядовъ на тайныя общества. Одно это рѣшеніе, помимо его нравственной высоты, снимаетъ всякое обвиненіе во лжи, возводимое на него Волконскимъ.

III.

Волконскій обвиняетъ Тургенева главнымъ образомъ въ томъ, что онъ отрицаетъ свою принадлежность къ Сѣверному обществу послѣ роспуска „Союза Благоденствія“. У насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, доказывающихъ о несомнѣнной его принадлежности, но мы имѣемъ неуклонное отрицаніе этого факта со стороны самого Тургенева, а этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы повѣрить ему.

Вѣдь, что касается показаній его сотоварищей, заключенныхъ въ Петропавловскую крѣпость, то мы видѣли всю ихъ противорѣчивость; она была настолько очевидна, что даже слѣдственная коммиссія не рѣшилась обвинить Н. Тургенева; мы также знаемъ, въ какомъ состояніи дѣлались показанія. Кн. М. С. Волконскій сообщаетъ, напримѣръ, что непрерывные допросы, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, очныя ставки, перекрестные допросы, повторявшіеся почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тяготили его отца и нравственно измучили его совершенно. Надо думать, что душевное состояніе другихъ его товарищей было такое же. Вотъ въ какомъ видѣ намъ изображаетъ свои душевныя муки Рылѣевъ:

„Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ,—
Когда я сброшу жизнь мою?.
Кто дасть крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію.

---

[1]) Рус. Стар. 1902 г., апрѣль, 82—5 стр. [2]) Тамъ же, стр. 86.

Весь міръ какъ смрадная могила.
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ, Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ моихъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши".

Нѣкоторыхъ мучило раскаяніе, что они увлекли другихъ къ погибели, были и совершенно упавшіе духомъ и старавшіеся во что бы то ни стало спастись и выгородить себя; были, наконецъ, и такіе, которые доведены были до полнаго нравственнаго разстройства [1]).

Кромѣ того, мы знаемъ истинную подкладку нѣкоторыхъ показаній; Рылѣевъ, напримѣръ, показаніе котораго имѣло огромное значеніе для Н. Тургенева, по словамъ Н. Бестужева, видя, что правительству извѣстны всѣ факты, старался тогда выставить все въ преувеличенномъ видѣ, чтобы показать силу обществъ. Показаніе Никиты Муравьева, также весьма тяжелое и важное, имъ же самимъ отрицалось и было причиной его душевныхъ терзаній. Наконецъ, на Тургенева могли показывать и безъ основанія, такъ какъ знали, что онъ „за предѣлами досягаемости".

Кромѣ того, по поводу нареканій Волконскаго, могутъ явиться слѣдующія соображенія, нелишенныя вѣроятности.

Въ 1820 году кн. С. Г. Волконскій говорилъ съ Тургеневымъ, какъ съ членомъ тайнаго общества. Въ послѣдующія свои поѣздки онъ могъ встрѣчаться съ нимъ, какъ съ частнымъ лицомъ, мнѣніемъ котораго однако же вожаки общества могли дорожить, несмотря на то, что онъ въ немъ не принималъ активнаго участія. Кн. Волконскій могъ даже думать, по недоразумѣнію, что Тургеневъ принадлежалъ къ обществу. Разговоръ съ Тургеневымъ вовсе не служилъ самъ по себѣ доказательствомъ принадлежности его къ обществу... Фразу Тургенева могло сказать всякое лицо, которому извѣстны были замыслы Южнаго общества. Въ какомъ-нибудь спорѣ или разговорѣ она могла быть оказана иронически, напримѣръ, для выраженія сомнѣнія въ осуществимости этихъ плановъ. И въ такомъ именно смыслѣ, всего скорѣе, могъ оказать ее такой человѣкъ, какъ Тургеневъ, который, безъ сомнѣнія, относился къ планамъ Южнаго общества въ высшей степени скептически. Что касается сношеній и разговоровъ съ отдѣльными членами тайныхъ обществъ, то, разумѣется, они у Тургенева были до самаго

---

[1]) Міръ Божій, 1903 г., 8 кн., 44—5 стр.

его выѣзда за границу и не могли не быть, потому что въ тайныхъ обществахъ участвовали люди по своимъ нравственнымъ качествамъ, по своему образованію и стремленіямъ по большей части весьма симпатичные Тургеневу, а съ другой стороны самъ Тургеневъ былъ личностью, настолько выдающейся и просвѣщенной, что и со стороны членовъ тайныхъ обществъ и ихъ вожаковъ было вполнѣ естественно поддерживать съ нимъ отношенія. Вѣдь это были люди одинаковаго съ нимъ круга, однихъ понятій, даже во многомъ одинаковыхъ взглядовъ. Да онъ и самъ этого не отрицаетъ, а даже разсказываетъ объ одномъ свиданіи своемъ съ Пестелемъ въ началѣ 1824 г., когда Пестель былъ въ Петербургѣ, незадолго до отъѣзда Тургенева за границу [1]).

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ [2]), что Н. Тургеневъ въ своемъ оправданіи будто бы желалъ оправадать себя и товарищей и потому кривилъ душой. Для каждаго послѣ приведенныхъ данныхъ о характерѣ Николая Ивановича, совершенно ясно, что онъ не могъ этого дѣлать. Дѣйствительно, участь ссыльныхъ постоянно безпокоила Н. Тургенева, доказательство этому мы имѣемъ въ слѣдующемъ хотя бы письмѣ къ нему брата Александра отъ 26-го октября 1827 года:

...„Ты напрасно сокрушаешься о сосланныхъ, пишетъ А. Тургеневъ; я увѣренъ, что это опять вздоръ; они не работали и не работаютъ. Я самъ въ Эмсѣ читалъ письма жены С. Волконскаго къ Софьѣ Г. Волконской. Она осталась съ нимъ, вопреки желанію и надеждѣ родителей, ибо хотѣла остаться. И въ письмѣ, сегодня полученномъ, княгиня Софья увѣдомляетъ меня о письмахъ, ею оттуда полученныхъ: имъ не дурно. О работѣ ни въ Эмсѣ, ни теперь ни слова. Кн-я Софья Григорьевна пишетъ мнѣ о всѣхъ подробностяхъ, между прочимъ о здоровьѣ ея брата; какъ бы не написала о работѣ? Я и прежде зналъ, что это вздоръ“ [3])...

Несмотря на то, что Н. Тургеневъ пострадалъ лишь благодаря приведеннымъ показаніямъ заключенныхъ декабристовъ, у него всегда было самое лучшее къ нимъ отношеніе. Онъ очень раскаивается въ томъ, что позволилъ называть ихъ злодѣями и подобными названіями.

„Съ того времени, какъ я написалъ записку, мнѣнія мои о многомъ, въ ней содержащемся, измѣнились, писалъ онъ своему брату. Слѣдуя вашимъ письмамъ, я называлъ въ запискѣ подсудимыхъ *злодѣями*, *злоумышленниками* и т. п. Это никуда не годится и должно быть исправлено. Впрочемъ, можно избѣгнуть выраженій относительно лицъ, говоря только о томъ, въ чемъ они признавались, какъ о намѣ-

---

[1]) Міръ Божій, 8 № 1903 г., 42—3 стр.

[2]) См. записки бар. Розена и ст. Семевскаго въ Энциклоп. словарѣ 67 полутомъ.

[3]) Рус. Архивъ 1895 г. № 9—74 стр.

реніяхъ преступныхъ, злодѣйскихъ.—Читая рапортъ, при составленіи моей записки, я сему рапорту вѣрилъ совершенно. Послѣ мнѣ представилось на умъ, что въ рапортѣ могли не помѣстить всего, что другіе подсудимые могли говорить о мнѣ. И подлинно. Вѣроятно ли, что никто не говорилъ о моихъ мнѣніяхъ о рабствѣ. Напротивъ, не отъ сихъ ли мнѣній моихъ о рабствѣ произошло сіе недоброжелательство ко мнѣ въ судьяхъ. Далѣе: все ли было помѣщено въ рапортѣ аккуратно.—Далѣе, вслѣдствіе сихъ стараній открыть что-нибудь противъ меня, не былъ ли Муравьевъ вынужденъ показать, что я былъ однимъ изъ основателей новаго общества. Я не вижу никакой иной причины для Муравьева показывать сіе на меня, ибо онъ зналъ или долженъ былъ знать, что сіе показаніе ни мало не справедливо. Можетъ быть и показаніе Пестеля о фразѣ искажено въ рапортѣ. Все сіе убѣждаетъ меня, что я не долженъ говорить лично о подсудимыхъ такъ, какъ я говорилъ о нихъ. И вы меня чувствительно обяжете, вымаравъ выраженіе: злодѣй и т. п. изъ записки. *Я могу оправдывать себя*, но не *долженъ говорить такъ о людяхъ, кои несравненно несчастнѣе меня, и въ истинѣ показаній коихъ я не могу быть увѣренъ*“ [1]).

Въ этихъ словахъ мывидимъ все только благородство и всю незлобивость Н. Тургенева. Изъ его же писемъ мы узнаемъ настоящую причину его желаній оправдаться: всѣ оправданія были сдѣланы изъ любви Н. Тургенева къ братьямъ, которые сильно страдали отъ постигшей его участи. Кромѣ того, что они должны были бросить службу, ихъ покинули даже всѣ знакомые, ихъ стѣсняло само правительство, не позволяя видѣться съ Николаемъ Ивановичемъ, а младшаго Сергѣя привлекая даже (по ошибкѣ) вмѣсто Николая по дѣлу декабристовъ; это такъ подѣйствовало на душевное состояніе Сергѣя, что онъ сошелъ съ ума и черезъ годъ умеръ въ цвѣтущіе годы своей молодости и блестящей карьеры.

„Вчера я получилъ письмо ваше ко мнѣ, 17-го мая, отъ Сергѣя писалъ онъ Александру. Съ горестію вижу, что вы точно въ несчастномъ положеніи отъ меня. Вотъ одно, что для меня тяжело. Надѣюсь, что послѣднія мои письма васъ успокоятъ. Если же нѣтъ—то скажу откровенно, къ горести присоединится чувство нѣкотораго негодованія. Далѣе, я думаю и для васъ и для меня наиболѣе приличнымъ и необходимымъ ни мало не хлопотать обо мнѣ. Признаюсь: опасаюсь, что вы слишкомъ далеко пошли или пойдете въ защищеніи меня. „Голосъ братскій безсиленъ“, пишете вы, но прошу и убѣждаю васъ не вступаться ни во что оффиціальное, до меня касающееся. Я такъ спокоенъ совѣстью, что всякое оправданіе представляется мнѣ совер-

---

[1]) Рус. Стар. 1901 г., 269—270 стр

шенно излишнимъ, и я часто сожалѣлъ, что написалъ къ вамъ мое изъясненіе. Но тогда я не зналъ еще, что я „преступникъ государственныхъ законовъ“. Слова ваши: „Думаю о тебѣ ежеминутно“, „Буду жить здѣсь только для тебя“ и т. п. Вотъ мое несчастіе истинное, почти нестерпимое. Поставьте себя на мое мѣсто и скажите: могу ли я быть свободенъ отъ тяжелой грусти, видя, что вы въ ужасномъ безпокойствѣ и смущеніи“ [1]).

„Я теперь совсѣмъ не въ томъ расположеніи духа, повторялъ онъ, въ какомъ былъ, когда писалъ записку, и даже тогда я вчиталъ себя въ то расположеніе вашими письмами. Радуясь вашему участію въ письмахъ вашихъ, я вмѣстѣ не безъ горя вижу, что васъ все это слишкомъ много ажитируетъ, но я начинаю какъ-то не понимать сей ажитаціи, хотя и думаю, что ваше положеніе гораздо непріятнѣе, нежели мое собственное“ [2]).

Къ тому же Н. Тургеневъ теперь рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не ѣхать въ Россію. „На мое ходатайство могутъ, пишетъ онъ, отвѣтить: явись. А я, если бы и хотѣлъ, то не долженъ являться. Это противно нравственному достоинству человѣка. Покоряться добровольно несправедливости по крайней мѣрѣ такъ же противно нравственности, какъ и быть самому несправедливымъ. Будетъ того, что и терпимъ несправедливости недобровольно“ [3]).

Однако братья настаивали, чтобы Н. Тургеневъ хлопоталъ объ оправданіи; Александръ подаетъ надежду на это и передаетъ слова Штейна и Жуковскаго, что надо хлопотать: „Вотъ слова Штейна, пишетъ Александръ въ Лондонъ. „Надобно просить государя только о томъ, чтобы избралъ людей, кои бы разсмотрѣли доставленную бумагу брата и сравнили ее съ показаніями, на коихъ основано осужденіе. Сей бумаги достаточно для опроверженія. Вотъ единственное, на чемъ настоять должно и о чемъ просить. О требованіи новаго суда ни слова. Надобно сказать, что сія бумага замѣняетъ лицо брата, что онъ самъ болѣе того въ ней сказать не можетъ и что ее можно принять вмѣсто него“.... Другая помѣха читать письмо твое была въ приходѣ весьма для меня неожиданномъ сенатора Кушникова, который здѣсь съ умирающей женою. Онъ былъ въ числѣ судей твоихъ, и я не знаю, въ чемъ состояло его мнѣніе; не полагаю его въ числѣ 5-тп полусправедливыхъ. Но онъ племянникъ Карамзину, и я принялъ его учтиво. Впрочемъ, Богъ съ ними. У насъ въ душѣ и сердцѣ Сергѣй. Никакого враждебнаго чувства быть въ сердцѣ не можетъ. Посовѣтуюсь съ гр. Строгановымъ. Можетъ быть и рѣшусь показать Кушникову несправедливость суда, если увижу, что это полезно быть можетъ“ [4]).

---

[1]) Рус. Стар. 1901 г. май, 248 — 9 стр. [2]) Тамъ же, 263 стр. [3]) Тамъ же 265 стр. [4]) Рус. Арх. 1895 г., № 9, 50 стр.

Во второй разъ онъ пишетъ уже о мнѣніи Кушникова, который говоритъ, что оправдательная записка Н. Тургенева достаточно убѣждаетъ въ его невинности, и еще сильнѣе убѣждаетъ хлопотать объ оправданіи.

„Былъ у Кушникова. Два—три раза повторилъ онъ мнѣ, что, прочитавъ бумаги твои съ большимъ вниманіемъ, онъ самъ для себя пришелъ къ одному результату, т.-е.. что никогда бы не обвинилъ тебя и что почитаетъ тебя невиннымъ но вмѣстѣ съ симъ говорилъ много о неявкѣ, о принадлежности къ тайному обществу, вопреки тому, что они запрещены еще со временъ Екатерины. Я объяснилъ ему неявку и такъ же сказалъ, что запрещеніе было только съ 1822 года; что самъ Балашевъ, beau-frère его, министръ полиціи, ободрялъ, приглашалъ въ массонскія тайныя общества, при Екатеринѣ II запрещенныя, что Сперанскій, будучи государственнымъ секретаремъ, заводилъ ложу въ Коммиссіи Законовъ; слѣдовательно никакъ нельзя почитать тайныя общества запрещенными. Онъ понялъ все и опять повторилъ мнѣ, что болѣе ничего сказать мнѣ не можетъ, такъ-то, что никогда бы, никакъ и ни къ чему бы не приговорилъ тебя, что и въ судѣ остался онъ при своемъ мнѣніи, въ Коммиссіи данномъ (онъ былъ членомъ не слѣдственной, но предварительной коммиссіи, категоріи составлявшей); что представлялъ суду разсмотрѣть недостаточность показаній на тебя; что особливо военные вопили жестоко противъ всѣхъ, особливо противъ тебя; что о неявкѣ твоей былъ какой-то рескриптъ государя. Кажется, онъ ошибается. Но спасибо и за это, ибо въ атмосферѣ сенатской и вообще гражданской, въ коей созрѣли и образовались его понятія юридическія, и это не худо...

„Поутру ходилъ прощаться съ гр. Строгановой, потомъ зашелъ къ Кушникову и съ жаромъ говорилъ съ нимъ о нашемъ дѣлѣ; онъ сказалъ, что увѣренъ, что государь обрадуется случаю найти невиннаго. Я хотя не очень вѣрю этой радости, но вѣрю тому, что онъ можетъ устыдиться Европы и потомства. Кушниковъ былъ употребленъ имъ много по дѣлу о заговорщикахъ московскихъ, и онъ будетъ гласнымъ свидѣтелемъ въ Москвѣ твоей невинности, и гр. Строгановъ можетъ упереться на него при случаѣ“ [1]).

А между тѣмъ по поводу желаній бретьевъ искать оправданій Николай Тургеневъ еще раньше писалъ слѣдующее замѣчательное письмо:

„На послѣднее замѣчаніе повторяю, что я не имѣю ни права, ни охоты обращать записку къ государю. Съ какой стати? Онъ утвердилъ приговоръ суда, и если я осужденъ несправедливо, то сему причиною конечно судъ, а не государь. — Но если государь можетъ быть расположенъ обратить на меня вниманіе справедливое, то для убѣжденія въ

---

[1]) Рус. арх. 1895 г. № 9, 53—4 стр.

полной моей невинности нужно только бросить взглядъ на таблицу. Для безпристрастнаго этого довольно. По моему мнѣнію, для государя и для всякаго человѣка вообще достаточно видѣть, что была несправедливость, дабы желать отстранить несправедливость, отъ чего бы она ни происходила. Я честію увѣряю, что и на судей моихъ я не негодовалъ и теперь не негодую. Извѣстно, что часто инквизиторы жгли еретиковъ будучи въ душѣ увѣрены, что они дѣлаютъ угодное Богу. Я знаю понятія нашихъ судей. Какъ могу я, безъ сумасшествія, ожидать, чтобы кн. Петръ Васильевичъ (Лопухинъ?) судилъ такъ, какъ судилъ лордъ Масфильдъ? Можно ли сердиться на Глинку, что онъ не написалъ русскую исторію такъ, какъ Карамзинъ? Можетъ ли медвѣдь танцовать такъ, какъ танцовалъ Вестрисъ? — Меня почитаютъ несчастливымъ. Я таковымъ себя не почитаю. Почему? Потому, что я привыкъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ. Тамъ, гдѣ 13 милл. въ рабствѣ—кто можетъ ожидать справедливости? Я презиралъ бы самъ себя, если бъ несправедливость, мнѣ оказанная, меня удивила. Я не фразами жилъ по сію пору. То, что я говорилъ, я всегда чувствовалъ. Я не могу ясно изобразить всего, что я чувствую и думаю о семъ предметѣ. — Могу ли я желать **просить** о пересмотрѣ приговора?—Нѣтъ! Безъ униженія собственнаго я этого сдѣлать не могу, даже и въ ожиданіи вѣрнаго успѣха. Я уже сдѣлалъ, вѣроятно, **болѣе**, нежели сколько могъ себѣ позволить, написавъ записку въ томъ видѣ, какъ я ее написалъ. Я въ ней обвиняю себя, не чувствуя себя виновнымъ. Это не совсѣмъ хорошо. Въ семъ я нахожу первое разногласіе между моею совѣстію и моими поступками. Но я это сдѣлалъ для исполненія желанія брата Александра. Слова, въ его письмахъ содержащіяся, я перенесъ въ мою записку. Болѣе я теперь сдѣлать не могу. Не могу идти далѣе. Сего и братья отъ меня требовать не будутъ, даже если я самъ загораждаю себѣ путь къ возможности возвратиться въ прежнее мое положеніе. Чего я могъ просить даже и отъ государя? Какой милости? Повторяю, что приговоръ оправдалъ мой поступокъ. Гдѣ несправедливость? Въ неявкѣ или въ приговорѣ? Съ чьей стороны le tort? Конечно, не съ моей. Кто долженъ поправлять прошедшее? Вознаграждать за несправедливость? Конечно, не я.—Если истина, если правда имѣетъ цѣну въ глазахъ тѣхъ, отъ кого зависитъ дѣло, то они обязаны поправить дѣло не для меня, но для справедловости. Если же ихъ понятія о справедливости или о мнѣ особенно не позволятъ имъ признать моей невинности, признать, что со мною поступлено несправедливо, тѣмъ хуже для нихъ. Я не долженъ, униженіями самого себя, стараться достичь того, что должно быть произведено чистымъ признаніемъ правды съ ихъ стороны. Если правда не сильна для убѣжденія ихъ въ моей невинности, то униженіе съ моей стороны не можетъ

или по крайней мѣрѣ не должно произвести сего дѣйствія. Я долженъ сохранить не только чистую совѣсть, но и нравственное мое достоинство. По сію пору я сдѣлалъ уже много уступокъ (consessions); но не могу дѣлать болѣе. Чувство чистой совѣсти достаточно для смерти. Чувство нравственнаго достоинства необходимо для жизни. Съ нимъ я теперь живу покойно, дышу вольно, смотрю на людей прямо. Оно сохранитъ мнѣ спокойствіе и ясность души вездѣ, гдѣ бы я ни былъ.—Просить прощенія въ винѣ дѣйствительной есть искать уклониться отъ закона. Это значитъ искать, желать, просить несправедливости.—Если бъ я когда-либо былъ осужденъ по закону, я не сталъ бы просить помилованія. Законъ долженъ быть исполненъ. Все, что я почитаю позволительнымъ для меня въ моемъ положеніи, есть уклониться отъ сего закона и продолжать не являться. Меня могутъ, передъ закономъ, осудить за неявку, я могу избавить себя отъ сего осужденія, оставаясь въ Англіи, могу, ибо чувствую, что я, не явившись, избавилъ себя отъ приговора несправеливаго. Въ теперешнемъ моемъ положеніи не я въ долгу у другихъ. Если, чего я, впрочемъ не ожидаю и не могу благоразумно ожидать, государь захочетъ отвратить сдѣланную мнѣ несправедливость, несмотря на мою неявку, и такимъ образомъ сдѣлать болѣе, нежели сколько требуетъ строгая справедливость, тогда я буду въ долгу и въ обязанности расплатиться всѣми возможности средствами. Я могу *принять такое благодѣяніе, но не могу просить его.*—Но я по всему вижу, что я не буду обремененъ бременемъ признательности. Вижу это, ибо вижу, что другіе, не болѣе меня виновные, не избѣгли Сибири или другихъ наказаній“ [1]).

Такихъ писемъ или выдержекъ изъ нихъ мы могли бы привести безъ конца, такъ какъ Н. Тургеневъ своимъ братьямъ только и писалъ, что о своемъ дѣлѣ. Онъ увѣрялъ ихъ, что осужденіе его не трогаетъ нисколько, и что онъ примирился съ своимъ положеніемъ, однако это было не совсѣмъ такъ. Гр. Разумовская, ѣздившая по порученію Александра въ Лондонъ извѣстить о смерти Сергѣя, передаетъ намъ то тяжелое состояніе, въ которомъ находился Н. Тургеневъ. Она слѣдующее пишетъ о своемъ первомъ свиданіи съ Николаемъ Ивановичемъ: „Нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ вашимъ братомъ, внушили мнѣ глубокое къ нему уваженіе. Какая высота, сколько силы, нѣжности въ его душѣ. Когда я увидѣла, что онъ кончаетъ второе письмо, я подошла къ нему. Онъ зарыдалъ, склонясь къ моему плечу; рыданія переходили почти въ судороги. Послѣ этого естественнаго движенія, онъ всталъ и произнесъ раздирающимъ душу голосомъ: „Это

---

[1]) Рус. стар. 1901 г. май, 267—8 стр.

слишкомъ! Это слишкомъ“! Слезы прекратились. Желая ихъ вызвать, я передала всѣ подробности несчастія, разсказывала всѣ тѣ обстоятельства, которыя могли бы его тронуть. Тогда онъ умиленно сталъ говорить о васъ: „Мой бѣдный Александръ. Какъ перенесетъ онъ эту потерю. Онъ такъ любилъ Сергѣя“ [1]).

О тяжеломъ состояніи Н. Тургенева она еще сообщала: „Если не будетъ ничего новаго здѣсь или въ вашихъ письмахъ, то я уѣду въ воскресенье вечеромъ. Я считаю, что это возможно: вашъ братъ владѣетъ собой. Его чувства такъ глубоки, что ему надлежитъ дѣлать больше усилія надъ собою; онъ достигъ того, что почти управляетъ собою, и онъ теперъ въ такомъ состояніи, въ какомъ, полагаю, останется на долгое время.

„То, что вы предлагаете [2]), очень странно, сказалъ онъ мнѣ. Вы выдумали это только потому, что считаете меня слишкомъ слабымъ для перенесенія моего ужаснаго бремени: вы сообщите ваши наблюденія моему брату и обезпокоите его. Но вы ошибаетесь: я прекрасно могу вынести мое горе; мнѣ никого не нужно; мнѣ совсѣмъ все равно, будете ли вы здѣсь или нѣтъ; объ одномъ моя забота—*быть живымъ* [3]). Это я обѣщалъ Александру, а затѣмъ не все ли равно, что я страдаю, *лишь бы не умереть*“ [4]).

Передавая еще о своемъ впечатлѣніи, Разумовская писала:

„Что меня поражаетъ въ Николаѣ—это властность, которую онъ естественно беретъ съ другими; чувствуешь его превосходство, но нисколько этимъ не оскорбляешься: оно внушаетъ лишь преданность. Вотъ два человѣка, съ которыми я познакомилась, благодаря вамъ; трудно сказать, какъ вамъ я за это обязана. Николай представляетъ *образецъ человѣка* въ самомъ *благородномъ смыслѣ*, Жуковскій—*сверхъестественнаго существа* [5])“.

Такое впечатлѣніе производилъ Николай Ивановичъ на совершенно постороннихъ людей, каковой въ этомъ случаѣ была гр. Разумовская, и таково любящее и сострадательное отношеніе было между братьями,—можно сказать оно было безпримѣрное. Любовь брата и Жуковскаго къ Николаю Тургеневу и ихъ увѣренность въ чистотѣ вылились въ очень красивую и образную басню. Вотъ она:

„Кусокъ золотой руды лежалъ въ горнилѣ на сильномъ огнѣ. Голикъ смотрѣлъ на него изъ угла и такъ разсуждалъ самъ съ собою: „Бѣдное золото, жаль мнѣ тебя. Какъ тебя жгутъ и мучатъ. Какому

---

[1]) Рус. Арх. 1895 г. № 8, 491 стр.

[2]) Разумовская предложила еще прожить въ Лондонѣ для Н. И.

[3]) Очевидно, у Н. И. являлась мысль покончить съ собой.

[4]) Рус. Арх. № 8, 1895, 500 стр.

[5]) Тамъ же, 496 стр.

жестокому тирану досталось ты въ руки. Между тѣмъ огонь погасъ, и золото вышло чистымъ изъ горнила“ (Далѣе приписано рукою Жуковскаго). „Изъ него сдѣлали крестъ, и люди стали въ немъ обожать символъ спасенія. Глупый голикъ, тебѣ ли судить о золотѣ. Положи въ огонь тебя—затрещишь, разлетишься дымомъ, и послѣ тебя останется горсточка пепла. А золото? И въ самомъ пылу огня не роптало оно на судьбу свою. Оно вѣрило тому, Кто положилъ его въ горнъ; знало, что безъ огня не быть ему чистымъ, и даже радовалось жгучему пламени, которое возвышало его достоинство. Огонь палитъ, это правда, но золото должно быть чистымъ. Кто осмѣлится сказать, видя его очищеннымъ: жаль, что его клали въ горнъ. Голикъ можетъ охать, смотря на огонь, потому что онъ голикъ; но тотъ, кто самъ золото, скажетъ смиренно: огонь на минуту, а чистота навсегда. Золотою рудою можно остаться въ темномъ нѣдрѣ земли, но на бѣломъ свѣтѣ надобно быть чистымъ золотомъ. Это то же, что сказалъ одинъ практическій мудрецъ: чистой совѣсти довольно, чтобъ умереть; но жить нельзя безъ достоинства. Посвящено Николаю Ивановичу Тургеневу“ [1]).

Эту чистоту и этотъ нравственный обликъ Н. Тургеневъ сохранилъ на протяженіи всей своей продолжительной жизни; и, заканчивая этотъ бѣглый очеркъ, мы не можемъ не привести его дивныхъ словъ, которымъ онъ завѣщалъ русскимъ искать истину и больше всего бороться „за святой идеалъ человѣчества“.

„Въ особенности пусть моя участь не отнимаетъ мужества у тѣхъ изъ соотечественниковъ, кого пробудитъ чтеніе этихъ страницъ и кто почувствуетъ влеченіе пожертвовать своей жизнью за лучшее людей. Пусть не страшатся они трудностей этой задачи. Развѣ *не лучше погибнуть въ борьбѣ за святой идеалъ человѣчества, чѣмъ влачить жалкое существованіе по колеѣ эгоизма. И развѣ добро не содержитъ въ себѣ свою награду? Развѣ ничего не стоитъ имѣть право сказать, предавая свою душу Создателю: „я исполнилъ свой долгъ“?* Впрочемъ, та борьба, къ которой я васъ призываю—*небезнадежна: идеалъ истины и справедливости долженъ восторжествовать, и отъ васъ будетъ зависѣть ускорить его тріумфъ*“ [2]).

Вся жизнь Николая Ивановича была тріумфальнымъ шествіемъ къ идеалу истины, а онъ самъ дѣйствителѣно представлялъ собой „образецъ человѣка въ самомъ благородномъ смыслѣ“.

Г. Балицкій.

---

1) Рус. арх. 1895 г. № 9, 36 стр.

2) Россія и Русскіе. Изд. Библіотеки декабристовъ 15-ая стр.

Письмо къ Императору Александру II

(по поводу книги барона Корфа).

Государь,

Вы приказали напечатать и издать записку, составленную г-мъ Корфомъ о восшествіи на престолъ императора Николая. Мы увѣрены, что и въ этомъ случаѣ Ваше намѣреніе было хорошо, но и въ этомъ случаѣ оно Вамъ не удалось.

Прежде, нежели мы займемся безграмотнымъ текстомъ, отталкивающимъ по своему тяжелому, татарскому раболѣпію, по своему канцелярскому подобострастію, по своей уничиженной лести, недостойной ни нашего времени, ни Вашего царствованія, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ лично для того, чтобъ сказать нѣсколько словъ о заговорѣ,— который кончился 14 декабря 1825 года.

Вѣдь и для него настала исторія! Неужели слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ — объ этомъ событіи, о людяхъ, участвовавшихъ въ немъ, можно еще отзываться съ тѣми же пошлыми ругательствами, съ которыми выражались жалкіе старики, посѣдѣлые въ низкопоклонствѣ и интригахъ, созванные въ какой-то импровизированный судъ для осужденія ихъ?

Вмѣсто брани, не лучше ли обратиться къ тогдашнимъ событіямъ съ серьезной и покойной мыслію и постараться понять ихъ смыслъ? Не благороднѣе ли, не великодушнѣе ли отдать справедливость несчастнымъ противникамъ, которые вынесли свое пораженіе и всѣ мрачныя его послѣдствія съ такимъ величавымъ самоотверженіемъ? Месть была страшна, она продолжалась тридцать лѣтъ, начавъ пятью висѣлицами. Что же теперь Вашимъ статсъ-секретарямъ идти за тогдашними палачами и осквернить гробы людей, если и заблуждавшихся, то чистыхъ и пламенно любившихъ Россію?

Деликатно ли это относительно тѣхъ пяти—шести старцевъ, которыхъ Ваша рука возвратила изъ Сибири? Или Вы, можетъ, имъ предоставили право отвѣчать? Мы не слыхали этого.

Свобода мысли и гласность еще не много выиграютъ, если Вы одни будете печатать безъ цензуры. Пора пріучаться и Вамъ и Россіи къ совершеннолѣтней мужественной рѣчи свободныхъ людей.

Вамъ, Государь, извѣстны, больше насъ, всѣ подробности заговора 14 декабря, слѣдствія, казни и ссылки. Гдѣ же, при какомъ обстоятельствѣ показали себя эти люди, какъ ихъ представляютъ оффиціальные органы, „гнусными развратниками, буйными безумцами, негодяями, въ числѣ которыхъ одни напились пьяными для того, чтобы идти на площадь, другіе имѣли замѣчательно отвратительныя лица“ (и это говорятъ о раненомъ на Кавказѣ Якубовичѣ!). Неужели Вы вѣрите, что эти люди взялись за оружіе изъ буйства, изъ желанья грабежа, богатства, знатности? Послѣднее имъ было не нужно. Вы знаете, кто они. Для чего же всѣ эти ругательства и клеветы? Не Вы ихъ сдѣлали—зачѣмъ же Вы ихъ распространяете?

Неужели Вы думаете, что исторія повѣритъ какому-нибудь Корфу—со всѣми поправками Вашихъ дядюшекъ, виртембергскаго герцога, который во все время опасности самъ забился въ „голубую гостинную зимняго дворца“ и чадолюбиво взялъ съ собой двухъ сыновей своихъ, „хотя въ то время взрослыхъ и офицеровъ“ *), Бенкендорфа, присутствовавшаго утромъ при одѣваніи Николая Павловича, а вечеромъ при поимкѣ спасавшихся **), Орлова, нѣсколько разъ отступавшаго отъ гейскаго каре? ***). Нѣтъ. И еще больше, наше скептическое время не только имъ не повѣритъ, но даже и гофъ-фурьерскому журналу, на который ссылается ученый статсъ-секретарь и который непремѣнно надо запретить, потому что неприлично вести журналъ о томъ, кто какъ ѣлъ и въ которомъ часу.

Потомство не будетъ смотрѣть на людей 14 декабря ни глазами гофъ-и камеръ-фурьеровъ, ни глазами того—вѣроятно портного, который только замѣтилъ костюмъ инсургентовъ и назвалъ эту кучку людей, стоявшихъ подъ пулями и картечью, какъ настоящій сапожникъ, „маскарадомъ распутства, замышляющимъ преступленіе“ ****). Придворные риторы не подумали объ одномъ: если это была толпа развратныхъ и буйныхъ шалуновъ, воспользовавшихся нелѣпостью импровизированнаго междуцарствія для того, чтобы пошумѣть на площади и черезъ нѣсколько часовъ разсѣяться,—то какъ же объяснить страхъ Николая передъ 14 декабремъ, эту idée fixe его царствованія, которую онъ не забылъ на смертномъ одрѣ?

---

*) Корфъ ct 190.
**) Id et 189.
***) Id et 156.
****) Id et 147.

Онъ понималъ смыслъ этого событія лучше Корфа. Я удивляюсь, какъ онъ могъ читать, да еще дѣлать поправки въ этой брошюрѣ. Ошибки ея не въ какомъ-нибудь выраженіи, не въ какой-нибудь подробности—ошибка въ жалкомъ, ложномъ, рабскомъ воззрѣніи на событія. Мы постараемся въ нѣсколькихъ словахъ возстановить ихъ смыслъ.

Царствованіе Александра I и 14 декабря 1825 года заключаютъ петровскій періодъ русской исторіи. Это его крайнія послѣдствія со стороны императорской диктатуры и со стороны образованной Россіи. Распущенную, рыхлую Русь Петръ I суровой рукой стянулъ въ сильное европейское государство; коснѣвшему въ своемъ отчужденіи народу онъ привилъ броженіе западной гражданственности. Непочатыя, дремавшія силы народа, возбужденныя имъ, перешли, такъ сказать, его мечту; государство сложилось мощное и, встрѣтившись въ борьбѣ съ цѣлой Европой, вышло изъ нея побѣдоносно.

Императорская власть сдѣлала свое! „Свершилось“, говоритъ поэтъ-отрокъ, лицейскій ученикъ, въ 1815 году, возвратившемуся изъ Парижа Александру I:

„Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!“

Общество, развившись на европейскихъ основаніяхъ, должно было сдѣлать свое, иначе дѣло Петра I было бы въ половину успѣшно и привело бы къ страшной нелѣпости.

Каждая степень образованія, развитія, даже силы государственной, требуетъ соотвѣтственный себѣ циклъ государственныхъ учрежденій. Съ каждымъ шагомъ впередъ—ему нужно больше простора, больше воли, больше опредѣленности въ своихъ отношеніяхъ къ власти; словомъ, больше независимой, самобытной и разумной жизни.

Или государство ее достигаетъ (съ боя ли, по полюбовному ли согласію—все равно) и тогда оно идетъ далѣе въ исторіи; или—нѣтъ, и тогда оно останавливается, разглаживается, распадается и обмираетъ такимъ образомъ до какого-нибудь рѣшительнаго событія (напр. Крымской войны), которое снова раскрываетъ ему путь развитія, или окончательно убиваетъ его—какъ дѣятельное и развивающееся государство. Вступивъ въ западное образованіе, Россія должна была идти тѣмъ же путемъ. Если бы у насъ весь прогрессъ совершался *только* въ правительствѣ, мы дали бы міру еще небывалый примѣръ самовластія, вооруженнаго всѣмъ, что выработала свобода; рабства и насилія, поддерживаемаго всѣмъ, что нашла наука. Это было бы нѣчто въ родѣ Чингизъ-Хана съ телеграфами, пароходами, желѣзными дорогами, съ Карно и Монженомъ въ штабѣ, съ ружьями Минье и съ конгревовыми ракетами подъ начальствомъ Батыя.

Каждый, кто сколько-нибудь слѣдилъ за исторіей русскаго развитія съ начала XVIII столѣтія, видитъ даже въ самыя уродливыя

эпохи ея, что въ обществѣ подымаются, бродятъ живыя силы, требующія больше, чѣмъ одного повиновенія. Всеобщее отвращеніе, всеобщее негодованіе противъ наглаго самовластія Павла, окончившееся такимъ энергическимъ протестомъ, недовольно оцѣнены.

Но гдѣ же у насъ та среда, которая, стукаясь постоянно въ царскую власть, оскорбленная ея неуваженіемъ къ достоинству лицъ, ея всегдашними притязаніями считать Россію за свое помѣстье и насъ за крѣпостныхъ людей—могла бы дать дѣйствительность оппозиціонной мысли? Безъ сомнѣнія, та среда, которая была всего послѣдовательнѣе перевороту Петра I, которая одна и приняла западное образованіе—дворянство. Оно представляетъ у насъ то меньшинство, которое дѣлаетъ за-одно съ императорской властью русскую исторію, увлекая за собою въ продолженіе полутораста лѣтъ нѣмой и страдательный народъ, котораго часъ еще не насталъ. Въ немъ-то и созрѣла революціонная мысль, вышедшая 14 декабря на площадь.

Когда наши войска возвратились изъ чужихъ краевъ послѣ всѣхъ торжествъ и упоеній, молодымъ офицерамъ и вообще образованной молодежи было что-то не по себѣ. Они переросли колодки плохихъ государственныхъ учрежденій нашихъ. Въ жизни чувствовалась пустота, тяжесть, чего-то необходимаго недоставало. Самъ Императоръ Александръ I чувствовалъ это больше другихъ; съ 1815 года онъ носилъ печаль побѣды на лицѣ, а не ликованіе ея. Онъ понялъ зло и не даромъ толковалъ съ Карамзинымъ и Сперанскимъ объ уложеніи, далъ Польшѣ конституцію и всенародно говорилъ, что „желалъ бы распространить свободныя учрежденія и на другіе народы, ввѣренные ему Богомъ“. Мысль освобожденія крестьянъ бродила въ его головѣ; онъ сдѣлалъ опытъ въ остзейскихъ провинціяхъ, но окруженный людьми невѣжественными, закоснѣлыми въ грубыхъ предразсудкахъ, нисколько не лучше тѣхъ, о которыхъ онъ такъ рѣзко писалъ въ 1796 году къ Кочубею *),—безъ твердой воли, слабый, усталый, онъ, какъ бы сознавая свое безсиліе, впалъ въ мистицизмъ и оставилъ всѣ свои земные проекты.

Но отъ того, что Императоръ Александръ I, понимая многое—ничего не умѣлъ сдѣлать, неужели можно называть преступленіемъ, что другіе понимали тоже, но совсѣмъ обратно ему, считали себя способными сдѣлать многое. Люди эти были прямымъ отвѣтомъ на тоску, мучившую новое поколѣніе. „Но вотъ мы сильны, побѣдили Европу, сажаемъ царей, чертимъ границы—что же отъ этого лучше? Узкія рамы жизни, вымѣренныя по военному артикулу, тѣснятъ... Мы освободили міръ, а сами остались рабами, управляемыми какой-то кордегардіей въ

*) См. приложеніе къ брошюрѣ Корфа.

грановитой палатѣ, какой-то нѣмецкой канцеляріей съ татарскимъ кнутомъ въ рукахъ! Внизу, вверху, все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, безправіе, ни суда, ни голоса,—одна надежда и была—на милость царскую".

Но чтобъ кто-нибудь не слишкомъ увлекся мягкими формами и добротой Императора, съ каждымъ годомъ, послѣ войны растетъ черное memento servitudinem—Аракчеевъ, гадкій, желтый, оскорбительный, на ворохѣ розогъ, окруженный трупами засѣченныхъ поселенцевъ. Глядя на него, вспоминался весь ужасъ положенія — подобострастіе, военный деспотизмъ, безмолвіе вверху, розги вездѣ... дворовыхъ сѣкутъ дома, сѣкутъ въ полиціи, крестьянъ сѣчетъ баринъ, сѣчетъ управляющій, сѣчетъ староста—люди—вещи, люди--заклады, крѣпостныя серали, продажныя семьи, изнасилованныя женщины, палками забитые солдаты!..

Государь, у Васъ человѣческое сердце, скажите, положивши руку на грудь—можно ли это вынести на той степени образованія, на которой стояли Пестели, Бестужевы, Муравьевы? Ну какъ же ихъ осуждать за то, что они хотѣли лучше погибнуть, чѣмъ быть страдательными свидѣтелями этого повсюднаго, ежечаснаго злодѣйства? Вѣдь это святѣйшее чувство любви, круговой поруки съ слабыми, заставляетъ человѣка предпочитать висѣлицу—отрицательному сообщничеству—молчаніемъ!

„Но зачѣмъ же передѣлывать насиліемъ, дѣлать заговоры, тайныя общества, бунтовать на площади?" Лучше собираться явно и дѣйствовать убѣжденіемъ; объ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ. Но бѣда въ томъ, что въ нашемъ отеческомъ управленіи человѣкъ не имѣетъ ни права созвать безъ картъ и вина другихъ людей, ни права вольной рѣчи, цензура убиваетъ слово передъ его рожденіемъ, а если оно иной разъ прорвется, — секретное предписаніе, жандармъ, курьерская тройка, и поминай какъ звали. Представьте себѣ Самого Іисуса Христа, Который сталъ бы проповѣдывать гдѣ-нибудь на Адмиралтейской площади, или въ Лѣтнемъ саду—тутъ и до Іуды не дошло бы дѣло, первый квартальный свелъ бы его въ III отдѣленіе, а оттуда отдали бы его въ солдаты, или, еще хуже, послали бы его въ Соловецкій монастырь.

Стало-быть о словѣ, о явномъ совѣщаніи и толковать нечего.

Остается гражданская дѣятельность. Въ самодержавномъ государствѣ она очень важна, но, благодаря чинамъ, она также невозможна. Табель о рангахъ положила такія бревна подъ ноги, что ни одинъ журналъ не перешагнетъ ихъ. Свѣжаго, живого ничего никогда не можетъ взойти въ правительствѣ. Сенатъ, совѣтъ, министерства у насъ похожи на богадѣльни для стариковъ, лѣтъ 50 тершихъ лямку, или сидѣвшихъ въ канцеляріи, стариковъ пустыхъ, легкомысленныхъ, ба-

сословнаго невѣжества, безъ малѣйшаго понятія о государственномъ дѣлѣ—въ родѣ тѣхъ, которые достались Вамъ отъ покойнаго родителя...

Есть страны, напримѣръ Англія, гдѣ старики не такъ глупы, гдѣ они представляютъ преемственную и вѣковую мудрость государственную, это маститые защитники правъ; народъ и правительство привыкли слышать ихъ голосъ при каждомъ возможномъ вопросѣ, при каждой общественной невзгодѣ. Таковъ, напримѣръ, лордъ Линдгорстъ изъ живыхъ;—это великіе легисты, ораторы... а у насъ они не умѣютъ двухъ словъ связать, не умѣютъ написать собственнаго мнѣнія. Книга Корфа, этого юнѣйшаго изъ старцевъ, доказываетъ это очень хорошо. Корфа вѣроятно избрали для составленія записки, какъ бойкое перо... нѣсколько горячее... но ловкое! Неумѣнье выражаться—дѣло очень важное, оно свидѣтельствуетъ о неясномъ пониманіи, о непривычкѣ къ мысли, о томъ низшемъ состояніи умственнаго развитія, въ которомъ бываетъ человѣкъ, вышедшій изъ естественной непосредственности и дошедшій до образованія.

Мы до того привыкли видѣть судьбы Россіи въ рукахъ неспособныхъ стариковъ, получившихъ мѣста въ родѣ преміи отъ общества застрахованія жизни, за продолжительную крѣпость пищеваренія, что намъ кажется какимъ-нибудь чудакомъ, иностранцемъ, „чужимъ между своихъ“ лицо въ родѣ Мордвинова; да развѣ онъ, а еще больше Сперанскій, не затерялись безполезно между сѣдыми дѣтьми, игравшими въ звѣзды и ленты?

Оставалось одно—въ тиши соединить разсѣянныя силы, дать имъ организацію, единство, съ опредѣленною цѣлью обсуживанія средствъ, чѣмъ помочь страшному злу, губящему Россію, которое, повторяемъ съ намѣреніемъ, Императоръ Александръ I также понималъ, какъ Бестужевы, какъ и Муравьевы.

Общество это, сказано въ самомъ донесеніи Слѣдственной Комиссіи и потомъ повторено въ книгѣ Н. Тургенева, — сначала имѣло цѣлью раскрывать злоупотребленія, противодѣйствовать кражу и лихоимство, защищать слабыхъ отъ чиновниковъ, крѣпостныхъ отъ помѣщичьяго варварства, солдатъ отъ варварства ихъ начальниковъ.—Словомъ, эти страшные люди хотѣли все то, что Вы желаете теперь и чего Вы, Государь, точно такъ же не достигнете при всемъ Вашемъ самодержавіи, какъ они не достигли при ихъ горячей волѣ, потому что этого рода зло уступаетъ только звону и свѣту гласности, только ряду гражданскихъ учрежденій, не совмѣстныхъ ни съ военнымъ деспотизмомъ, съ помѣщичьимъ управленіемъ государства.

Побившись безполезно съ юношеской идеей облагородить наши суды, основанные на взяткахъ, нашу полицію, основанную на кулакѣ, при удушливой цензурѣ, при невѣжествѣ первыхъ трехъ классовъ,

при безъответственности власти, этимъ людямъ приходилось сложить руки съ отчаяніемъ, или, благословясь, начать самимъ красть и сѣчь? Но какъ ни утаивали отъ насъ, мы знаемъ сильный и энергическій характеръ этихъ людей, онъ просвѣчиваетъ даже въ донесеніи Слѣдственной Коммиссіи, сквозь всю злонамѣренность и подобострастіе языка. Такіе люди не складываютъ рукъ, не обкрадываютъ народъ; такіе люди дѣлаютъ заговоры, идутъ прямо, или на вершину человѣческаго величія, или въ каторжную работу, въ обоихъ случаяхъ, рѣзко отмѣчая свое имя на листахъ исторіи.

Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, это судьба воплощенія всѣхъ практически-соціальныхъ идей, принадлежащихъ сперва развитому меньшинству и переходящихъ потомъ въ общее сознаніе народа. Былъ ли этотъ заговоръ современенъ,—доказываетъ не только единство мнѣній Александра I, Ваше и ихъ о невыносимо-дурномъ управленіи нашемъ, но и невѣроятное распространеніе заговора по всему государству—въ какія-нибудь семь лѣтъ. Въ немъ участвовали представители всего талантливаго, образованнаго, знатнаго, благороднаго, блестящаго въ Россіи. Послѣ ссылки этихъ людей температура образованія видимо у насъ понизилась, меньше ума сдѣлалось въ оборотѣ, общество стало пошлѣе, потеряло возникающее чувство достоинства; съ тѣхъ поръ языкъ подъячихъ и манеры кантонистовъ получили право гражданства въ гостинныхъ, въ литературѣ; съ тѣхъ поръ безпорядокъ и развратъ управленія дошли до крымскаго коммиссаріата, до наглаго воровства передъ глазами двухъ полицій въ пяти шагахъ отъ Зимняго Дворца.

День возмущенія, 14 декабря, не входилъ въ планъ петербургскаго союза, но онъ былъ необходимъ. Преданные какими-то мерзавцами во второй арміи, преданные „двадцатилѣтнимъ юношей, горѣвшимъ любовью къ отечеству“ Іаковомъ Ростовцевымъ, заговорщикамъ оставалось ждать у себя въ комнатѣ „юношу“ Іакова, который „въ порывѣ молодого и неопытнаго энтузіазма“, сдѣлалъ доносъ, или Бенкендорфа,—и быть ими задушенными, или сдѣлать отчаянный опытъ и воспользоваться анархіей, царившей тогда во всей правительственной Россіи.

Это было время бѣлой горячки, правительственнаго бреда, оно подробно описано Корфомъ и чрезвычайно характеристично. Обыкновеннымъ не вѣрноподданническимъ, а человѣческимъ умомъ ничего понять нельзя... Зачѣмъ Александръ I сдѣлалъ актъ такой важности, какъ замѣна меньшимъ братомъ старшаго въ престолонаслѣдіи, держалъ это подъ спудомъ, зачѣмъ скрылъ отъ совѣта, отъ министровъ, отъ людей, окружавшихъ его смертный одръ въ Таганрогѣ? Зачѣмъ потомъ эта длинная исторія семейныхъ учтивостей—„Сдѣлайте одолженіе Вы впередъ!“ — „Нѣтъ-съ, помилуйте, за Вами!“ Марья Федо-

ровна въ отчаяніи проливаетъ слезы, Михаилъ Павловичъ скачетъ на курьерскихъ въ Варшаву, скачетъ на курьерскихъ изъ Варшавы; Николай Павловичъ присягаетъ Константину Павловичу, Константинъ Павловичъ присягаетъ Николаю Павловичу. Всѣ зовутъ Цесаревича въ Петербургъ, а тотъ руками и ногами уперся въ Лазенкахъ и ни съ мѣста. Первый пришедшій въ себя былъ Михаилъ Павловичъ, тотъ сѣлъ себѣ на станціи между Петербургомъ и Варшавой и пробылъ пока старшіе доиграли свою игру.

Въ этомъ капризномъ, сдѣланномъ втихомолку распоряженіи короной, такъ ясно и видно полнѣйшее презрѣніе къ народу; судьба его считается домашнимъ дѣломъ одной семьи, и привычка не ставить *подданныхъ* ни въ грошъ, такъ велика, что самъ либеральный Александръ I наивно воображалъ, что Россія—его собственность: послѣ смерти раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ *чья* Россія. Какъ же было заговорщикамъ, уже преданнымъ на Югѣ и въ Петербургѣ, не воспользоваться этой сумятицей отреченія, этой тревогой, брошенной въ совѣсть каждаго присягающаго и неприсягающаго, этимъ междуцарствіемъ съ двумя императорами? Не одни бѣдные солдаты потеряли голову, московскій генералъ-губернаторъ ведетъ сенаторовъ присягать Константину Павловичу по запискѣ Милорадовича, а московскій митрополитъ не хочетъ принимать присяги, говоритъ, что все это вздоръ, что у него есть въ Успенскомъ соборѣ—свой секретъ.

Къ тому же попытка 14 декабря вовсе не была такъ безумна, какъ ее представляютъ; книга Корфа это доказываетъ лучше всего. Имъ не удалось, вотъ все, что можно сказать, но успѣхъ не былъ безусловно невозможенъ. Что было бы, еслибъ заговорщики вывели солдатъ не утромъ 14-го, а въ полночь, и обложили бы Зимній дворецъ, гдѣ ничего не было готоваго? Что было бы, если бы, не строясь въ каре, они утромъ всѣми силами напали бы на дворцовый караулъ, еще шаткій и неувѣренный тогда?

Много ли силъ надо было имѣть Елизаветѣ I при воцареніи, Екатеринѣ II для того, чтобы свергнуть Петра III?

Нѣтъ правительства, въ которомъ бы легче смѣнялось лицо главы, какъ въ военномъ деспотизмѣ, запрещающемъ народу мѣшаться въ общественныя дѣла, запрещающемъ всякую гласность. Кто *первый* овладѣетъ мѣстомъ, тому и повинуется безмолвная машина съ той же силой и съ тѣмъ же вѣрноподданническимъ усердіемъ.

Но заговорщикамъ 14 декабря хотѣлось больше, нежели замѣны одного лица другимъ, серальный переворотъ былъ для нихъ противенъ, весьма можетъ быть, что они потому-то и не бросились во дворецъ, а открыто построились на площади, какъ бы испытывая, съ

ними ли общественное мнѣніе, съ ними ли массы. Они не были съ ними, и судьба ихъ была рѣшена!

Вѣрные мысли, которую они представляли, они хотѣли ограниченія самодержавія писаннымъ уложеніемъ, хранимымъ выборными людьми, они хотѣли раздѣленія властей, признанія личныхъ правъ; словомъ, представительное правительство въ западномъ смыслѣ. И вотъ почему мы считаемъ царствованіе Александра I и 14 декабря строгими послѣдствіями, крайними звеньями петровскаго періода, того періода, въ которомъ Россія развивалась подъ вліяніемъ западной государственной идеи.

Съ того часа, когда Императоръ Николай вечеромъ 14 декабря взошелъ на лѣстницу Зимняго дворца, и Александра Ѳедоровна, не знаю почему, „приняла его за новаго человѣка“, какъ говоритъ Корфъ,—Россія попятилась и взошла въ холодный, непривѣтный коридоръ, въ длинный, мрачный тунель, въ которомъ едва начинаетъ мерещиться свѣтъ—съ Вашего воцаренія, Государь.

Императоръ Николай увидѣлъ, что съ образованіемъ больше идти нельзя, не утративъ долю деспотическаго произвола, и отрекся отъ него, т.-е. не отъ деспотизма, а отъ образованія.

Общество увидѣло, что конституціонными бичевками не свяжешь царскую власть, пока огромное множество народа, безгласно раздавленное, не принимаетъ никакого участія въ общественномъ дѣлѣ.

Настала пауза—долгая, мучительная, потратившая все наше поколѣніе и еще одно. Эта задержка, это остановленное дыханіе, нравственное недоумѣніе, мало-по-малу стало разрѣшаться въ *мысль: что стихіи развитія надобно искать въ самомъ народѣ, а не въ принесеніи чужихъ формъ.*

Пока мы достигли до этого пониманія, въ Европѣ произошли двѣ революціи, одна въ 1830, другая въ 1848 году, всѣ общественные вопросы, всѣ рѣшенія еще разъ измѣнились и намъ еще разъ достаются даромъ истины и результаты, до которыхъ западные народы доработались, снова тяжелымъ путемъ крови, длинной борьбой и утратой почти всего пріобрѣтеннаго трудами вѣковъ...

На своей больничной койкѣ, Европа, какъ бы исповѣдуясь или завѣщая послѣднюю тайну, скорбно и поздно пріобрѣтенную, указываетъ, какъ единый путь спасенія, именно на тѣ элементы, которые сильно и глубоко лежатъ въ народномъ характерѣ, и при томъ не одной петровской Россіи, а всей русской Россіи. Поэтому мы думаемъ, что у насъ развитіе пойдетъ инымъ путемъ.

.....Но неужели оттого, что мы иначе понимаемъ задачу общественнаго развитія, и долею видимъ причину, почему 14 декабря трудно было удасться—мы не можемъ (съ какой бы стороны мы ни

были) спокойно и съ уваженіемъ говорить объ этихъ людяхъ, сильныхъ и самоотверженныхъ, вышедшихъ на неровный бой, чтобы заявить начало совершеннолѣтія Россіи?

Амнистіи Вашей мало, она пришла слишкомъ поздно; не прощеніе нужно теперь ихъ памяти, а *примиреніе и пониманіе!* Два года съ половиной тому назадъ, когда Вы сѣли на престолъ, мы говорили Вамъ: „отъ Васъ ждутъ кротости, отъ Васъ ждутъ человѣческаго сердца... Вы необыкновенно счастливы!“ *).

И до сихъ поръ еще ждутъ, вѣра въ Васъ сохранилась.

Зачѣмъ же, опираясь на Васъ, бездушные льстецы, въ родѣ византійскихъ риторовъ-отпущенниковъ, льстившихъ по должности, воспѣваютъ напыщеннымъ гофъ-фурьерскимъ языкомъ, неприличнымъ въ наше время, царствованіе котораго Вы не продолжаете,—бросая оскорбленіе людямъ, такъ безпощадно побитымъ грозой за то, что слишкомъ вѣрили въ Россію, за то, что слишкомъ рано вышли на поле... и запечатлѣли мученичествомъ свой подвигъ?

Говорятъ, будто графъ Панинъ ударилъ въ порывѣ вѣрноподданническаго усердія Пугачева, приведеннаго къ нему въ цѣпяхъ. Говорятъ, что въ 1826 году въ Слѣдственной Коммиссіи и въ *государевомъ кабинетѣ* подсудимые заговорщики были оскорблены ругательными словами, которыхъ позоръ долго не сотрется... Неужели 30 лѣтъ спустя, въ Ваше царствованіе, еще разъ потревожатся заученой клеветой великія тѣни... уже возставшія въ памяти рода человѣческаго, отрѣшенными и отъ тупой клеветы преслѣдователей и отъ собственныхъ ошибокъ... печальными, но сильными и чистыми прорицателями великихъ судебъ Россіи?..

Миръ имъ, Государь, и почтительное благочестіе передъ былымъ.

---

*) „Полярная Звѣзда“ за 1855 годъ.

РОССІЯ и РУССКІЕ.

Предисловіе.

Моя работа не фантазія туриста съ живымъ и пылкимъ воображеніемъ, не поверхностный очеркъ, изображающій лишь внѣшнюю жизнь народа, только самыя рѣзкія ея черты, взятыя наугадъ, мимоходомъ, съ высоты птичьяго полета,—это выраженіе мысли, давно созрѣвшей въ сердцѣ, результатъ размышленій цѣлой жизни человѣка, на себѣ испытавшаго всѣ раны родной страны и мечтающаго о ея лучшемъ будущемъ.

Я не желаю придать этимъ страницамъ большаго значенія, чѣмъ онѣ того стоятъ; опубликовывая ихъ, я только повинуюсь велѣніямъ моей совѣсти, и достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы показать, какъ я пришелъ къ мысли начать ихъ, и какъ потомъ, помимо моей воли, страницы слѣдовали за страницей.

Принадлежа по своему рожденію къ классу крѣпостниковъ, я видѣлъ съ самаго дѣтства тяжелую жизнь милліоновъ людей, которые стонали въ Россіи въ цѣпяхъ рабства; эта вопіющая несправедливость сильно поразила мое молодое воображеніе и навѣки оставила въ моей душѣ неизгладимое впечатлѣніе. Мои занятія въ Геттингенскомъ университетѣ только усилили его, показавъ мнѣ всю ненормальность учрежденій, существовавшихъ въ моей странѣ. Послѣ поѣздокъ по Германіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи, Англіи я окончательно посвятилъ себя изученію политическихъ и экономическихъ наукъ.

Горя желаніемъ быть полезнымъ для своихъ согражданъ, я вернулся въ Россію и поступилъ послѣ окончанія послѣдней войны съ Франціей на службу чиновникомъ [1]). Въ это время вмѣстѣ съ вернувшимися войсками проникли къ намъ и либеральныя идеи: казалось, что для Россіи должна была наступить новая эра.

---

[1]) Въ то время считалось мало достойнымъ дворянину служить чиновникомъ, а не офицеромъ. *Ред.*

Благодаря моимъ статьямъ, у меня скоро завязались сношенія съ наиболѣе либеральными людьми. Нѣкоторые изъ нихъ, чтобы болѣе распространить новыя идеи, пытались организовать общество по примѣру тайныхъ союзовъ Германіи изъ тѣхъ, кого одушевляла любовь къ общему благу. Не придавая особенно большого значенія такому обществу, я однако, не колеблясь, вступилъ въ него съ надеждой обратить вниманіе и другихъ на положеніе крѣпостныхъ и этимъ ускорить осуществленіе самаго завѣтнаго моего желанія — освобожденія крестьянъ. Для меня всѣ вопросы уступали по своей важности этому, и если я, несмотря на всѣ работы, которыми я былъ заваленъ то въ Государственномъ Совѣтѣ, то въ Министерствѣ Финансовъ, находилъ въ себѣ достаточно силы обсуждать въ статьяхъ юридическіе, административные и финансовые вопросы, то только потому, что всѣ мои мысли стремились къ освобожденію крестьянъ; для нихъ, въ особенности, желалъ я благъ цивилизаціи, потому что они болѣе всѣхъ нуждались въ нихъ и казались мнѣ наиболѣе ихъ достойными. Крестьяне были всегда первымъ и главнымъ предметомъ моей любви, тѣмъ болѣе, что я никогда не встрѣчалъ никого, кто бы относился къ нимъ съ заслуженной справедливостью; ихъ благу посвящалъ я тогда весь мой досугъ, доказательствомъ чего служитъ и настоящая книга.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я сознавалъ, что, нападая на зло, которымъ пользовалось столько важныхъ и вліятельныхъ особъ, я навлекаю на себя страшную ненависть. Тотъ пылъ, съ которымъ я выступилъ въ защиту слабаго противъ сильнаго, угнетеннаго противъ угнетателя, будетъ безъ сомнѣнія и до сего дня вызывать по моему адресу саркастическія насмѣшки у извѣстнаго класса людей. Но какое мнѣ дѣло до мнѣнія глупцовъ и хищниковъ? Я не могу не презирать безстыдныхъ эксплоататоровъ, прикрывающихся внѣшней цивилизаціей. Мнѣ жаль тѣхъ, которые молча и безропотно переносятъ столько несправедливостей, и у меня только одна отрада, которая можетъ мнѣ польстить: это—похвала крѣпостныхъ, если только они когда-нибудь узнаютъ, какую горячую любовь я чувствую къ нимъ [1]).

Когда я переношусь мыслью къ тому времени моей жизни и вспоминаю все сдѣланное въ немногіе годы моей общественной дѣятельности, то тогда я спрашиваю себя, какъ могло хватать у меня силъ для столькихъ различныхъ работъ. Однако, сколько могъ, я боролся съ усталостью; и все же принужденъ былъ отправиться въ другой климатъ, чтобы подкрѣпить свои ослабѣвшія силы. Уѣзжая изъ Россіи, я надѣялся воспользоваться отпускомъ для изученія вопросовъ, касающихся необходимыхъ Россіи реформъ.

---

[1]) Читатель долженъ помнить, что книга писалась до 1847 года. *Ред.*

Но судьба рѣшила иначе: роковымъ образомъ я долженъ былъ остановиться на полъ-пути... Я спокойно предавался занятіямъ и продолжалъ свое путешествіе, какъ вдругъ неожиданно узналъ, что я замѣшанъ въ уголовномъ процессѣ и приговоренъ къ смертной казни, какъ соучастникъ возстанія, разразившагося въ Петербургѣ послѣ смерти Императора Александра, спустя 20 мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда изъ этого города. Я не могъ молча снести столь дикое и несправедливое осужденіе и потому при первомъ же извѣстіи о моемъ обвиненіи поспѣшилъ составить оправдательную записку и отправить ее въ Петербургъ. Но всѣ мои усилія и усилія моихъ друзей оказались тщетными измѣнить приговоръ, касавшійся скорѣй моихъ идей, чѣмъ меня самого. Верховный судья заявилъ, что ничто не можетъ разубѣдить его въ моей виновности. Въ чемъ же заключалось мое преступленіе? Только въ томъ, что я слишкомъ горячо любилъ цивилизацію, которая просвѣщаетъ людей и дѣлаетъ ихъ лучше!..

Я покорился судьбѣ; но когда овладѣлъ собой и ознакомился со всѣми подробностями процесса, я составилъ новую записку, но уже болѣе полную. Я сначала не предназначалъ ея для печати, и только спустя много лѣтъ рѣшилъ опубликовать мое оправданіе;—таково происхожденіе моего сочиненія.

Для меня было всего важнѣе освободиться отъ клеветническихъ обвиненій, послужившихъ поводомъ для моего осужденія, и правильно освѣтить событіе, такъ возмутительно искаженное, благодаря рабскому усердію судей. Но чтобы представить мое оправданіе, мнѣ необходимо было напомнить условія, въ которыхъ я находился, разсказать послѣдовательно о моей общественной дѣятельности и сдѣлать историческій обзоръ тайныхъ обществъ въ Россіи. По мѣрѣ движенія работы криводушіе моихъ судей выступало все очевиднѣе и возмутительнѣе, и я счелъ необходимымъ изобразить политическій строй, допускающій подобное судопроизводство. Незамѣтно для себя я былъ увлеченъ далеко за предѣлы, которые себѣ намѣтилъ, и рѣшился расширить свою оправдательную записку, перейдя отъ моего процесса къ судьбѣ всего народа. Такимъ образомъ я думалъ изобразить политическую и соціальную жизнь Россіи. Такъ составились два первыхъ тома этого сочиненія.

Могъ ли я остановиться на этомъ? Могъ ли я подавить въ своемъ сердцѣ тѣ идеи, которыя такъ сильно заставляли его биться? Опредѣливъ недугъ, я долженъ былъ указать и средства противъ него: я никакъ не могъ отрѣшиться отъ Россіи, и если имѣлъ право проклинать официальное отечество и ту варварскую власть, которая осудила меня, то смѣлъ ли я отождествлять свою родину съ этими личностями? Имѣлъ ли я право перенести на отечество свое отвращеніе, которое вселяли мнѣ нѣкоторые люди, называвшіе себя представителями Россіи только

потому, что они управляли ею? Я думалъ иначе и рѣшилъ изложить свои взгляды о необходимости для Россіи пріобщиться къ европейской цивилизаціи и указать рядъ мѣръ, способныхъ направить ее на этотъ путь. Но это—не планъ реформы, а скорѣе пожеланія, которыя я хотѣлъ высказать относительно будущности своего отечества, это—„pia desideria“. Я могъ бы сдѣлать и эту часть много полнѣе, но для этого у меня не хватило рѣшимости, которую мнѣ могла бы дать лишь надежда на исполнимость моихъ пожеланій; но откуда явится такая надежда при существующихъ обстоятельствахъ?..

Если этотъ слабый опытъ и не можетъ быть очень полезенъ, то пусть онъ будетъ моимъ послѣднимъ „прости“ отечеству, моимъ послѣднимъ отвѣтомъ на поразившее меня осужденіе. Итакъ, сочиненіе „Россія и Русскіе“ состоитъ изъ трехъ весьма различныхъ частей: первая часть знакомитъ читателя съ моей общественной жизнью, это—мои личныя воспоминанія; вторая представляетъ моральную, политическую и соціальную жизнь Россіи; въ третьей же части я изложилъ свои взгляды на будущее этой имперіи, а также на учрежденія и реформы, которыя необходимы.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ изложеніи. Какъ русскій, я не могъ говорить даже о самыхъ абсурдныхъ, самыхъ смѣшныхъ вещахъ, напр., „правила о рангахъ“, иначе, какъ серьезно, потому что подобныя учрежденія, какъ бы ни были они смѣшны, приносятъ не меньше вреда народу. Тяжелая болѣзнь можетъ произойти и отъ ничтожной причины, но это не должно помѣшать врачу серьезно отнестись къ ея лѣченію. Эта работа, начатая много лѣтъ назадъ, исключая—„pia desideria“,—была закончена въ 1842 г. Нѣкоторыя добавленія, ставшія необходимыми въ силу хода событій, находятся въ видѣ примѣчаній. Чтобы не прерывать нити разсказа и не затемнять развитія мысли, мною выдѣлены также въ примѣчанія или добавленія въ концѣ книги подробности о нѣкоторыхъ личностяхъ и различныя замѣтки, не имѣющія существеннаго значенія. Я считаю излишнимъ говорить, почему я пишу не на родномъ языкѣ [1]), такъ какъ мое настоящее положеніе и характеръ сочиненія достаточно объясняютъ это. Поэтому я прошу снисхожденія у европейскаго читателя въ томъ, что моему изложенію будетъ недоставать всей прелести краснорѣчиваго пера; впрочемъ, я не дѣлаю никакихъ иллюзій насчетъ интереса для европейской публики содержанія книги, трактующей о нравахъ, обществѣ и цивилизаціи, давно пережитой Европой. Моя книга предназначается преимущественно для русскихъ, и опубликовалъ я ее не ради удовлетворенія тщесла-

---

[1]) Трудъ Н. Тургенева „Россія и русскіе“—написанъ на французскомъ языкѣ и здѣсь впервые дается на русскомъ. *Ред.*

вія, а потому, что считалъ это своимъ нравственнымъ долгомъ. Меня ожидаютъ, быть можетъ, равнодушіе и невниманіе, но я утѣшаю себя надеждой, что мои мысли не останутся совсѣмъ безъ вліянія для Россіи. И если, несмотря на всѣ старанія, я не могъ быть для нея полезнымъ до моего изгнанія, то пусть послужитъ ей для чего-нибудь хоть оно!

Въ особенности пусть моя участь не отнимаетъ мужества у тѣхъ изъ соотечественниковъ, кого пробудитъ чтеніе этихъ страницъ и кто почувствуетъ влеченіе пожертвовать своей жизнью за лучшее людей. Пусть не страшатся они трудностей этой задачи! Развѣ не лучше погибнуть въ борьбѣ за святой идеалъ человѣчества, чѣмъ влачить жалкое существованіе по колеѣ эгоизма! И развѣ добро не содержитъ въ себѣ свою награду? Развѣ ничего не стоитъ имѣть право сказать, предавая свою душу Создателю: „я исполнилъ свой долгъ“. Впрочемъ, та борьба, къ которой я васъ призываю—небезнадежна: идеалъ истины и справедливости долженъ восторжествовать, и отъ васъ будетъ зависѣть ускорить его тріумфъ.

Champrosay.
30 сент. 1844 г.

Записки изгнанника.

ГЛАВА I.

Взглядъ на состояніе Европы передъ русской войной.

Пышныя конференціи въ Эрфуртѣ показали Наполеона во всей его славѣ и обаяніи. Новая кампанія противъ Австріи, начавшаяся за нѣсколько мѣсяцевъ, еще болѣе, если только это было возможно, возвеличила его имя, и французская имперія достигла апогея своего могущества. Въ это самое время я въ первый разъ попалъ во Францію и, подъ вліяніемъ впечатлѣній, полученныхъ мной въ Германіи, съ ужасомъ смотрѣлъ на грозную власть, управлявшую судьбой Франціи и, казалось, державшую въ своей рукѣ всю Европу. Я еще раньше видѣлъ Наполеона въ Эрфуртѣ, но тогда его величіе произвело на меня меньшее впечатлѣніе, чѣмъ приниженность Александра. Можетъ быть безъ основанія, но въ лицѣ императора я чувствовалъ униженіе своей страны: не надо было знать происходившаго внутри кабинетовъ, чтобы видѣть, кто изъ нихъ былъ тогда господиномъ въ Эрфуртѣ и въ Европѣ. Во второй разъ я видѣлъ Наполеона въ день его торжества въ Версальскомъ паркѣ. Я бродилъ въ толпѣ, какъ вдругъ поднялось сильное движеніе. Неожиданно появился императоръ со второй императрицей и съ блестящей свитой маршаловъ. Всѣ закричали: „Да здравствуетъ императоръ!“ и я, захваченный общимъ волненіемъ, кричалъ вмѣстѣ съ французами, за что долго потомъ упрекалъ себя, но о чемъ не сожалѣю теперь.

Нужна была вся вѣжливость, все радушіе и искренность, которыя я встрѣчалъ повсюду со стороны французовъ, чтобы привыкнуть къ нимъ и освободиться отъ враждебнаго чувства и тяжелыхъ воспоминаній, принесенныхъ мной съ той стороны Рейна. Униженіе Германіи было слишкомъ велико, чтобы оно не подѣйствовало на меня. Австрія, проявившая во время войны удивительную энергію, не чувствовала даже своего собственнаго существованія: упадокъ моральныхъ и матеріальныхъ силъ страны былъ полный. Ея брачный союзъ съ Франціей окончательно опре-

дѣлилъ печальную судьбу имперіи; отнынѣ спасеніе ея остатковъ зависѣло лишь отъ милости и благородства ея стараго противника, ставшаго господиномъ. Ея министръ слишкомъ уже старался приноравливаться къ положенію вещей, которому всѣ покорились и не думали объ освобожденіи благороднымъ и могучимъ усиліемъ. Страна была истощена, континентальная система примѣнялась къ ней во всей строгости и банкротство было неизбѣжно. Что же касается до главы государства, то несчастіе не смягчило его сердца, — Францискъ II былъ такъ же безучастенъ къ участи Гофера, какъ потомъ онъ былъ жестокъ къ Конфаленіери.

Во время славной, но гибельной для Австріи войны съ Франціей, обезсиленная Пруссія могла давать только безплодныя обѣщанія. Счастіе войны лишь на одинъ моментъ возбудило въ ней надежды, чтобы потомъ погрузить въ еще большее уныніе. Правда, патріоты дѣлали нѣсколько попытокъ къ возстанію, но они дѣйствовали не столько въ надеждѣ на успѣхъ, сколько повинуясь чувству своего долга. Благородныя жертвы, они обрекли себя на гибель, чтобы доказать Европѣ, что мысль о борьбѣ и свободѣ не совсѣмъ потухла въ сердцахъ нѣмцевъ. Одни изъ нихъ съ героемъ Шиллемъ во главѣ погибли на полѣ сраженія; другіе подъ конвоемъ нѣмецкихъ жандармовъ, плѣнниками прошли по странѣ, которую хотѣли освободить. Они знали свою участь, но всѣ имѣли спокойный, достойный видъ, полный благородной гордости. Однако они не дошли до той стороны Везеля...

При всей своей безнадежности эти попытки Пруссіи, столь слабой и придавленной въ то время, все же показываютъ, что національное чувство не совсѣмъ умерло въ сердцѣ ея дѣтей, и обѣщаютъ ей вѣрное и славное возстановленіе въ будущемъ. Положеніе населенія королевства Вестфаліи было болѣе всего невыносимо: оно скорѣе предпочло бы добровольное присоединеніе къ Франціи, чѣмъ быть эксплоатированнымъ въ видѣ отдѣльнаго государства. Хотя справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторые французы тамъ заслужили общее уваженіе. Я вспоминаю министра Симеона, одного изъ назначенныхъ императоромъ при своемъ братѣ Жеромѣ. Къ тому же благодаря французскому правленію, изъ этой страны исчезли прежніе варварскіе обычаи и введено много новыхъ полезныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ: судъ присяжныхъ, который отмѣнялся реставрированными правительствами; и все же вестфальцы страстно желали сбросить съ себя иго. Это желаніе было не только въ Германіи; я былъ въ Швейцаріи и Италіи и почти повсюду, гдѣ было французское господство, я замѣчалъ вражду къ этой власти. Наиболѣе же сильное проявленіе ея было въ Римѣ, и въ особенности среди духовенства. Въ сравненіи съ покорностью нѣмцевъ, она казалась возмущеніемъ,

и лишь Неаполь представлялъ рѣзкій контрастъ съ остальной Италіей. Новое правительство тамъ понравилось больше прежняго и ужъ во всякомъ случаѣ о послѣднемъ не сожалѣли. Черезъ 15 лѣтъ я вновь посѣтилъ Италію и нашелъ, что нигдѣ не сожалѣли о французахъ больше, чѣмъ въ Неаполѣ. И на то были свои основанія: французскій режимъ, лишая независимости итальянскій народъ, давалъ ему не мало матеріальныхъ благъ.

Мы не говоримъ объ Испаніи; всѣ знаютъ ея геройское сопротивленіе: она могла быть совершенно разорена, но только не покорена. Такое положеніе Европы было въ 1811 году. Что касается Россіи, то съ того момента, какъ Александръ привезъ дружественныя намѣренія изъ Эрфурта, въ ней возникло сильное недовольство. Главной причиной его было занятіе герцогства Ольденбургскаго, и это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе угрожало спокойствію Европы; недоставало только одной искры, чтобы вызвать всеобщій пожаръ.

Ссора между русскимъ и французскимъ послами при Неаполитанскомъ дворѣ, сопровождавшаяся дуэлью между дипломатами, была предвѣстіемъ разрыва между самими императорами. По объясненію же Долгорукаго въ депешѣ отъ 1-го января 12 г.—это было лишь чрезмѣрное усердіе, съ которымъ Іоахимъ желалъ заставить забыть всякія попытки къ неповиновенію Наполеону.

Какъ бы ни было, но все предвѣщало неизбѣжность войны; Франція дѣлала громадныя приготовленія и принимала всѣ мѣры, чтобы поставить всю Европу подъ свои знамена и нанесть окончательный ударъ послѣдней континентальной державѣ, еще способной бороться съ властолюбіемъ Наполеона. Россія также не оставалась въ бездѣйствіи: всѣ провинціи, по которымъ я проѣзжалъ, возвращаясь изъ-за границы, были наполнены войсками. Ихъ видъ былъ внушителенъ, но недоставало разумной мысли и силы, которыя бы сумѣли изъ всѣхъ многочисленныхъ частей сдѣлать одно цѣлое. Было, такъ сказать, тѣло, матерія, но напрасно стали бы искать духа, который долженъ былъ бы ее оживить. Наоборотъ, во французскихъ войскахъ была душа, которая оживляла все, которая давала себя чувствовать повсюду,—это былъ геній Наполеона.

Наконецъ, нужно еще добавить, что, несмотря на всѣ приготовленія, многіе упорно утверждали, что войны не будетъ, что Александръ и Наполеонъ хотятъ не сражаться, а скорѣе напугать другъ друга. Такъ думалъ и канцлеръ Румянцевъ—министръ иностранныхъ дѣлъ; онъ былъ такъ увѣренъ, что все кончится однѣми демонстраціями, что, когда изъ Германіи ему сообщили о первыхъ движеніяхъ Наполеона къ Нѣману, онъ кричалъ о ложности и нелѣпости этого сообщенія.

ГЛАВА II.

Война 1812 года.

О войнѣ 1812 года писалось очень много, опубликованы даже оффиціальныя данныя, депеши и т. п., но нигдѣ нельзя найти указанія на планъ, который русское правительство приняло при наступленіи войны. Можно сказать—его вовсе не существовало... Всѣ какъ-то инстинктивно чувствовали, что Россія можетъ успѣшно бороться съ врагомъ, лишь заманивъ его въ глубь страны, но нельзя сказать, чтобы эта тактика входила въ заранѣе принятый планъ. Ни выборъ укрѣпленныхъ пунктовъ, ни размѣщеніе запасовъ арміи,—ничто не указывало на желаніе съ самаго начала войны дѣйствовать отступательно.

Военный министръ Барклай-де-Толли, реорганизовавшій армію, былъ назначенъ командовать ею, но не единолично: генералъ Багратіонъ получилъ равное командованіе. Такимъ образомъ было два главнокомандующихъ, такъ какъ Александръ ни за что не хотѣлъ открыто признать за собой это званіе. Это было первой ошибкой: можно было имѣть двѣ арміи, но здравый смыслъ требовалъ, чтобы у нихъ, при совмѣстномъ дѣйствіи, былъ одинъ главнокомандующій, особенно въ дѣйствіяхъ противъ такого противника, какъ Наполеонъ.

Война 1812 г. началась, какъ извѣстно, отступленіемъ. Иностранцы его одобряли, въ Россіи же мнѣніе страны и арміи поднялось противъ Барклая-де-Толли. Александръ же продолжалъ оказывать ему довѣріе, но послѣ потери Смоленска, несмотря на чувства Александра, удаленія военнаго министра потребовали окончательно. По иниціативѣ генерала Ермолова, главнаго квартирмейстера великой арміи, многіе генералы сообща обратились къ императору съ просьбой замѣнить Барклая Кутузовымъ, только что заключившимъ миръ съ Турціей послѣ не безславной войны. На него же указывало и общественное мнѣніе.

Впослѣдствіи предубѣжденіе противъ Барклая исчезло: несомнѣнно онъ одинъ во всей Россіи осмѣлился передъ Александромъ порицать военныя поселенія—учрежденіе столь же нелѣпое, какъ и жестокое. Можетъ быть онъ разсматривалъ его только въ военномъ отношеніи, но каковъ бы ни былъ мотивъ, его заявленіе достойно всякой похвалы въ странѣ, гдѣ всѣ молчали, и самодержецъ, въ сознаніи своего величія, не желалъ понять молчаніе своихъ подданныхъ.

Было замѣчено, что завоеватель не нашелъ въ Россіи ни измѣнниковъ, ни сообщниковъ. Нашелся лишь одинъ священникъ, который согласился за обѣдней поминать Наполеона, и эта слабость была строго наказана правительствомъ: священникъ

былъ лишенъ своего сана,—вещь почти неслыханная въ Россіи. Въ русской землѣ Наполеонъ встрѣтилъ только враговъ и часто изумительное сопротивленіе даже въ отдѣльныхъ лицахъ. Такъ въ Смоленской губерніи нѣсколько дворянъ умерли мучительной смертью за сопротивленіе побѣдителю. Извѣстный Ростопчинъ сжегъ свой домъ въ усадьбѣ и оставилъ французамъ надпись, что ихъ вездѣ ожидаетъ подобный пріемъ. Назначенный губернаторомъ въ Москву, онъ запятналъ свой патріотизмъ произволомъ и жестокостью. Наканунѣ входа французовъ въ столицу онъ приказалъ привести къ своему дворцу молодого человѣка, незадолго передъ тѣмъ заключеннаго имъ въ тюрьму, и объявилъ народу, что это измѣнникъ, продавшій французамъ Москву. „Я выдаю его вамъ!“ вскричалъ Ростопчинъ, но голосъ изъ толпы ему отвѣтилъ: — „Мы не палачи“. Ростопчинъ, собиравшійся бѣжать изъ Москвы и желая отдѣлаться отъ неугоднаго ему человѣка, приказалъ часовому зарубить несчастнаго. Это приказаніе послужило началомъ расправы. Видъ крови опьянилъ толпу, которая съ крикомъ ярости бросилась на отданную ей жертву и повлекла тѣло по улицамъ. Это возмутительное зрѣлище прекратилъ одинъ офицеръ, входившій въ городъ съ войсками, отнявъ у разъяренной толпы обезображенные останки. Виной этого человѣка былъ найденный у него въ бумагахъ переводъ прокламаціи, приписываемой Наполеону, изданной имъ въ Дрезденѣ и опубликованной въ Гамбургскомъ журналѣ. Послѣ выступленія французовъ, отецъ несчастнаго просилъ у императора суда надъ убійцей. Дѣло было изложено во всей своей отталкивающей наготѣ. Александръ пришелъ въ ужасъ отъ поступка Ростопчина и приказалъ разслѣдовать жалобу. Но дѣло было замято благодаря тому, что сенатъ оказался въ затруднительномъ положеніи, обвиняя въ убійствѣ генералъ-губернатора и адъютанта государя. Очень вѣроятно, что этотъ кровавый инцидентъ способствовалъ охлажденію Александра къ Ростопчину.

Возвратясь въ Москву, онъ приказалъ схватить еще нѣсколькихъ предполагаемыхъ измѣнниковъ. Наиболѣе замѣчательнымъ изъ нихъ былъ одинъ французъ, учитель языковъ, человѣкъ тихій и достойный уваженія, котораго, при вступленіи Наполеона въ городъ, заставили быть переводчикомъ одной депутаціи изъ двухъ — трехъ лавочниковъ для привѣтствія Наполеона, вслѣдствіе его усиленнаго желанія [1]). Другой человѣкъ, также скром-

---

[1]) Вообще казенный патріотизмъ страшно былъ развитъ въ войну 12 года. Какъ видитъ читатель, онъ проявлялся въ довольно своеобразной, впрочемъ, присущей нашимъ бюрократамъ, формѣ. Кн. С. Г. Волконскій также разсказываетъ слѣдующій случай изъ патріотической хроники. Однажды, по взятіи Москвы, на аванпосты является дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковлевъ и требуетъ отвести себя къ

ный и не менѣе уважаемый, былъ обвиненъ въ томъ, что служилъ въ полиціи города, зянятаго французами. Ростопчинъ заставилъ ихъ работать на улицахъ какъ каторжниковъ, но по приказанію императора они были освобождены. Къ характеристикѣ Ростопчина можно добавить, что онъ подъ страхомъ административнаго взысканія не допускалъ вывѣски на французскомъ языкѣ. И все же Ростопчинъ считался человѣкомъ умнымъ не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ.

Много было говорено о пожарѣ Москвы. Кто ее зажегъ? Французы утверждали, что при вступленіи ихъ въ Москву пламя уже показалось во многихъ мѣстахъ; ихъ власти даже повѣсили нѣсколькихъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія. Конечно, это

генералу Винценгероде, съ которымъ онъ былъ знакомъ раньше. Его появленіе было заподозрѣно и онъ подъ охраной былъ отведенъ къ генералу. Яковлевъ, взошедши, по обыкновенію, привѣтствовалъ, какъ знакомый коротко, и сказалъ Винценгероде, что онъ имѣетъ необходимость переговорить съ нимъ глазъ на глазъ; но Винценгероде ему отвѣчалъ, что всѣ присутствующіе такъ близки ему и такъ пользуются полнымъ его довѣріемъ, что ему нечего опасаться говорить при нихъ и что даже онъ требуетъ, чтобъ тайна, которую онъ имѣетъ сообщить ему, была высказана при нихъ.

Тогда Яковлевъ объявилъ ему, что оставался больнымъ въ Москвѣ при занятіи города французами. Наполеонъ, имѣвшій о немъ свѣдѣніе, какъ о братѣ бывшаго русскаго посланника при королѣ Вестфальскомъ въ Касселѣ, вызвалъ его къ себѣ и поручилъ ему для передачи русскому Императору отъ себя письмо, и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ, что онъ, Наполеонъ, желаетъ войти въ переговоры о замиреніи съ Императоромъ Александромъ, и что передачу письма и этого порученія передалъ ему, Яковлеву, какъ извѣстному ему дипломату. Едва только кончилъ это сообщеніе Яковлевъ, Винценгероде ему сказалъ: „Хотя мы и старые знакомые, но долженъ я вамъ сказать, что объявленное вами заставляетъ меня дѣйствовать съ вами не какъ старый знакомый, но какъ лицо, обязанное служебнымъ долгомъ. Мое одно присутствіе *охраняетъ васъ отъ заслуженнаго вами порганія присутствующихъ господъ*. Предложеніе къ миру не можетъ прилечь къ сердцу ни Государю, ни кому изъ его вѣрноподданныхъ, и поэтому письмо, вамъ врученное, перешлю къ Государю, но вмѣстѣ и васъ арестованнымъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать на ваше извѣщеніе и, какъ старый вашъ знакомый, сожалѣю, что вы приняли таковое порученіе“. Яковлевъ и донесеніе генерала были отправлены тотчасъ въ Петербургъ. Впослѣдствіи я узналъ, что Государь отправилъ, не распечатавши, письмо Наполеона къ Кутузову для возвращенія въ томъ же видѣ на французскіе аванпосты, а по прибытіи Яковлева въ Петербургъ, его прямо повезли въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ подвергли его слѣдствію тайному, послѣ котораго Яковлевъ былъ отправленъ въ свои деревни подъ надзоръ мѣстной полиціи, и запрещенъ ему былъ въѣздъ въ обѣ столицы“.

Ред.

еще не доказательство: этотъ доводъ не особенно убѣдителенъ, потому что власти никогда не совѣстятся употреблять всѣ доводы, вплоть до висѣлицы, чтобы заставить повѣрить себѣ, но въ пользу словъ французовъ говоритъ и здравый смыслъ. Было бы неосновательно обвинять ихъ въ дѣйствіи, противорѣчащемъ ихъ интересамъ. Съ другой стороны, пожаръ послужилъ несомнѣнно на пользу Россіи, возбудивъ гнѣвъ народа противъ врага и отнявъ у него громадные запасы продовольствія. Кромѣ того, сами факты ясно указывали, что поджигали сами русскіе. Власти, покидая городъ, вывезли всѣ пожарныя трубы и открыли тюрьмы. Говорили даже, что полиція раздавала факелы, а приготовленіе ихъ приписывали иностранцу физику, которому былъ заказанъ громадный воздушный шаръ, чтобы, поднявшись на немъ, бросить въ лагерь враговъ всевозможныя воспламеняющіяся вещества [1]). Какъ бы ни было, но никогда не хотѣли разъяснить этотъ вопросъ. Было достовѣрно извѣстно только, что Александръ совершенно непричастенъ къ пожару и что онъ не давалъ никогда никакого распоряженія, никакого полномочія. Вѣроятнѣе всего, толчокъ былъ данъ мѣстными властями, остальное же было сдѣлано изъ подражанія. Можетъ быть русскіе солдаты и отдѣльные жители, покидая городъ, подожгли его, а тушить пожаръ было нечѣмъ. Вопросъ о пожарѣ города, въ случаѣ занятія его врагами, поднимался еще задолго до вступленія французовъ. Объ этомъ говорили въ присутствіи Ростопчина и у него въ домѣ. Напримѣръ, одинъ сенаторъ, все богатство котораго состояло изъ дома въ самомъ многолюдномъ и торговомъ кварталѣ, сказалъ, что онъ не поколеблется поджечь его, если французы войдутъ въ Москву.

Ростопчинъ выражалъ открыто тѣ же самыя намѣренія. Однако послѣ онъ счелъ нужнымъ издать въ Парижѣ брошюру, гдѣ отрицалъ свою виновность. Это заявленіе удивило всѣхъ. Многимъ было непріятно, что русскій оправдывается въ исполненіи великаго поступка; однако его друзья были убѣждены въ искренности заявленія. Привыкнувъ къ тому, что придворные пользуются всѣми средствами, чтобы войти въ милость у государя, можно было думать, что брошюра имѣла ту же цѣль. Но русскій дворъ, а тѣмъ менѣе общество и не считали Ростопчина виновнымъ въ сожженіи Москвы. Въ своей брошюрѣ онъ не оправдывался въ жестокостяхъ, упрекавшихъ его совѣсть и отвратительныхъ для всѣхъ. Къ тому же до своего заявленія онъ совершенно принялъ на себя великую роль поджигателя Москвы и спасителя отечества, иначе, какъ могъ онъ принимать восторженныя овацiи, съ которыми принимали его нѣмцы?

---

1) Это не было шуткой; проектъ такого воздушнаго шара былъ предметомъ серьезной дипломатической переписки.

Во всякомъ случаѣ въ обращеніяхъ Ростопчина къ народу, появлявшихся въ странной формѣ бюллетеней, нѣтъ никакихъ указаній на это крайнее средство. Онъ убѣждалъ въ нихъ жителей въ необходимости защищать городъ, увѣряя въ то же время, что врагъ никогда не войдетъ въ Москву и что они внѣ всякой опасности. Онъ самъ совершенно не предвидѣлъ, что скоро нужно будетъ и ему выйти изъ города. Въ своей перепискѣ по этому поводу съ Кутузовымъ онъ хотѣхъ, чтобы съ нимъ обсуждались мѣры для сохраненія столицы. Но фельдмаршалъ вовсе не желалъ посвящать въ свои планы московскаго губернатора и, обнадеживая его въ безопасности города, ручался своими сѣдыми волосами, что французы войдутъ туда только черезъ его трупъ. А между тѣмъ на военномъ совѣтѣ всѣ генералы, кромѣ одного [1]), высказались за оставленіе Москвы. Ростопчинъ передавалъ увѣренія Кутузова жителямъ, а они, не сомнѣваясь въ ихъ правдивости, и не думали о спасеніи своего имущества, въ Москвѣ же всегда были громадные склады товара, предназначеннаго для провинцій. Все это осталось и погибло. Только уже наканунѣ вступленія французовъ жители подумали о бѣгствѣ и уносили съ собой, что могли. Изъ 300 тыс. жителей Москвы въ ней осталось лишь около 60 тысячъ.

Наполеонъ былъ увѣренъ, что занятіе Москвы [2]) приведетъ къ миру, условія котораго продиктуетъ онъ; это же очень волновало народное мнѣніе и того, кого впослѣдствіи провозгласили спасителемъ страны; Кутузовъ, посылая донесеніе императору объ оставленіи Москвы, настаивалъ прежде всего не вступать въ переговоры съ врагомъ. Александръ доказалъ, что онъ умѣлъ быть непоколебимъ, когда хотѣлъ: говорили, что онъ рѣшился скорѣй отступить до самой Сибири, чѣмъ начать переговоры о мирѣ.

Во время войны 1812 года произошло одно обстоятельство, которое всячески старались замять. Вотъ оно: при появленіи врага деревни поднимались добровольно и крестьяне повсюду вели партизанскую войну, сражаясь съ удивительной храбростью. Послѣ бѣгства врага они вполнѣ справедливо думали, что заслужили себѣ свободу геройскимъ сопротивленіемъ, опасностями, которымъ подвергались, и перенесенными лишеніями для общаго избавленія. Поэтому во многихъ мѣстахъ они не хотѣли больше признавать власти своихъ господъ. (Потомъ я докажу, что рус-

---

[1]) Честный и смѣлый генералъ Коновницынъ. Его сынъ въ Сибири съ 1826 года.

[2]) Начальникъ Московской полиціи, покидая городъ, послалъ донесеніе государю. Слѣдуя оффиціальнымъ формамъ, которыя не позволяютъ употреблять „имѣю честь“ въ обращеніи къ государю, но которыя требуютъ, чтобы были счастливы, когда говорятъ съ нимъ, этотъ чиновникъ написалъ: „Имѣю счастіе донести Вашему Величеству, что французы заняли Москву“ и т. д.

скіе рабы не такъ принижены, какъ думаютъ о нихъ въ Европѣ). Правительство, мѣстныя власти и помѣщики вели себя при этомъ очень осторожно; вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ насилію, этому единственному аргументу крѣпостниковъ, они воздерживались, откладывая до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ возвращеніе своихъ правъ. Можетъ быть, отчасти имъ мѣшала совѣсть поступить сурово съ людьми, принесшими такія великія жертвы своей родинѣ. Спустя долгое время, когда первое волненіе крестьянъ улеглось само собой и когда административная машина заработала правильно, все вернулось къ обычному порядку, къ сожалѣнію, похожему на царившій въ Варшавѣ послѣ послѣдняго польскаго возстанія. Если бы русская армія глубже пропиталась элементами прогресса, зачатки которыхъ она проявила, то, быть можетъ, попытки освобожденія послѣдовали не только со стороны однихъ крестьянъ—такъ русскій народъ былъ проникнутъ чувствомъ своей силы и достоинства.

Императоръ прибылъ въ армію лишь послѣ перехода черезъ Березину. Александръ и въ особенности его братъ Константинъ, фельдфебель по натурѣ, не обладавшій подобно императору высокими качествами души, были сильно шокированы внѣшнимъ видомъ арміи, совсѣмъ несоотвѣтствовавшемъ уставу, на что въ то время обращалось главное вниманіе. Обыкновенно одежда русскаго солдата разсчитывалась только для парадовъ; въ походѣ же онъ несъ на себѣ большую часть аммуниціи,—кожаные сапоги, брюки, гренадерскій султанъ и т. п. Война же должна была сильно измѣнить эту одежду [1]). На границѣ она была приспособлена къ утомительнымъ, длиннымъ переходамъ и къ суровости климата и была очень похожа на простую одежду крестьянъ. Видя проходящій церемоніальнымъ маршемъ пѣхотный, гвардейскій, стрѣлковый полкъ, покрытый славой, Константинъ возмутился видомъ солдатъ; болѣе же всего ему не понравилась

---

[1]) Особенно при тѣхъ злоупотребленіяхъ со стороны безнаказанныхъ начальниковъ, которыми всегда отличались наши войны. Кн. Волконскій разсказываетъ одно изъ такихъ злоупотребленій. Въ Кенигсбергѣ генералъ-губернаторомъ былъ графъ Сиверсъ, которому было поручено изготовить по мѣрѣ трехъ разрядовъ одежду и обувь для русской арміи вольною покупкою и вольнымъ шитьемъ. Вслѣдствіе слабости и непопечительности графа вкралось въ это дѣло (по обычаю всякаго рода заготовленій въ Россіи) страшное злоупотребленіе: привозимыя вещи, для большого роста назначенныя, не входили даже на малый ростъ; все было шито на живую нитку и качествомъ весьма плохо. При уличеніи всѣхъ этихъ безпорядковъ, графъ былъ отданъ подъ судъ, который продолжался до кончины Александра Павловича, и уже при восшествіи на престолъ Николая дѣло было улажено преданіемъ полному забвенію.

Ред.

толстая и грубая обувь. Онъ высказалъ сильное неудовольствіе на неправильность строя и вскричалъ съ досадой: „Эти люди умѣютъ только драться!“

Въ его устахъ это была горькая критика.

ГЛАВА III.

Событія 1813 и 1814 г.г. Штейнъ.

Послѣ перехода нѣмецкой границы, русская армія была такъ малочисленна, что во время перваго смотра императоромъ въ присутствіи прусскаго короля въ Калишѣ въ ней было немного болѣе 15.000 человѣкъ, остальная часть оставалась позади. Впрочемъ измѣнилось и положеніе вещей: пока русскіе сражались на своей территоріи, они были одни, теперь же къ нимъ присоединились войска ихъ могущественныхъ союзниковъ. Первая явилась Пруссія; невольные союзники Наполеона, пруссаки, только радовались успѣхамъ Россіи. Ихъ симпатія открыто выразилась уже въ прусскомъ военномъ корпусѣ, начавшемъ кампанію съ французами подъ начальствомъ генерала Іорка. При этомъ Фридрихъ Вильгельмъ вовсе не зналъ распоряженій этого генерала совмѣстно съ Дибичемъ, начальникомъ главнаго штаба у Витгенштейна; онъ сохранилъ даже навсегда злобу къ генералу Іорку за ту независимость, съ которой велъ себя тотъ въ этомъ дѣлѣ: короли прежде всего любятъ послушаніе.

Первое воззваніе къ пруссакамъ вышло также безъ участія короля. Иниціативу взялъ на себя баронъ Штейнъ, и голосъ его нашелъ себѣ откликъ въ сердцахъ нѣмцевъ. Не обращая вниманія на настроеніе короля, пруссаки готовились къ сраженію, и скоро неудержимое рвеніе, вызванное чувствомъ мести и патріотизма, овладѣло всѣми безъ различія: возстали всѣ, и народы, и короли. Не всѣ ли они были одинаково угнетены и не для общаго ли освобожденія они взялись за оружіе? Нѣмецкіе монархи не давали уже больше своимъ подданнымъ лживыхъ обѣщаній; воздерживаясь отъ нихъ, они по крайней мѣрѣ избѣгали позора клятвопреступленія. По отступленіи французовъ изъ Германіи рѣшено было урегулировать управленіе во всѣхъ странахъ, занятыхъ арміями Россіи, Пруссіи и Австріи. Для этого учредили „Центральный Департаментъ“ и начальникомъ его назначили барона Штейна. Въ принципѣ Штейнъ хотѣлъ, чтобы второстепенныя нѣмецкія государства присоединились къ великимъ державамъ при условіи будущей реорганизаціи древняго германскаго государства на началахъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ безопасности и общаго благосостоянія страны. Но уже съ

самаго начала присоединенія къ союзу одного изъ этихъ государствъ, онъ не надѣялся, что условія будутъ приняты. При вступленіи въ союзъ Баваріи, глава вѣнскаго кабинета министровъ не проявилъ никакого интереса къ будущей ея судьбѣ. Въ этомъ имъ руководило извѣстное направленіе австрійской политики, которая была гибельна для интересовъ всей Германіи, которая, какъ всегда, считалась съ требованіями цивилизаціи и гуманности, въ то время какъ Австрія преслѣдовала исключительно интересы царствующаго дома. Германцы же больше всего нуждались въ справедливости, свободѣ и независимости, и задача нѣмецкихъ государствъ заключалась въ созданіи и укрѣпленіи національнаго единства. Австрія же наоборотъ старалась подавлять всякое такое проявленіе и мѣшать ему. Возникшая вражда двухъ политическихъ системъ отразила на себѣ злой и добрый геніи Германіи, олицетворявшіеся первый въ лицѣ барона Штейна, второй—князя Меттерниха .Штейнъ также желалъ лишить нѣкоторыхъ государей Рейнскаго союза ихъ сана, замѣнивъ на время тѣми изъ ихъ наслѣдниковъ, которые выказали больше патріотизма, и подчинивъ центральному департаменту. Безъ сомнѣнія, подобная мѣра, легко осуществимая тогда, благотворно повліяла бы на будущее нѣмецкаго народа; но она была отклонена; ограничились только тѣмъ, что короля саксонскаго продолжали держать въ Пруссіи, сосланнаго туда послѣ Лейпцигскаго сраженія, а въ его королевство былъ назначенъ русскій губернаторъ. Точно также и во всѣ французскія провинціи, занимавшіяся союзными войсками, назначались центральнымъ департаментомъ [1]) русскіе, прусскіе и австрійскіе губернаторы.

Легко понять, что дѣятельность Штейна была очень обширной. Довѣріе, равнымъ которому никто тогда не пользовался, императора Александра ставило его въ совершенно исключительное положеніе. Штейнъ желалъ энергично продолжать войну; въ этомъ ему горячо содѣйствовали Блюхеръ и начальникъ штаба прусской арміи Гнейзенау, которому Блюхеръ, послѣ Бога, больше всего приписывалъ военные успѣхи, однако австрійцы были противъ наступленія и желали остановиться въ укрѣпленіяхъ на Рейнѣ. Въ письмѣ къ Штейну Гнейзенау, переправившійся черезъ эту рѣку, горько жаловался на медлительность союзной арміи, перечисляя всѣ выгоды рѣшительнаго наступленія. Онъ умолялъ представить эти соображенія Александру и склонить его къ наступленію, что уже разъ удалось при переходѣ черезъ Вислу и было рѣшительнымъ толчкомъ для хода событій. „Если мы не вступимъ въ Парижъ, писалъ Гнейзенау, месть не будетъ удовлетворена и тріумфъ будетъ не полный“.

---

[1]) Коммиссаромъ при немъ былъ авторъ этой книги.

Судя по извѣстному мнѣ въ то время о событіяхъ, Александръ долженъ былъ преодолѣвать массу препятствій. Командующимъ союзной арміи былъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, и императору потребовалось много такта и ловкости, чтобы заставить его дѣйствовать по своему желанію, а не по желанію вѣнскаго кабинета. Блюхеръ, со своей арміей изъ русскихъ и прусскихъ войскъ, подвергаясь опасности и терпя пораженіе, неуклонно шелъ впередъ, этимъ заставляя подвигаться и Шварценберга. Онъ же, желая показать, что все идетъ по его приказанію, или по другимъ соображеніямъ, всячески показывалъ, что ему ничего неизвѣстно о нахожденіи по сосѣдству съ нимъ императора Александра, который и былъ истиннымъ виновникомъ всѣхъ событій. Однако онъ самъ не могъ отдавать приказанія, а долженъ былъ торговаться въ полномъ смыслѣ этого слова. Иногда онъ вставалъ по ночамъ и, въ сопровожденіи своего адъютанта, съ фонаремъ въ рукахъ, шелъ переговорить съ Шварценбергомъ, находилъ его въ постели и, не поднимая его, садился самъ на стулъ и такъ разговаривалъ. Подобными визитами Александръ удостоивалъ и генерала Лангенау.

Узнавъ о движеніи Наполеона къ С. Дизье, Александръ ночью же передалъ Шварценбергу свое рѣшеніе идти на Парижъ. Пораженный этимъ, австрійскій генералъ горячо возставалъ противъ желанія императора, но послѣдній заявилъ, что онъ пойдетъ одинъ, со своими войсками, если фельдмаршалъ не согласится съ нимъ. Послѣдній—невольно уступилъ и союзныя войска направились къ столицѣ Франціи. Безъ сомнѣнія, любовь всей Европы и слава, окружавшая имя царя, въ это время придавали особый авторитетъ его рѣшеніямъ, но нельзя поручиться, что онъ такъ же выполнилъ бы свою задачу, если бы дѣйствовалъ подчиняясь правиламъ этикета.

Прусскій король помогалъ Александру съ полной готовностью, хотя не всегда раздѣлялъ взглядовъ послѣдняго и иногда не одобрялъ поведенія фельдмаршала Блюхера. Говорятъ даже, что во время переговоровъ въ Шатильонѣ онъ горячо оспаривалъ императора, настаивавшаго на продолженіи войны, но отчасъ же добавилъ, что Александръ можетъ дѣлать для славы оружія, какъ найдетъ нужнымъ, и что всѣ прусскія войска вполнѣ находятся въ его распоряженіи. Блюхеръ и Гнейзенау, дѣйствовавшіе въ духѣ Александра, не боялись прогнѣвить своего государя, увѣренные, что ихъ поддержитъ и защититъ русскій императоръ.

По вступленіи союзниковъ во Францію стали подумывать о низложеніи Наполеона. Трудно сказать, поднимался ли этотъ вопросъ до перехода черезъ Рейнъ, хотя, конечно, эмигранты всегда агитировали въ пользу Бурбоновъ. Утверждаютъ, что и Талейранъ не былъ этому чуждъ; но все это недостаточно выяснено, да, сказать по правдѣ, не важно, такъ какъ подобные переговоры

не могли существенно повліять на ходъ событій. Достовѣрно лишь то, что Штейнъ допускалъ перемѣну правительства во Франціи и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи задолго до вступленія союзниковъ въ Парижъ, однако этотъ взглядъ во вліятельныхъ кругахъ никѣмъ не раздѣлялся за исключеніемъ развѣ генерала Потцо-ди-Борго, бывшаго въ очень близкихъ отношеніяхъ со Штейномъ, но онъ еще не пользовался тогда авторитетомъ, который пріобрѣлъ впослѣдствіи [1]). Что же касается монарховъ, то только одинъ Александръ серьезно и сильно желалъ низложенія Наполеона.

Во время переговоровъ въ Шатильонѣ всѣ союзныя державы, исключая Англіи, сильно склонялись къ заключенію мирнаго договора и только Александръ не хотѣлъ и слышать о мирѣ, несмотря на всѣ совѣты окружающихъ [2]).

Тогда много говорили объ измѣнѣ и шпіонахъ, подсылаемыхъ изъ Парижа въ главную квартиру нѣкоторыми лицами, главнымъ образомъ Талейраномъ, но я думаю, что все это слишкомъ преувеличено. Не желая оправдывать гнуснаго поведенія лицъ, входившихъ въ сношенія съ врагами отечества, я не думаю, чтобы эти измѣны могли принести какую-нибудь пользу союзнымъ державамъ, такъ какъ перебѣжчики не сообщали ничего новаго. Мы ожидали и въ Парижѣ того же, что встрѣчали въ провинціяхъ, по которымъ проходили войска.

Одно незначительное обстоятельство косвенно послужило въ пользу Бурбонамъ, именно — увѣренность населенія провинцій, занятыхъ союзными войсками, что монархи желаютъ ихъ возстановить. Дѣло въ томъ, что въ началѣ войны главная квартира союзниковъ представляла большое разнообразіе костюмовъ и формъ; случалось даже, что во время стычекъ, особенно подъ Лейпцигомъ, казаки принимали нѣкоторыхъ офицеровъ союзной арміи за враговъ и ранили ихъ копьями. Во избѣжаніе подобныхъ непріятностей Александръ приказалъ своимъ войскамъ носить на правой рукѣ бѣлую повязку, чему послѣдовали и другіе

---

[1]) Люди не должны жаловаться на оцѣнку ихъ заслугъ тѣми средствами, которыя они сами цѣнятъ высоко. Послѣ возстановленія Бурбоновъ, Людовикъ XVIII предложилъ Потцо-ди-Борго два милліона франковъ въ награду за услуги, оказанныя имъ. Потцо просилъ позволенія у Александра принять этотъ подарокъ, но императоръ, находя, что онъ уже достаточно вознагражденъ имъ самимъ, съ отвращеніемъ отнесся къ этой просьбѣ. Тогда Потцо съ сокрушеніемъ заявилъ, что онъ никогда не пойдетъ противъ воли императора, но, отказываясь отъ предложенія Людовика XVIII, онъ находитъ справедливымъ, чтобы Александръ оцѣнилъ эту жертву и назначилъ отъ себя такую же сумму. Возмущенный такой настойчивостью и не желая обременять казну, царь разрѣшилъ Потцо принять подарокъ. Я припоминаю, что Штейнъ получилъ приказаніе уплатить Потцо-ди-Борго сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Такимъ образомъ оцѣнка заслугъ Потца въ 1814 г. относится къ заслугамъ послѣ реставраціи какъ 150 тысячъ къ 2 милліонамъ.

[2]) Кромѣ Штейна и Потцо-ди-Борго.

союзники. Очень вѣроятно, что французы видѣли въ этомъ знакъ расположенія къ Бурбонамъ.

Послѣ ихъ реставраціи ходило много толковъ о причинахъ, способствовавшихъ этому событію и при всемъ своемъ различіи они были близки къ истинѣ. Такъ, напримѣръ, весьма вѣроятно, что Александръ, вступая въ Парижъ, избѣгалъ брать на себя инціативу, а хотѣлъ, чтобы французы дѣлали хоть видъ, что сами вспомнили о внукахъ Людовика XV; онъ позволялъ Талейранамъ, Прадтамъ, Дальбергамъ давать себѣ совѣты, которыми потомъ они такъ гордились, но достовѣрно, что реставрація имъ была рѣшена еще задолго до занятія Парижа. Вотъ доказательство: въ самомъ началѣ 1814 года, вскорѣ послѣ роспуска Наполеономъ законодательнаго собранія, нѣкоторымъ лицамъ и особенно членамъ законодательнаго собранія, жившимъ въ Дижонѣ и Парижѣ и болѣе оппозиціонно настроеннымъ къ наполеоновскому правительству, писались письма, въ которыхъ указывалось на возможность собраться въ Нанси, чтобы низложить Наполеона. Письма эти писались съ подписью М. П.... Женевецъ, который тотчасъ по прибытіи въ главную квартиру былъ назначенъ государственнымъ совѣтникомъ русской службы при баронѣ Штейнѣ. Онъ спрашивалъ отъ имени Александра, возможно ли, по мнѣнію вліятельныхъ лицъ въ Дижонѣ, составить отъ жителей адресъ союзнымъ державамъ о реставраціи Бурбоновъ? Все это скрывалось отъ австрійцевъ, занимавшихъ Дижонъ и Женеву, откуда приходили письма, адресованныя въ Парижъ. И я не знаю, было ли извѣстно объ этихъ интригахъ даже самому Нессельроду,—министру иностранныхъ дѣлъ.

Однако, эта затѣя ни къ чему не привела, такъ какъ лица, къ которымъ обращались, заявили, что въ ихъ провинціи вовсе не думаютъ о Бурбонахъ и что при низложеніи императора, ему можетъ наслѣдовать сынъ подъ регентствомъ своей матери.

Людовикъ XVIII, при видѣ Франціи, сказалъ, что послѣ Бога трономъ предковъ онъ больше всего обязанъ принцу регенту. Однако при всемъ интересѣ англійскаго министра къ направленію тогдашней политики, онъ никогда особенно не настаивалъ ни на низложеніи Наполеона, ни на реставраціи Бурбоновъ. Все сказанное по этому поводу въ парламентѣ и въ печати не оправдываетъ словъ Людовика XVIII. Скорѣе поэтому можно было сказать, что послѣ Бога Людовикъ больше всего былъ обязанъ Александру, которому помогали Штейнъ и Потцо, но самолюбіе мѣшало Людовику признаться въ этомъ; возможно, что онъ считалъ это чувствомъ собственнаго достоинства, изъ-за котораго однажды онъ не пропустилъ Александра впередъ къ столу, а въ другой разъ сѣлъ самъ на кресло, а Александру предложилъ только стулъ, но съ такимъ человѣкомъ, какъ императоръ, онъ могъ бы обойтись и безъ подобныхъ выходокъ. Лагарпъ, часто

видѣвшійся съ императоромъ, находилъ въ поступкѣ Людовика недостатокъ уваженія: „Я васъ предупреждалъ, говорилъ онъ, что эти Бурбоны всегда были такими“.—„Это меня удивляетъ болѣе всего, съ улыбкой отвѣчалъ императоръ, но я стою гораздо выше подобныхъ мелочей“. Впрочемъ, я нисколько не желаю ставить Александру въ заслугу возстановленіе Бурбоновъ. Если сражаться и побѣдить могущественнаго врага—великій и прекрасный поступокъ, то, конечно, нельзя считать таковымъ желаніе навязать народу, безъ крайней необходимости, какое-нибудь правленіе и династію. Надо, однако, согласиться, что послѣ прокламаціи Александра, въ которой онъ объявлялъ, что союзныя державы не будутъ вести переговоровъ ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ его семейства, не оставалось ничего, какъ призвать братьевъ Людовика XVI. Страной, наводненной войсками послѣ взятія Парижа и низложенія Наполеона, управлять могли только одни Бурбоны.

Стратеги расходятся во мнѣніяхъ относительно рѣшающаго момента, кампаніи 1814 г. Судя по ходу событій, таковымъ можно считать походъ императора Наполеона къ С. Дизіе, когда онъ хотѣлъ, обойдя союзныя арміи, приблизиться къ крѣпости; онъ-то по всей вѣроятности и рѣшилъ участь Франціи и всей Европы. Удаляясь изъ столицы, Наполеонъ открылъ ее для враговъ и было совсѣмъ нелогично предполагать, что они предпочтутъ преслѣдовать его, а не пойдутъ къ Парижу. Штейнъ очень скоро понялъ всю важность этого предположенія, считая его очень хорошимъ предзнаменованіемъ, и радость, которую онъ выражалъ по этому поводу, лишній разъ доказываетъ справедливость и мѣткость взглядовъ этого необыкновеннаго человѣка.

Главная квартира союзныхъ государей находилась въ Bar на Aube. Русскій императоръ и прусскій король отправились къ передовой арміи; австрійскій же императоръ со своей главной квартирой, а также князь Гарденбергъ, канцлеръ короля прусскаго, баронъ Штейнъ и другія лица оставались тамъ. Вдругъ въ городѣ забили тревогу и приказываютъ всѣмъ готовиться къ выступленію и тотчасъ слѣдовать въ Шатильонъ и Дижонъ. Я стремительно бѣгу къ Штейну, ожидая найти его до крайности возмущеннымъ этой неожиданностью. Я имѣлъ основанія предполагать это потому, что незадолго передъ тѣмъ Штейнъ отчаивался въ реставраціи Бурбоновъ. Каково же было мое удивленіе, когда я нашелъ его уже совсѣмъ одѣтымъ и очень радостнымъ; я не могъ не спросить о причинѣ его веселья.

— Да, какъ же,—отвѣчалъ онъ мнѣ,— вѣдь это для насъ самое лучшее. Освободившись отъ Меттерниха и австрійцевъ, императоръ будетъ свободенъ и пойдетъ на Парижъ, и война кончится. Я никогда не забуду этихъ пророческихъ словъ, которыя произвели на меня глубокое впечатлѣніе.

Итакъ, всѣ послѣдовали за австрійскимъ императоромъ въ Шатильонъ, а оттуда въ Дижонъ, а немного времени спустя, получилось извѣстіе о вступленіи союзной арміи въ Парижъ и одновременно о прокламаціи Александра. Она видимо не обрадовала австрійцевъ; замѣтно было даже, что императоръ Францъ очень холодно принялъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ генераловъ, которые поспѣшили поздравить его съ извѣстіемъ.

Штейнъ тотчасъ объявилъ о своемъ намѣреніи отправиться въ Парижъ и уже дней черезъ пять былъ тамъ.

Этотъ огромный городъ имѣлъ очень странный видъ. Съ оружіемъ въ рукахъ, враги входили въ столицу страны и масса народа привѣтствовала ихъ какъ освободителей. И это было въ то время, когда слава французскаго имени наполняла весь міръ! Правда, обстоятельства если и не совсѣмъ оправдывали помѣшательства французовъ, то многое въ немъ объясняли. Во-первыхъ—всѣ слишкомъ устали воевать, а во-вторыхъ—побѣдители всячески старались заставить забыть о своей побѣдѣ. Императоръ Александръ проявилъ въ эту минуту истинное благородство и едва ли въ исторіи мы найдемъ другой примѣръ столь великодушнаго побѣдителя и столь честнаго человѣка [1]).

Онъ болѣе всего возбуждалъ энтузіазмъ парижанъ, другихъ же государей они почти не замѣчали. При видѣ его всѣ кричали: „да здравствуетъ императоръ!“ Однажды при этихъ крикахъ въ оперѣ Александръ отвѣтить на привѣтствія заставилъ показаться императора Франца, но публика, чтобы не могло больше произойти ошибки, начала кричать: „Да здравствуетъ императоръ Александръ!“ Часто при всеобщемъ увлеченіи я съ удовольствіемъ слушалъ эти крики, но зато иногда они угнетали меня[1]). Такъ, напримѣръ, мнѣ, съ моими Геттингенскими воспоминаніями, при благоговѣніи къ истиннымъ ученымъ, апостоламъ цивилизаціи, было мучительно присутствовать въ одномъ засѣданіи ученаго общества (фр. института) при чествованіи Александра. Я полагаю, что талантъ литератора не можетъ служить

---

[1]) Зачѣмъ я русскій и потому не могу любить его такъ беззавѣтно, какъ любили въ продолженіе долгаго времени Штейнъ и Шатобріанъ. А мнѣ это было бы еще пріятнѣе, благодаря признательности, которою я обязанъ ему лично... Къ несчастью это не такъ! Онъ видѣлъ и даже проклиналъ зло, которое губило и позорило его страну; хотѣлъ его уничтожить, но у него не хватило смѣлости! зачѣмъ не употребилъ половину своихъ трудовъ и энергіи, которые онъ доказалъ во время войны съ Франціей, на то, чтобы въ своей собственной странѣ осуществить спасительныя реформы, для которыхъ, кромѣ мечтаній и обѣщаній, ничего не дѣлалъ. Къ своему имени онъ присоединилъ бы еще большую славу, болѣе прочную и болѣе полезную. Господь достаточно милосердъ, чтобы простить Александру это, но кто можетъ простить ему когда-нибудь рабскія цѣпи своихъ соотечественниковъ, когда было достаточно одного его слова, чтобы онѣ упали?

восхваленію побѣдителя, и что было бы гораздо лучше избѣжать этой профанаціи въ храмѣ Музъ.

Однако общественное мнѣніе, которое, повидимому, выяснилось по отношенію къ Бурбонамъ, настойчиво требовало свободнаго представительнаго учрежденія. Каждый день появлялись брошюры съ этими требованіями и Франція получила Хартію лишь потому, что ей не могли въ этомъ отказать. Такъ изъ полнаго безпорядка французы сумѣли извлечь для себя политическій порядокъ, который, если и не былъ для нихъ достаточнымъ возмѣщеніемъ, то все же былъ драгоцѣннымъ завоеваніемъ для человѣческаго рода и цивилизаціи. Они просили и получили представительное правленіе, гарантировавшее имъ права и независимость, конституцію, которую они сумѣли сохранить и затѣмъ усовершенствовать, тогда какъ тріумфаторы отправились по домамъ, чтобы покорно надѣть на себя привычное ярмо.

Вѣроятно въ силу пословицы: „одолжаютъ только богатымъ“— многіе приписываютъ Талейрану дарованіе Франціи новой конституціи, но я спрашиваю, удалось ли бы ему провозгласить Хартію, если бы общественное мнѣніе отнеслось къ ней равнодушно, а императоръ Александръ въ 1814 г. держался бы тѣхъ же взглядовъ, какъ 10 лѣтъ спустя?

Наслѣдный принцъ Бернадотъ, бывшій потомъ королемъ Швеціи, тогда не былъ въ Парижѣ, а если и пріѣзжалъ туда, то на нѣсколько дней, вскорѣ послѣ занятія города. Русскія войска, бывшія подъ его командой и, въ особенности, офицеры, очень его любили; съ своей стороны онъ постоянно расточалъ похвалы по ихъ адресу и указывалъ какъ на образецъ для своего собственнаго войска [1]). Во время войны онъ велъ

---

[1]) Кн. Волконскій, бывшій подъ командою Бернадота и часто бывавшій у него по дѣламъ, въ своихъ воспоминаніяхъ часто упоминаетъ принца и между прочимъ разсказываетъ слѣдующія его слова. Послѣ удачной и умѣлой переправы черезъ Эльбу кронъ-принцъ шведскій, объѣзжая всѣ переправы, прибылъ и къ нашей и не могъ надивиться успѣшности нашей переправы, безъ всякихъ средствъ къ оной, и тутъ я опять помню его слова, имъ во всеуслышаніе произнесенныя: „Для васъ, русскихъ, нѣтъ ничего невозможнаго; если бы вашъ Императоръ былъ честолюбивъ, васъ, русскихъ, пришлось бы убивать особенно, какъ убиваютъ бѣлыхъ медвѣдей на сѣверѣ“. И потомъ, обернувшись къ маршалу Штедингу, который командовалъ шведской арміей, онъ сказалъ ему: „Подражайте русскимъ; для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Вы, шведы, вы не умѣете воевать, но вы еще научитесь этому. Въ Цербстѣ караулъ у кронъ-принца былъ всегда русскій, и онъ ежедневно выходилъ къ смѣнѣ; всегда здоровался съ людьми и всякій разъ спрашивалъ, дано ли было нижнимъ чинамъ водки, и на отвѣтъ, что порціи выданы, онъ всегда повторялъ: „Пусть имъ еще дадутъ водки“. Кронъ-принцъ умѣлъ отлично пріобрѣсть себѣ любовь русскаго

себя не вполнѣ искренно. Правда, онъ далъ Денневитцкое сраженіе маршалу Нею [1]), безусловно очень полезное для союзниковъ, но вообще онъ избѣгалъ дѣйствовать рѣшительно противъ французовъ. И понадобилось много переговоровъ и настойчивости, чтобы заставить его участвовать въ рѣшительномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, даже можно сказать, что его привелъ туда Потцо-ди-Борго.

Бернадотъ заранѣе принялъ мѣры, чтобы извлечь выгоды отъ своего присоединенія къ коалиціи. Еще въ 1812 году при свиданіи съ Александромъ въ Финляндіи, онъ условился, что, въ случаѣ удачной войны, русскій императоръ добьется присоединенія Норвегіи къ Швеціи. Послѣ потери Финляндіи шведы имѣли громадную нужду въ продовольствіи, и Россія дала имъ ссуду въ 1.500.000 рублей съ возвратомъ лишь въ случаѣ присоединенія Норвегіи, въ противномъ же случаѣ они могли оставить въ видѣ вознагражденія. На Вѣнскомъ конгрессѣ составить проектъ соглашенія со шведскимъ посланникомъ относительно уплаты 1.500.000 рублей было поручено мнѣ, когда я принесъ

солдата и всѣхъ высшихъ чиновъ; съ этими былъ вѣжливъ, а съ нижними чинами—ласковъ и попечителенъ. Что въ особенности нравилось нижнимъ чинамъ, это то, что онъ только въ необходимыхъ случаяхъ выдерживалъ ихъ на бивуакѣ, а болѣе располагалъ на частныхъ квартирахъ. *Ред.*

[1]) Объ этомъ сраженіи кн. С. Волконскій пишетъ: „Замѣчательное сраженіе было подъ Деневицемъ и вся честь онаго принадлежитъ распоряженію Бернадота и смѣлому дѣйствію русской и шведской артиллеріи и атакѣ кавалеріи русской; въ числѣ послѣдней была замѣчательная атака барона Палена съ Изюмскимъ полкомъ и еще другого драгунскаго, и дѣйствіе конной роты № 4, подъ командою капитана Баташева, и преудачное дѣйствіе той же роты, поручикъ которой Викторовъ кинулся съ канонерами и отбилъ два орудія у непріятеля.

Послѣ блистательной побѣды подъ Деневицемъ, вышедшіе изъ Витенберга французскіе, какъ помнится, два корпуса подъ предводительствомъ храбраго Нея, едва могли спастись, отступая къ Торгау, преслѣдуемые русскими, пруссаками и шведами и болѣе первыми. Отраженіе французовъ спасло Берлинъ, куда стремились французы, которые тамъ, хоть, вѣроятно, не надолго, но все же нанесли бы большой вредъ военнымъ приготовленіямъ пруссаковъ; жители поплатились бы сильной контрибуціей, а тягости, какъ русской, такъ и шведской арміи, едва бы могли безъ вреда уйти. Ютербокское сраженіе дѣлаетъ большую честь распоряженіямъ Бернадота и, какъ выше сказано, дѣйствія артиллеріи и кавалерійскія атаки принесли большую честь шведской и русской артиллеріи и русской кавалеріи. Я не упоминаю о пруссакахъ, потому что первый натискъ французовъ въ превосходномъ числѣ войскъ былъ на нихъ, и хотя отпоръ ихъ былъ, по возможности, стоекъ, но они были приведены въ разстройство и выручены были русскою и шведскою артиллеріею. *Ред.*

проектъ Нессельроду, онъ сказалъ, что онъ безполезенъ. На мое невольное замѣчаніе, что Россія не настолько богата, чтобы безъ всякой необходимости такъ сорить деньгами, онъ отвѣтилъ: „Что подѣлаешь? — генералъ Л... на дняхъ просилъ сложить эту сумму, — а Александръ не въ силахъ отказать въ подобныхъ просьбахъ“.

Въ 1814 году Александръ покинулъ Парижъ и желалъ посѣтить Англію. Онъ хотѣлъ, чтобы его сопровождала гвардія, удивительной выправкой [1]) которой онъ думалъ поразить англичанъ; онъ не предполагалъ, что для восхищенія свободнаго народа нужны не дисциплинированные солдаты, а нѣчто другое. Его совѣтники не умѣли или не осмѣливались показать всю неумѣстность фантазіи продѣлать въ Великобританіи процедуру военнаго смотра. А когда объ этомъ сдѣлали запросъ англійскому министерству, то лордъ Кастлери отвѣтилъ, хотя въ самыхъ умѣренныхъ и осторожныхъ выраженіяхъ, что онъ не можетъ разрѣшить высадки на англійской почвѣ никакой вооруженной силы безъ парламентскаго билля.

Имѣй совѣтники Александра побольше мужества, они могли бы избавить его отъ этой смѣшной роли.

ГЛАВА IV.

Вѣнскій конгрессъ.

Вѣнскій конгрессъ прежде всякихъ дѣлъ открылся парадами и непрестанными празднествами, такъ что всѣ повторяли, что „конгрессъ танцуетъ, но не подвигается впередъ“; и принцъ де-Линъ, умирая, имѣлъ право сказать: „конгрессу недостаетъ только церемоніи погребенія маршала: я доставлю ему это новое развлеченіе“. Однако — между собравшимися державами очень скоро появилась рознь. Между Австріей, Англіей и Франціей былъ заключенъ договоръ противъ Россіи и Пруссіи, о чемъ послѣдніе были извѣщены Наполеономъ, хотя уже раньше легко было за

---

[1]) Солдатоманія русскому царствующему дому присуща съ давнихъ поръ. Петръ III, будучи еще великимъ княземъ, велѣлъ дѣлать модели крѣпостей изъ глины, наполняя ихъ солдатами изъ сахара. Однажды его молодая и остроумная жена вошла въ комнату и не могла не разразиться смѣхомъ, увидя бѣднаго мышенка, повѣшеннаго на висѣлицѣ. Великій князь былъ очень недоволенъ такой веселостью и сказалъ, что тутъ ничего нѣтъ смѣшного, что казненный преступникъ былъ осужденъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ смерти за то, что съѣлъ часового.

мѣтить о разногласіяхъ между кабинетами Петербурга и Берлина — съ одной стороны и Лондона и Вѣны — съ другой. Что касается Тюльерійскаго кабинета, то его вліяніе было почти ничтожно, несмотря на всѣ интриги Талейрана.

Главной причиной разлада была Саксонія. Бывшее герцогство Варшавское, послѣ войны 1812 г., занималось русскими и не могло быть возстановлено; Пруссія же, не имѣя возможности возвратить принадлежавшую ей провинцію, стремилась вознаградить себя за эту потерю за счетъ Саксоніи. Поведеніе Саксонскаго короля было лишь предлогомъ для союзниковъ, чтобы воспользоваться его королевствомъ. Дѣло въ томъ, что въ битвѣ при Лейпцигѣ саксонскія войска, сражавшіяся вмѣстѣ съ французами, бросили ихъ и повернули свои полки противъ своихъ союзниковъ или, вѣрнѣе сказать, противъ своихъ повелителей; однако этотъ ихъ поступокъ не спасъ короля Фридриха Августа, находившагося въ Лейпцигѣ въ моментъ взятія этого города, ему было отказано въ аудіенціи Русскаго императора, а вскорѣ онъ былъ увезенъ въ Пруссію [1]). Такимъ образомъ, еще до конца войны, прусскій кабинетъ обратилъ вниманіе на Саксонію, которую желалъ получить вмѣсто Польши. Онъ надѣялся даже, что Саксонія будетъ присоединена къ Пруссіи цѣликомъ. Достовѣрно, что благодаря переговорамъ, Австрія соглашалась на это. На вѣнскомъ конгрессѣ въ этомъ вопросѣ Россія сильно поддерживала Пруссію, но Франція и Англія, вмѣстѣ съ Австріей, взявшей свое согласіе обратно, высказались за раздѣленіе. Что же касается саксонцевъ, то они естественно были противъ всякаго присоединенія къ Пруссіи. Правленіе стараго короля въ теченіе многихъ лѣтъ (онъ царствовалъ около 40 л.) пользовалось заслуженной репутаціей мягкости и умѣренности, прусское же правительство, наоборотъ, отличалось нѣкоторой жестокостью и не встрѣчало симпатіи. Однако довольно большое число нѣмецкихъ патріотовъ стояло за полное присоединеніе, видя въ этомъ

---

[1]) Его долженъ былъ сопровождать русскій генералъ (кн. Голицынъ). Этотъ полномочный или тюремщикъ, какъ его можно было бы назвать, своимъ хорошимъ обращеніемъ заслужилъ уваженіе и благодарность стараго короля, но этимъ самымъ навлекъ на себя неудовольствіе прусскаго правительства, которое жаловалось на него Александру. Въ то время это не было единичнымъ случаемъ неповиновенія императору его подчиненныхъ: другой генералъ (М. Орловъ), о которомъ я буду еще говорить, былъ отправленъ къ Датскому королю для переговоровъ объ уступкѣ Норвегіи Швеціи. Прибывъ на мѣсто, онъ нашелъ, что норвежцы вполнѣ справедливо возстаютъ противъ присоединенія къ Швеціи, и повелъ себя соотвѣтственно этому: вмѣсто поддержки, Бернадотъ встрѣтилъ въ немъ противника своимъ притязаніямъ и защитника Даніи. Впрочемъ Орловъ не одинъ находилъ дѣло норвежцевъ справедливымъ. Я вспоминаю прусскаго канцлера князя Гарденберга и его благородныя слова, оправдывавшія возстаніе норвежцевъ. Изъ этого норвежцы извлекли для себя пользу и перестали сожалѣть о союзѣ съ Даніей.

шагъ къ объединенію всей Германіи; они даже сожалѣли, что и съ остальными королями и князьями не поступили такъ же, какъ съ саксонскимъ.

Прусскіе уполномоченные всѣми силами добивались своей цѣли, но со стороны прусскихъ патріотовъ они встрѣчали лишь жалобы на вялость въ переговорахъ. Старый Блюхеръ, на большомъ обѣдѣ въ Берлинѣ, отказался даже принять участіе въ тостѣ, провозглашенномъ за здоровье короля.

Штейнъ, получившій во время войны званіе государственнаго министра Россіи, назначенный тремя великими державами начальникомъ Центральнаго департамента, не занималъ никакой опредѣленной должности на Вѣнскомъ конгрессѣ — онъ явился туда представителемъ своего генія только на правахъ заслугъ, оказанныхъ имъ общему дѣлу, и уваженія, которымъ онъ пользовался среди народовъ и королей. Впрочемъ, его вліяніе при русскомъ и прусскомъ дворахъ было всегда очень велико. Хорошо извѣстно, что Штейнъ поддерживалъ всячески присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи, но положеніе вещей не оправдывало его надеждъ. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: „Я желаю видѣть Пруссію великой и сильной не изъ слѣпой привязанности къ этому государству, но изъ убѣжденія, что всякое дробленіе ослабляетъ Германію, отнимая у нея чувство національности и препятствуя лучшему управленію въ матеріальномъ отношеніи“.

Между тѣмъ замѣна русскаго генералъ-губернатора въ Саксоніи—прусскимъ, прокламаціи и рѣчи ихъ обоихъ и въ особенности перваго, составленныя въ духѣ полнаго присоединенія, казались захватомъ власти. Это возбудило со стороны оппозиціонныхъ державъ Пруссіи и Россіи многочисленные протесты, встрѣтившіе сочувствіе даже въ англійскомъ парламентѣ. Пруссія должна была, наконецъ, отказаться отъ своихъ притязаній и удовольствоваться лишь частью Саксоніи. Тогда же возникъ вопросъ объ отдачѣ Фридриху Августу рейнскихъ провинцій, но не трудно угадать, что Австрія и Англія воспротивились этому предложенію. Первая находила, что прусско-саксонская монархія была бы слишкомъ велика и грозна, а все стремленіе второй сводилось къ тому, чтобы окружить Францію возможно сильными государствами [1]). Только поэтому Бельгія была соединена съ Голландіей, а Генуя отдана Сардиніи, вопреки торжественнымъ обѣ-

---

[1]) Здѣсь я повторяю только общее мнѣніе, которое господствовало въ Вѣнѣ во время конгресса. Въ пятомъ томѣ „Исторіи Консульства и Имперіи“ Тьеръ доказываетъ, что эта мысль была подана Петербургскимъ кабинетомъ еще въ 1804 г., такъ что первенство въ этомъ отношеніи принадлежало можетъ быть и не Англіи. Тѣмъ не менѣе, переговоры по поводу рейнскихъ провинцій достаточно доказываютъ, что Англія дѣйствовала въ этомъ смыслѣ настойчивѣе всѣхъ другихъ. Несомнѣнно также, что Россія въ это время показала себя гораздо менѣе враждебной къ Франціи, чѣмъ Англія.

щаніямъ. Многіе удивлялись, что министерство Людовика XVII соглашалось въ этомъ съ Англіей и Австріей, въ то время какъ для Франціи несомнѣнно выгоднѣе было имѣть на Рейнѣ государство третьяго разряда, чѣмъ германскую провинцію перваго разряда; но они дѣйствовали исключительно въ личныхъ интересахъ Саксонскаго короля. Что же касается жителей рейнскихъ провинцій, то, по обыкновенію конгрессовъ, ихъ интересы такъ же, какъ и саксонцевъ, не упоминались ни при переговорахъ, ни при окончательномъ раздѣлѣ.

Другое обстоятельство, не повлекшее правда раздора между союзными державами, но возбудившее многочисленные переговоры—была Польша. Вопросъ былъ не въ новомъ раздѣлѣ этой несчастной страны, такъ какъ фактически герцогство варшавское было уже присоединено къ Россіи, но въ выясненіи ея отношенія къ Россіи.

Много говорилось и писалось на эту тему. Утверждали, что дарованіе конституціи Александромъ этому королевству произошло подъ вліяніемъ Англіи и другихъ державъ. Пренія въ англійскомъ парламентѣ, пожалуй, могли заставить вѣрить, что англійскіе уполномоченные, въ самомъ дѣлѣ, горячо отстаивали интересы поляковъ, ихъ независимость и конституціонную свободу, однако все сдѣланное для Польши было сдѣлано Александромъ, и если онъ встрѣчалъ оппозицію со стороны другихъ государствъ, то она была далеко не въ пользу поляковъ. Александръ явился на конгрессъ съ твердымъ рѣшеніемъ относительно Польши, но тамъ, вмѣсто сочувствія, онъ встрѣчалъ своимъ планамъ только оппозицію. Австрія и Пруссія съ неудовольствіемъ смотрѣли на королевскій титулъ, возстановленный въ Польшѣ, и на представительный образъ правленія, данный этому королевству. Вообще, всѣ, не исключая и Англіи, скорѣе желали, чтобы Польша была присоединена къ Россіи, и даже собственные министры Александра и самые близкіе его совѣтники, за исключеніемъ князя Адама Чарторижскаго, не раздѣляли его мыслей по этому поводу. Между ними двое представили императору даже свои записки; это были Штейнъ и Потцо-ди-Борго. Послѣдній разсматривалъ вопросъ скорѣе въ дипломатическомъ, чѣмъ политическомъ, отношеніи. Онъ указывалъ на неудобства королевства, заключавшаго лишь часть прежней монархіи, безпокойство, которое оно могло причинить сосѣднимъ государствамъ, владѣвшимъ также частями Польши. Здѣсь же онъ обращалъ вниманіе государя на горячее и непреодолимое чувство національности поляковъ, пробужденное и поддерживаемое возстановленіемъ Польши, которое могло угрожать не только Пруссіи и Австріи, но и Россіи, при первой же войнѣ. Потцо предлагалъ простое присоединеніе королевства къ Россіи.

Штейнъ въ своей замѣткѣ, полной логики и практическаго

смысла, перечислялъ тѣ же неудобства, однако не предлагалъ полнаго присоединенія королевства къ Россіи. Онъ хотѣлъ для Польши отдѣльнаго правительства и главнымъ образомъ муниципальныхъ учрежденій, въ то же время онъ хорошо понималъ, что зданіе, возведенное императоромъ безъ прочнаго основанія, угрожало обрушиться при малѣйшемъ толчкѣ. Отказывая полякамъ въ конституціи, онъ надѣялся укрѣпить за ними тѣ преимущества, которыя можно было извлечь изъ ихъ положенія. Учрежденіе провинціальныхъ штатовъ могло быть, по его словамъ, полезно для страны, лишенной общей конституціи: примѣръ Пруссіи доказывалъ это.

„Россія требуетъ, говорилъ Штейнъ, во-1-хъ, границы въ Польшѣ, которая угрожала бы Австріи и Пруссіи; во-2-хъ, согласія союзниковъ на конституцію для Польши, я нахожу, чтобы даровали русскимъ полякамъ учрежденія, обезпечивающія ихъ участіе во внутреннемъ управленіи, гарантирующія ихъ отъ притѣсненій и злоупотребленій и поддерживающія народный духъ. Учрежденіе „провинціальныхъ штатовъ“ гарантируетъ полякамъ свободу ихъ личности, имущества, участіе во внутреннемъ управленіи и развиваетъ ихъ моральныя и интеллектуальныя способности. Преимуществами конституціи они должны пожертвовать на благо Европы, изъ благодарности къ союзникамъ-освободителямъ, какъ возмездіе за трехсотлѣтнюю анархію, развратъ высшихъ и угнетеніе низшихъ классовъ населенія“... Почти въ то же время Ланской, бывшій тогда генер.-губерн. въ Варшавѣ, подалъ императору третью записку, гдѣ старался убѣдить Александра, что поляки „неспособны даже понять великихъ установленій безсмертной Екатерины“. Отсюда видно, что онъ считалъ поляковъ недостойными управляться даже тѣмъ „дивнымъ“ порядкомъ, который существовалъ въ Россіи!

Въ 1831 г. вспомнили о запискѣ Потцо и превозносили проницательность его ума и справедливость его предсказаній. „Онъ предсказалъ“ или „я это предсказывалъ“ слышалось постоянно. Мнѣ казалось бы, что честному человѣку упоминаніе о подобномъ предсказаніи должно внушать отвращеніе: несомнѣнно, что отдѣляя польское королевство отъ Россіи и давая ему представительный образъ правленія, Александръ совершалъ необыкновенный поступокъ, и въ данномъ случаѣ не требовалось быть великимъ пророкомъ, чтобы предсказать вѣроятныя опасности.

Но въ человѣческомъ сердцѣ есть, кромѣ личнаго интереса и страха, и нѣчто другое. Горе тѣмъ, которые этого не чувствуютъ. Ни ихъ проницательность, ни острый умъ, ни даже геній никогда не замѣнятъ отсутствія благородныхъ чувствъ. Поступокъ Александра пробуждалъ надежды не только поляковъ и русскихъ, но также и у всего человѣчества:—

міръ увидѣлъ въ первый разъ завоевателя, дающаго побѣжденнымъ право, вмѣсто цѣпей. Вы, экспериментальные и утилитарные политики, я знаю, сожалѣете объ этомъ великодушіи Александра. Неужели вы не чувствуете, сколько было прекраснаго, благороднаго, истинно полезнаго въ этомъ преклоненіи абсолютной власти передъ святостью правъ и достоинства человѣка? Неужели вы не цѣните очевидныя и существенныя преимущества, которыя принесло образованіе польскаго королевства? Польскіе представители не могли касаться только политическихъ вопросовъ, зато въ сферѣ гражданскихъ и экономическихъ интересовъ они дѣйствовали вполнѣ независимо, они улучшили управленіе, упорядочили финансы и правосудіе, содѣйствовали успѣхамъ промышленности, торговли и народнаго образованія. Могли ли они сдѣлать то же самое подъ управленіемъ, которое вы имъ предлагали?

Среди переговоровъ, сплетенъ и всевозможныхъ интригъ, церемоній, праздниковъ и танцевъ, какъ бомбой поразило конгрессъ извѣстіе о высадкѣ Наполеона во Франціи. Безъ него нельзя было бы предвидѣть, когда и чѣмъ кончитъ свои работы это собраніе; главные вопросы были еще далеки отъ окончанія; было рѣшено только присоединеніе Генуи къ Пьемонту [1])—дѣло важное, начало блистательное!

Несмотря на всю свою исключительность, высадка Наполеона не всѣхъ изумила одинаково. Дѣло въ томъ, что многіе политическіе пророки, и между ними знаменитый Коцебу, настойчиво указывали на опасности для Бурбоновъ и всей Европы, могущія произойти отъ близости острова Эльбы къ Франціи. Конгрессъ также былъ озабоченъ этимъ обстоятельствомъ [2]).

Александръ дѣятельно началъ приготовляться къ новой войнѣ. Сообщеніе Наполеона о союзѣ, заключенномъ Англіей, Австріей и Франціей противъ Россіи и Пруссіи, не поколебало его ни на одно мгновеніе [3]). Русскія войска, не вернувшіяся еще въ Россію, получили приказъ снова итти во Францію. Пруссаки проявили такой же пылъ, какъ въ 1813 г. Въ

---

[1]) Вспоминая роль Генуи во время войны между Франціей и Австріей въ Италіи и желая предупредить повтореніе подобнаго случая, поставили знаменитую республику подъ иго абсолютной монархіи, не имѣвшей никакого права и никакихъ притязаній на это маленькое государство. Отъ этого болѣе всего пострадалъ въ торговомъ отношеніи англійскій народъ; а между тѣмъ англійскій уполномоченный болѣе всего способствовалъ этой нелѣпой и возмутительной несправедливости.

[2]) Я слышалъ не разъ объ островѣ Св. Елены еще прежде, чѣмъ Наполеонъ покинулъ Эльбу. Бывшій императоръ не безъ основанія упрекалъ союзныя державы въ желаніи сослать его подальше отъ Европы, на какой-нибудь островъ каркаго пояса.

[3]) Впрочемъ, кажется, что этотъ договоръ былъ раньше извѣстенъ и Пруссіи, и Россіи.

виду приготовленій къ новой кампаніи конгрессу необходимо было во что бы то ни стало закончить свои дѣла. Тогда-то и рѣшилась участь Варшавскаго королевства, а провинціямъ прежней Польши, существующимъ и теперь отдѣльно отъ нея, были обѣщаны національныя и либеральныя учрежденія. Тутъ же экспромтомъ было создано королевство Ломбардо-Венеціанское и не вернись Наполеонъ, прежнія австрійскія владѣнія въ Италіи едва ли бы сохранили насмѣшливое прозвище „королевства“.

За упраздненіемъ Центральнаго департамента возникъ вопросъ объ управленіи нѣкоторыхъ странъ. Три великія державы рѣшили, каждая отъ себя, назначать генералъ-губернаторовъ въ области, занятыя войсками каждой державы. Барклай-де-Толли желалъ, чтобы управленіе страной, занятой русскими войсками, было поручено, главному интенданту арміи, находящемуся подъ его вѣдѣніемъ. Послѣ неудачи онъ очень разсердился на Алопеуса; его злоба еще болѣе увеличилась, когда, увидавъ у австрійцевъ министра армій [1]), онъ имѣлъ ребяческую глупость просить для себя того же самаго званія.

Нужно было думать о новыхъ средствахъ продовольствія для русской арміи въ Германіи, такъ какъ источники прошлой войны, — усиленныя реквизиціи, взиманіе налоговъ и всякаго рода контрибуцій — не были болѣе возможными; съ другой стороны, при закупкѣ запасовъ по настоящей цѣнѣ Россія должна была бы заключить громадный заемъ, отъ котораго она едва ли когда-нибудь освободилась бы. Русское правительство, небогатое деньгами, могло покрыть расходы огромныхъ армій за долгое время войны, только питаясь отъ войны же. Однако, было ясно, что Россія ведетъ войну не только въ своихъ личныхъ интересахъ, но и за интересы Германіи. Въ виду этого Штейнъ предложилъ назначить умѣренную таксу на запасы, доставляемые странами, по которымъ проходили русскія войска—она была въ три или четыре раза ниже дѣйствительной. Благодаря этой разумной мѣрѣ, ликвидація дѣлъ Россіи съ германскими государствами послѣ всеобщаго мира не представляла никакихъ затрудненій, и послѣднимъ не пришлось долго ждать уплаты.

---

[1]) Этотъ титулъ у австрійцевъ соотвѣтствуетъ титулу главнаго интенданта.

ГЛАВА V.

Событіе 1815 г. Священный Союзъ.

Во время своего пребыванія въ Нанси при новомъ генералъ-губернаторѣ я былъ постоянно занятъ главнымъ образомъ перепиской съ военнымъ начальствомъ и договорами о различныхъ запасахъ для нашихъ войскъ. Послѣднее я взялъ на себя, только уступая настоятельнымъ просьбамъ генералъ-губернатора. Несмотря на всѣ усилія, я не могъ помѣшать взяточничеству чиновниковъ интендантства.

Русскіе солдаты относились къ французамъ гораздо лучше, чѣмъ нѣмецкіе. Проходя черезъ Нанси и его окрестности, прусскія и баварскія войска произвели массу безпорядковъ и вызвали не мало жалобъ со стороны жителей. Русская же администрація при помощи своей полиціи старалась предотвращать подобныя вещи. Впрочемъ, жестокость пруссаковъ легко объясняется чувствомъ мести къ французамъ за долгое униженіе, которое они испытывали. Наглость баварцевъ тоже понятна: друзья, ставшіе врагами, особенно страшно проявляютъ свою ненависть, какъ ренегаты дѣлаются заклятыми врагами своихъ собратьевъ по вѣрѣ. У русскихъ же этихъ оправданій не было, къ тому же русскій солдатъ, привыкшій ко всякаго рода лишеніямъ и жестокимъ униженіямъ [1]), былъ очень чутокъ къ малѣйшей вѣжливости, къ знаку доброты или радушія. Со стороны же жителей онъ здѣсь встрѣчалъ почти всегда хорошій пріемъ, его часто даже приглашали къ семейному столу, называли „monsieur“, и это ему доставляло большое удовольствіе. Не разъ я слышалъ отъ гражданъ Нанси, что они смотрѣли на нашихъ солдатъ, какъ на дѣтей! Солдатамъ безгранично довѣряли, оставляя даже ключи отъ домовъ, поручая присмотрѣть за дѣтьми, и они охотно помогали въ домашнихъ работахъ; такъ что, когда въ Нанси распространился слухъ о замѣнѣ русскихъ баварцами, жители соглашались скорѣе принять къ себѣ десять русскихъ, чѣмъ одного баварца. Конечно, были и исключенія, но очень

---

[1]) Я видѣлъ примѣръ необычайнаго терпѣнія русскаго солдата—результатъ той гнусной военной дисциплины, которая своей жестокостью превращаетъ людей въ безсмысленныхъ животныхъ. Придя однажды утромъ въ свой кабинетъ, я нашелъ тамъ солдата, котораго видѣлъ и наканунѣ. Воинственное и честное его лицо привлекло мое вниманіе и я спросилъ его, завтракалъ ли онъ.—„Никакъ нѣтъ!“ отвѣчалъ онъ такъ, какъ бы отрапортовалъ своему офицеру. „Но съ какого же времени вы здѣсь находитесь?“ — „Со вчерашняго утра“ — „Ужинали ли вы вчера?“ — „Нѣтъ!“ — „Обѣдали ли вы?“—„Нѣтъ!“—„Завтракали ли вы вчера?“—„Да, уходя изъ казармы“. Итакъ, этотъ человѣкъ не ѣлъ ничего въ продолженіе 24 часовъ, и никакого ропота, ни тѣни неудовольствія въ голосѣ! Весь караулъ ничего не ѣлъ, но, какъ и онъ, никто ничего не говорилъ.

рѣдко и къ тому же чаще въ средѣ офицеровъ, чѣмъ солдатъ. Въ нашей арміи находилось нѣсколько бывшихъ французскихъ эмигрантовъ; они еще болѣе отличались своими жестокостями, такъ какъ думали, что лотарингцы не одабриваютъ реставраціи; они близко принимали къ сердцу политическія мнѣнія населенія, тогда какъ русскіе объ этомъ не заботились. Даже генералъ Ланжеронъ, человѣкъ добрый и просвѣщенный, отправилъ изъ окрестностей Меца, гдѣ онъ командовалъ, полныя телѣги предполагаемыхъ заговорщиковъ. И русскіе имѣли основаніе смѣяться надъ тѣми преслѣдованіями, которыя подняли французы, вернувшіеся на родину, противъ соотечественниковъ.

Видъ Парижа въ 1815 г. былъ совершенно иной, чѣмъ въ 1814 г. Радостное возбужденіе, наблюдавшееся тогда, было неестественно, лихорадочно и, по правдѣ сказать, болѣе чѣмъ смѣшно своей преувеличенностью; теперь все было печально, угрюмо, молчаливо. Роялисты не могли болѣе утверждать, какъ въ 1814 г., что Бурбоны были призваны Франціей, и титулъ „желанный“, присоединенный къ имени Людовика XVIII, замѣнили титуломъ „неизбѣжный“ [1]). Къ тому же правительство задумало объ отмщеніи столь же дикомъ, сколь безполезномъ. Съ своей стороны союзники рѣшили дѣйствовать суровѣе, чѣмъ въ первый разъ.

---

[1]) О положеніи возстановленныхъ Бурбоновъ кн. С. Волконскій слѣдующее пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ; онъ начинаетъ объ ополченіи и говоритъ: „Но какъ въ настоящемъ случаѣ это странное войско предназначалось для защиты, то со всѣхъ сторонъ Франціи наплывали эти престарѣлыя чучела, по виду прямые донкихоты, которыхъ народъ не иначе называлъ, какъ Волтижеры Людовика XV, и, чтобъ показать свое рвеніе, они спѣшили возсѣсть на коней, при чемъ тутъ не было соблюдаемо ни ранжира, ни пригонки стремянъ, однимъ словомъ, это было не войско, а Богъ вѣсть, что за комическій сбродъ. Но коекакъ они выстроились, наконецъ; Людовикъ XVIII объѣхалъ ихъ, сидя въ каретѣ, и потомъ проѣхалъ мимо народа, скопившагося на Марсовомъ полѣ. Народъ принялъ его молчаливо и равнодушно, и только мы съ Кривцовымъ весьма неосторожно закричали: „Vive le roi!“, полагая, что звуки нашего возгласа сольются съ возгласами народа, но наши два голоса одиноко раздались, что насъ поставило въ затруднительное положеніе и заставило поспѣшно убраться.

Въ этотъ день была отъ короля прокламація: Что онъ готовъ пасть подъ развалинами Парижа, защищая его отъ узурпатора, и призываетъ всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ быть готовыми къ защитѣ трона и алтаря. Но этимъ лишь маскировалось настоящее намѣреніе къ побѣгу, и, хотя было объявленіе, что 18-го марта будетъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ un lever royal, съ ночи 18-го на 19-е, сколько упомню, король и вся королевская фамилія, въ сопровожденіи этой почетной гвардіи и нѣкоторыхъ войскъ, оставшихся вѣрными королю, направили путь на Lille къ границамъ Бельгіи.

Война 1815 г. кончилась безъ содѣйствія русской арміи и, когда Александръ I прибылъ въ Парижъ, Блюхеръ и Веллингтонъ уже заняли этотъ городъ. И теперь царь защищалъ французовъ отъ злопамятства союзниковъ. Онъ находилъ, что областная оккупація, взятіе произведеній музея и наложенная контрибуція были уже достаточнымъ возмездіемъ для Франціи.

Едва ли, впрочемъ, существовалъ когда-нибудь вопросъ о раздѣлѣ Франціи; желали, конечно, сдѣлать ее болѣе слабой, говорили объ отдѣленіи отъ нея бывшихъ нѣмецкихъ провинцій и присоединить ихъ къ Австріи, но послѣдняя, кажется, не стремилась къ этому пріобрѣтенію. Прусскій же канцлеръ даже имѣлъ при себѣ бывшаго профессора статистики для черченія картъ и обозначенія на нихъ измѣненій во французскихъ владѣніяхъ. Мнѣніе Александра поддерживали на этотъ разъ и его генералы, находя, что чрезмѣрное ослабленіе Франціи не въ интересахъ самой Россіи.

Однако достойно сожалѣнія, что русскій императоръ, защищая интересы своей страны, не вступился за тѣхъ, которыхъ Реставрація преслѣдовала и гнала. Спасти маршала Нея отъ мести Бурбоновъ было бы благородно со стороны Александра, это было даже его долгомъ. Реставрированное правительство всѣми силами старалось „показать примѣръ“, какъ говорили тогда, т.-е. оно хотѣло крови, какъ будто бы недостаточно ея было пролито ради этого съ начала революціи; и союзники

Это было суточное междуцарствіе, хотя таковымъ его нельзя назвать, потому что силою обстоятельствъ все уже приняло прежній имперскій бытъ, и все уже совершенно измѣнилось съ пріѣздомъ просто на почтовыхъ съ малымъ конвоемъ Наполеона 20-го марта. Я цѣлый день на площади Карусель ждалъ его проѣзда изъ любопытства, но, какъ смерклось, удалился изъ глупой какой-то осторожности, полагая, что можетъ быть народный бунтъ, но потомъ мнѣ разсказывали, что, при пріѣздѣ въ Тюльери, Наполеонъ былъ вынесенъ и внесенъ на рукахъ при громогласныхъ восклицаніяхъ во дворецъ.

Я потомъ не разъ ходилъ къ Тюльерійскому дворцу, передъ которымъ ежедневно толпился народъ, и какъ парижскіе мальчики умѣютъ изъ всего вынести себѣ барышъ, то вспоминаю ихъ тогдашнія продѣлки, и вотъ что я слышалъ собственными ушами: „Кто хочетъ видѣть, императора! Императоръ за три копейки!“ и ихъ крикъ: „да здравствуетъ король, да здравствуетъ Бертранъ!“ Они до тѣхъ поръ не переставали кричать, пока Наполеонъ не выходилъ на балконъ. Такъ какъ крики этихъ gamins сливались съ восторженными криками народа, то Наполеонъ выходилъ на балконъ и всегда въ сопровожденіи Бертрана, этого преданнаго друга, оставшагося вѣрнымъ ему и въ безславіи Эльбы, и потомъ—въ жестокомъ изгнаніи на островѣ святой Елены. Я ежедневно и по нѣсколько разъ ходилъ передъ Тюльери и всегда видѣлъ тотъ же народный восторгъ и передъ дворцомъ, и во всѣхъ общественныхъ сходкахъ.

позволили ему доставить себѣ это жестокое удовлетвореніе. Однако нелѣпо обвинять ихъ, какъ это дѣлали, въ томъ, что они вызвали бывшія казни; они были виноваты только въ преступномъ нейтралитетѣ.

Процессъ маршала Нея достаточно доказалъ, что для реставрированнаго правительства не было никакой надобности преслѣдовать свои жертвы, но партійный духъ и политическая ненависть были такъ сильны, что во время процесса старые пэры приходили въ ярость при малѣйшемъ независимомъ словѣ какого-нибудь свидѣтеля. Маршалъ Даву, призванный для показаній, чувствовалъ себя одинокимъ въ салонахъ Люксембурга; его сторонились даже маршалы. Поэтому особенно трогательнымъ казался поступокъ адъютанта Александра, который подошелъ къ маршалу и разговаривалъ съ нимъ. Я вспоминаю теперь съ какой поспѣшностью главный начальникъ полиціи прошелъ послѣ совѣщанія черезъ залъ, гдѣ всѣ ожидали постановленія пэровъ. По его поспѣшности можно было подумать, что онъ шелъ объявить семейству Нея о его оправданіи... тогда какъ онъ бѣжалъ сообщить королю объ осужденіи маршала. Но самое грустное впечатлѣніе произвелъ на меня видъ герцога Ришелье, котораго я считалъ за честнаго человѣка: во время процесса онъ спокойно разговаривалъ съ окружавшими его. Этимъ процессомъ Веллингтонъ омрачилъ свою славу, какъ въ свое время запятналъ себя Нельсонъ. Но онъ нашелъ по крайней мѣрѣ, искусное перо, которое сняло пятно съ его памяти; герцогъ же Веллингтонъ еще ждетъ своего защитника и его не легко найти, хотя, вѣроятно, онъ и не заботится даже объ этомъ. Къ чести высшихъ англійскихъ офицеровъ я долженъ сказать, что я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, сэръ Р. Вильсонъ, разсказывалъ, что онъ былъ выбранъ находившимися въ Парижѣ соотечественниками для выраженія англійскому посланнику протеста по поводу процесса. Отъ ихъ имени онъ заявилъ, что послѣ нарушенія договора между герцогомъ Веллингтономъ и маршаломъ Даву нельзя имѣть ни малѣйшаго довѣрія къ договорамъ, заключаемымъ англійскими генералами. Этотъ благородный поступокъ однако остался безъ послѣдствій [1]).

---

[1]) Объ этомъ же Волконскій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ:

„Политическій бытъ Парижа уже былъ не тотъ, что при занятіи этой столицы союзными войсками въ 1814 г. Занятый англичанами и пруссаками до прибытія Императора Александра, Парижъ уже не пользовался тѣмъ попечительнымъ охраненіемъ, какъ при первомъ его занятіи. Спесь и народное нерасположеніе англичанъ, заносчивость и мстительность пруссаковъ явно высказывались во всемъ и вслѣдствіе этого Парижъ имѣлъ видъ города, находящагося въ осадномъ положеніи, хотя вмѣстѣ съ этими войсками воротились и Бурбоны. Всякая мѣстная власть была подчинена прусскому или англійскому надзору, а

болѣе всего прусскому, какъ я уже сказалъ, мстительному. Постоянные патрули, постоянныя мѣры военной предосторожности страшно обременяли французовъ, и только съ прибытіемъ Александра ихъ тяжелое положеніе стало немного легче.

„Первое оскорбленіе, нанесенное народной гордости — это было снятіе съ воротъ рѣшетки Тюльерійскаго дворца извѣстной колесницы, снятой Наполеономъ въ Берлинѣ съ воротъ Бранденбургскихъ, и въ тотъ же день вынесеніе изъ галлереи Лувра всѣхъ тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя были похищены, не спорю, изъ разныхъ мѣстъ Европы при завоеваніи французскими войсками мѣстностей въ теченіе почти четверти вѣка. Конечно, это была плата такою же монетою, но признаніе важности въ художественномъ отношеніи и для пользы науки сосредоточеніе этихъ образцовыхъ произведеній въ одномъ храмѣ художествъ, можно сказать, европейскомъ, должно бы было имѣть перевѣсъ, и великодушіе было бы благороднѣе мстительности, какъ это и было благородно защищаемо въ принципѣ Императоромъ Александромъ въ 1814 г. Мѣра эта, оскорбляющая народную гордость, не могла быть принята безъ военныхъ предосторожностей, что доказываетъ насильственность оной. Всѣ площади и улицы, прилегающія къ Тюльери и Лувру, были заняты прусскими войсками и артиллеріей, готовыми къ бою. Я изъ любопытства присутствовалъ при этой, не могу не высказать, печальной для искусства, погребальной церемоніи, и видѣлъ, какъ, подобно гробовому выносу, исторгались изъ храма искусства европейскаго эти образцовыя произведенія для отправленія въ какой-либо закоульный монастырь, часто недоступный входу художника, или къ какому-либо ненавистному герцогу Моденскому, къ этому злодѣю, къ которому не только итальянецъ, но и всякій честный человѣкъ почтетъ для себя стыдомъ вступить.

„Другое политическое событіе, котораго я былъ свидѣтелемъ, — это судъ Лабедойера. При высадкѣ Наполеона съ острова Эльбы на материкъ Франціи, полковникъ Лабедойеръ, квартирующій съ командируемымъ имъ полкомъ, имѣлъ мѣстопребываніе въ г. Греноблѣ. На пути Наполеона изъ Канна, Гренобль былъ первый городъ, а полкъ Лабедойера—первое встрѣтившееся ему стройное войско. При видѣ бывшаго императора, ихъ вождя, по всей Европѣ водившаго ихъ отъ побѣдъ къ побѣдамъ, полкъ и полковникъ, бывшій прежде при императорской адъютантомъ Наполеона, не только не воспротивились шествію императора, но съ восклицаніемъ: „да здравствуетъ императоръ!“ перешли на его сторону. Конечно, этотъ фактъ, при паденіи Наполеоновскаго предпріятія, вслѣдствіе Ватерло, былъ поставленъ въ вину Лабедойеру, но эту вину онъ дѣлилъ со всею Франціей, принявшей съ восторгомъ Наполеона.

„Съ возвращеніемъ Бурбоновъ началось преслѣдованіе бонапартистовъ, и въ числѣ лицъ, подлежащихъ суду за измѣну, былъ и Лабедойеръ. Не успѣвъ укрыться за границу, онъ былъ схваченъ и привезенъ подъ стражей въ Парижъ, и надъ нимъ былъ назначенъ военный уголовный судъ.

„Любопытство къ предстоящему пренію завлекло меня присутствовать при этомъ судномъ дѣлѣ и, забравшись довольно рано, я имѣлъ возможность занять мѣсто посрединѣ первой скамьи для присутству-

ющихъ, такъ что по вводѣ подсудимаго я сидѣлъ прямо за нимъ. Въ мѣстахъ для почетныхъ лицъ сидѣли, сколько упомню, между многими другими — генералъ-адъютанты Ожаровскій и Чернышевъ. Вхожу въ эти подробности, какъ имѣющія значеніе по отношенію ко мнѣ. Докладчикъ по суду прочелъ актъ подсудимости, были выслушаны свидѣтели противъ и за подсудимаго; въ числѣ первыхъ, бригадный командиръ, генералъ, фамиліи котораго не упомню, высказывалъ факты противъ Лабедойера, не опирающіеся на положительныя данныя, и какъ-то невольно у меня вырвался во всеуслышаніе возгласъ: „Это неясно, это неясно!“, а какъ всякая манифестація во время суда воспрещена, то мой возгласъ невольно обратилъ на меня вниманіе всѣхъ присутствующихъ. По закону президентъ суда имѣлъ право велѣть меня вывести, но, не знаю почему, онъ этого не сдѣлалъ; однако, мнѣ это не сошло безнаказанно съ рукъ отъ Императора Александра, которому, вѣроятно, или Ожаровскій, или Чернышевъ о томъ донесли, о чемъ сообщу послѣ, чтобъ не прерывать повѣствованія о судѣ и приговорѣ. Послѣ докладчика отъ короны говорилъ адвокатъ Лабедойера съ большой теплотой и чувствомъ, и когда ему возразили, что Лабедойеръ *измѣнникъ*, то благородный юноша прервалъ рѣчь защищавшаго его адвоката, сказавъ: „Нѣтъ, я не измѣнникъ, я могъ ошибаться въ своихъ воззрѣніяхъ насчетъ счастія моей родины, но я не измѣнникъ: и теперь, ожидая себѣ неминуемаго приговора смертной казни, я одного желаю, чтобъ мои еще малолѣтнія дѣти не носили укора, что ихъ отецъ былъ измѣнникъ своего и ихъ отечества“.

„Смертная казнь была провозглашена, и я, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого грустнаго обстоятельства, поспѣшилъ къ сестрѣ моей, кн. С. Г. Волконской, и къ женѣ брата моего, Зинаидѣ Волконской, имѣвшимъ доступъ къ герцогинѣ Ангулемской, чтобъ склонить ихъ ходатайствовать о помилованіи Лабедойера, и таковое же ходатайство искалъ у многихъ значительныхъ лицъ. Но всѣ эти попытки не принесли никакой пользы: на другой день Лабедойеръ былъ разстрѣлянъ. Но, хотя въ совѣсти, я и сестры мои можемъ сказать, что мы исполнили свой долгъ.

„Я упоминалъ, что мой возгласъ не остался ненаказаннымъ. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ и, кромѣ того, получивъ въ оригиналѣ всѣ письма моихъ сестеръ, доставленныя ему отъ лицъ, которымъ были адресованы, поручилъ князю Петру Михайловичу Волконскому выразить мнѣ свое негодованіе за то, что я не только себя но и сестеръ увлекъ къ недолжнымъ дѣйствіямъ, и передать мнѣ чтобъ я пересталъ вмѣшиваться въ дѣла Франціи, а обратился бы к Россіи. Исполнилъ ли я это его предназначеніе мнѣ, это будетъ видн въ концѣ моего повѣствованія. Настроеніе умовъ во Франціи въ э время было противное Бурбонамъ. Преслѣдованія всѣхъ защитнико строя имперіи, которые были только представителями общаго поры массы народной, страшно ожесточили народъ. Во главѣ тѣхъ, котор подверглись преслѣдованію, были Лавалетъ и фельдмаршалъ Ней, и полагаю не лишнимъ сообщить нѣчто объ этихъ двухъ личностяхъ.

„Лавалетъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Онъ былъ время этихъ двухъ имперій главнымъ директоромъ почтоваго упра

нія и, конечно, разными мѣрами по своему вѣдомству способствовалъ водворенію новаго порядка при возстановленіи второй имперіи, провозгласивъ по всему пространству Франціи воцареніе новаго правительства. Онъ въ промежутокъ времени съ отъѣзда Бурбоновъ и до въѣзда Наполеона, то-есть въ промежутокъ трехъ-дневный „по своей собственной иниціативѣ“, провозгласилъ воцареніе Наполеона и въ день отъѣзда короля и королевской фамиліи водрузилъ на Тюльерійскомъ дворцѣ императорскій флагъ, столь обожаемый, вопреки всѣмъ увѣреніямъ. Вслѣдствіе паденія имперіи, онъ, конечно, въ глазахъ новаго правительства являлся не гражданиномъ, любящимъ свою родину, а преступникомъ по отношенію къ вновь возстановленному нынѣ порядку, возведенному штыками союзныхъ армій. Онъ былъ посаженъ въ тюрьму и назначенъ былъ надъ нимъ судъ военный; но при содѣйствіи двухъ англичанъ—сэра Роберта Вильсона и Брюса, и съ помощью своей жены, онъ былъ исторгнутъ изъ тюрьмы и вывезенъ въ Бельгію и тѣмъ спасенъ отъ приговора къ смертной казни. Всѣ обстоятельства этого подробно объяснены въ современныхъ этому дѣлу извѣстіяхъ. Честь и слава двумъ англичанамъ и самоотверженному, заслуживающему высокаго уваженія, поступку г-жи Лавалетъ.

„Ней не былъ столь счастливъ, хотя онъ и успѣлъ выѣхать изъ Франціи въ Швейцарію. Какъ-то тайкомъ онъ опять въѣхалъ въ предѣлы Франціи для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ, былъ узнанъ, схваченъ, привезенъ въ Парижъ и преданъ, какъ членъ палаты пэровъ, уголовному суду. Приговоренъ былъ онъ къ смертной казни уже послѣ отъѣзда моего изъ Франціи; все это подробно описано въ современныхъ изданіяхъ. Приговорили къ смертной казни того, котораго Франція и армія величала названіемъ „храбрый изъ храбрыхъ“. Казнь этого знаменитаго по заслугамъ своимъ человѣка была непростительной ошибкой, отозвавшейся впослѣдствіи, обидѣвшей особенно армію. Нелишнимъ считаю напомнить послѣднія слова его во время суда надъ нимъ; когда адвокатъ, защищавшій его, хотѣлъ въ защиту вывести то, что онъ уже не французскій подданный, такъ какъ по рожденію своему происходитъ изъ Саарбрюкена, мѣстности, отошедшей изъ французскихъ владѣній, то онъ остановилъ своего адвоката, сказавъ ему: „я французъ и сумѣю умереть французомъ“. Невольно выскажу, что непонятно мнѣ, какъ нашлись французскіе солдаты, которые могли согласиться стрѣлять въ того, котораго вся Франція и армія называла le brave des braves, и который столь часто водилъ ихъ къ побѣдамъ; не порочитъ ли это то, что называютъ „слѣпымъ повиновеніемъ солдата“. При этомъ еще скажу, что хотя и взвалили на Нея, что онъ будто обѣщалъ привезти Наполеона въ клѣткѣ, но это ложный вымыселъ: онъ принялъ командованіе войскомъ, посланнымъ противъ Наполеона, при завѣреніи, что Наполеонъ не имѣетъ общей поддержки въ народѣ, въ арміи, чему противное оказалось; но, увидя противное, увлеченный общимъ порывомъ войскъ, подъ его начальство поступившихъ, онъ покорился необходимости. Ему оставалось или оставить врученное ему порученіе, или примкнуть къ общему желанію. Все это надо было принять въ соображеніе и тѣмъ умалить его вину. Онъ выбралъ долгъ гражданина; это необходимо было поставить ему нѣкоторымъ образомъ въ извиненіе, но нельзя не сказать, что проступокъ свой, если при-

Въ 1815 году былъ образованъ извѣстный Священный Союзъ, который столь сильно занималъ умы и про который думали, что это союзъ королей противъ народовъ [1]). Нерѣдко торжественныя и важныя формы, за которыми скрываются ничтожныя вещи, заставляютъ людей предполагать въ нихъ тайное значеніе и строить всякія догадки объ ихъ цѣли, въ результатѣ чего они начинаютъ вѣрить въ существованіе фантомовъ, созданныхъ ихъ воображеніемъ.

Такъ случилось и со Священнымъ Союзомъ; въ немъ видѣли союзъ правителей государствъ между собою, и поэтому предполагали, что онъ направленъ противъ народовъ, на которыхъ короли смотрятъ всегда, какъ на своихъ естественныхъ враговъ, понимая, что они когда-нибудь отплатятъ тѣмъ же. Но королямъ, дѣйствующимъ только въ интересахъ своихъ коронъ, нѣтъ нужды тайно соединяться между собою; въ этомъ случаѣ они предпочитаютъ выражать свои чувства громко и открыто.

Впрочемъ Александръ не могъ тогда создавать союзы королей противъ народовъ. Извѣстно даже, что его новые союзники о Іисусѣ Христѣ не видѣли надобности въ предлагаемомъ имъ союзѣ и вступили въ него скорѣе изъ уваженія къ личности императора, чѣмъ изъ своихъ интересовъ, какъ монарховъ. Въ этомъ должна убѣдить книга г-жи Крюденеръ, которая первая поняла идею Священнаго Союза и написала его исторію, показавъ при этомъ до какой степени императоръ Александръ былъ впечатлителенъ [2]).

знать его таковымъ, онъ искупилъ замѣчательными словами послѣднихъ минутъ своей жизни. Въ числѣ лицъ, подвергнутыхъ преслѣдованію, былъ и Карно, чистый и неизмѣнный республиканецъ, тотъ, который управлялъ военнымъ министерствомъ, былъ изъ главныхъ дѣятелей организаціи арміи во время начала французской революціи, ознаменованной столькими побѣдами, тотъ, который всенародно отказался признавать первую имперію и примкнулъ къ имперіи второй при видѣ грозящаго ей наплыва арміи всей Европы. Какъ я слышалъ, онъ взятъ былъ Императоромъ Александромъ подъ личное свое покровительство и былъ только помѣщенъ въ число изгнанныхъ изъ Франціи". *Ред.*

[1]) Однако хорошо знавшіе характеръ и образъ мыслей Александра въ то время не придавали такого серьезнаго значенія его затѣѣ, въ основѣ которой лежало у него не религіозное побужденіе, а неясно сознанное желаніе. Н. Т.

[2]) Впослѣдствіи, прочитавъ сочиненіе Стурдза о „Происхожденіи Священнаго Союза", я увидѣлъ, что не ошибся, считая этотъ актъ мимолетнымъ желаніемъ императора. Въ русскомъ самодержцѣ все было непостоянно и скоропреходяще. Та самая г-жа Крюденеръ, съ которой онъ молился въ 1815 г., спустя нѣсколько лѣтъ была удалена по его приказанію изъ Петербурга и скоро умерла въ ссылкѣ въ Крыму и это несмотря на уваженіе императора и свое безобидное и безвредное поведеніе. Между тѣмъ ея проповѣдь не должна была вызывать преслѣдованія съ его стороны, потому что, говоря только по-французски, она не могла быть опасной для массъ Петербурга.

ГЛАВА VI.

Мое пребываніе въ Россіи съ 1816 по 1824 г. Состояніе умовъ въ Россіи въ эту эпоху. Либеральныя намѣренія Александра по отношенію къ Польшѣ и ихъ послѣдствія. Первая мысль объ основаніи тайнаго общества. Изданіе моей работы о теоріи налоговъ. Мое вступленіе въ тайное общество. Мое намѣреніе издать журналъ. Распаденіе общества въ Москвѣ. Мое положеніе въ Государственномъ Совѣтѣ. Мое поступленіе въ министерство финансовъ. Моя работа о гербовомъ налогѣ и регистраціи. Мой выходъ изъ министерства финансовъ. Мой переходъ въ городской комитетъ. Просьба объ отставкѣ. Мое мнѣніе о тайныхъ обществахъ той эпохи. Мой отъѣздъ изъ Петербурга.

Изъ Парижа я пріѣхалъ во Франкфуртъ, чтобы ликвидировать нѣкоторыя дѣла. Обязанностямъ моимъ приходилъ конецъ и я долженъ былъ подумать о будущемъ. До сихъ поръ я, не встрѣчая препятствій, шелъ по опредѣленію судьбы; теперь же необходимо было выбрать самому поприще для служенія отечеству. У меня не было причины совсѣмъ оставить службу, но я колебался, продолжать ли ее внѣ Россіи или вернуться туда. Долгая отлучка изъ Россіи по многимъ причинамъ затрудняла мое въ ней пребываніе, да и всѣ матеріальныя и моральныя соображенія заставляли меня предпочесть жизнь за границей. Моя семья, жившая въ Россіи, зная мои вкусы и мои мнѣнія, изъ расположенія ко мнѣ, не торопила возвращаться въ Петербургъ. Штейнъ, у котораго долгъ былъ всегда на первомъ планѣ, говорилъ мнѣ: „Оставайтесь съ нами, вамъ здѣсь будетъ лучше, чѣмъ въ вашей странѣ“. Но я никогда не взвѣшивалъ своихъ выгодъ или неудобствъ и, считая возвращеніе въ Россію своимъ долгомъ, уже принялъ рѣшеніе, въ которомъ меня не могли поколебать никакія непріятности, несправедливости и неудобства, ожидавшія меня на родинѣ. Думая теперь объ этомъ, я вижу, что самъ отказался отъ счастья, чтобы броситься въ объятія невзгодамъ, если можно такъ выразиться; однако, если бы пришлось, я и теперь опять принялъ бы то же рѣшеніе.

Я возвратился въ Россію въ концѣ 1816 г. Толчокъ, данный умамъ только что совершившимися событіями, или скорѣе волненіе, произведенное ими, были очевидны. Со времени возвращенія русскихъ войскъ либеральныя идеи усиленно распространялись въ Россіи. Кромѣ регулярныхъ войскъ, за границей была и масса ратниковъ изъ различныхъ слоевъ общества; въ переходѣ границы они распускались по домамъ и тамъ разсказывали видѣнное въ Европѣ; но сами событія дѣйствовали сильнѣе разсказовъ и были лучшей пропагандой. Это новое настроеніе умовъ проявилось главнымъ образомъ въ мѣстахъ

сосредоточенія военныхъ силъ и прежде всего въ Петербургѣ,—центрѣ событій, имѣвшемъ громадный гарнизонъ отборныхъ войскъ.

Въ деспотической странѣ, какъ Россія, гдѣ пресса задушена цензурой, судить объ общественномъ мнѣніи можно только изъ разговоровъ, знаній фактовъ или изъ рукописной литературы, которая была распространена во Франціи до 1789 г. въ формѣ новеллъ и пѣсенъ. Эта подпольная литература, замѣчательная по силѣ эпиграммъ и высотѣ политическаго вдохновенія, показывала господствующее направленіе умовъ въ Россіи. Эти небольшія произведенія, неизвѣстныя до тѣхъ поръ, вѣрно опредѣляютъ дни своего появленія, какъ эпоху полную надеждъ, здороваго смысла и размышленія. Легальная пресса также примкнула къ этому умственному движенію; въ ея серьезныхъ сочиненіяхъ разсматривались недоступные до сихъ поръ для публики предметы. Періодическая печать сильно интересовалась происходившимъ за границей и особенно во Франціи, гдѣ пытались создать новыя учрежденія [1]), такъ что имена ея знаменитыхъ публицистовъ были такъ же популярны въ Россіи, какъ и въ своемъ отечествѣ, и даже русскіе военные, позабывъ павшаго военнаго генія, вполнѣ освоились съ именами Бенжамена Констана и другихъ ораторовъ и писателей, руководившихъ тогда политическимъ воспитаніемъ европейскаго континента.

Люди, небывавшіе нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, по возвращеніи чрезвычайно удивлялись перемѣнамъ, происшедшимъ въ образѣ жизни, разговорахъ и дѣйствіяхъ молодежи этой столицы: казалось, она проснулась для того, чтобы зажить новой жизнью, чтобы воспринять въ себя все благородное и чистое изъ нравственной и политической области; свободой и смѣлостью своихъ выраженій привлекали вниманіе главнымъ образомъ гвардейскіе офицеры, мало заботившіеся о томъ, говорятъ ли они въ общественномъ мѣстѣ или въ салонѣ—передъ своими единомышленниками, или передъ врагами. О шпіонствѣ, которое въ то время было незначительно и почти незнакомо, никто и не думалъ. Правительство не шло въ разрѣзъ съ обществен-

---

[1]) Когда дѣлаютъ быстрые успѣхи, часто позабываютъ то, съ чего начали. Я уже хорошо зналъ политическія идеи Европы, когда публицисты, и въ особенности французскіе, начали политическое воспитаніе всѣхъ народовъ, за исключеніемъ Англіи. Множество вещей, ставшихъ теперь почти банальными, принципы, которые считаются теперь общими мѣстами, казались открытіями, а идеи и политическія ученія, провозглашенныя французской революціей особенно безсмертнымъ Констаномъ, казалось, совершенно изгладились въ памяти народовъ во время республиканскихъ и имперскихъ войнъ; одни только англичане оставались спокойными при видѣ чудесъ этого новаго интеллектуальнаго міра, открытаго континетальной Европой. Главная честь этой эпохи принадлежитъ Бенжамену Констану. Одаренный душой, пламенно стремившійся къ благу своихъ ближнихъ, своимъ рѣдкимъ талантомъ онъ болѣе всѣхъ сдѣлалъ для политическаго воспитанія не только Франціи, но и всей Европы.

нымъ мнѣніемъ, напротивъ, оно показывало, что ея симпаніи на сторонѣ здравомыслящей и просвѣщенной части населенія, доказательствомъ чему служитъ поведеніе Александра, который на открытіи сейма въ Варшавѣ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ высказалъ, что у него было намѣреніе даровать представительныя учрежденія также и Россіи [1]).

Между прочимъ небезынтересно сказать нѣсколько словъ о судьбѣ этихъ либеральныхъ пожеланій самодержца. Претендентами на постъ вице-короля вновь созданнаго королевства были—князь Адамъ Чарторижскій и одинъ изъ германскихъ государей, но въ концѣ концовъ его занялъ польскій генералъ. Но рядомъ съ вице-королемъ былъ государственный комиссаръ (М. Новосильцевъ), затѣмъ главнокомандующій польской арміи и русскихъ войскъ расположенныхъ въ Польшѣ—братъ императора, великій князь Константинъ. Если, по необходимости, конституція и уживалась съ комиссаромъ, то поладить съ главнокомандующимъ ей было слишкомъ трудно. Начальство такого рода и конституція не могутъ существовать рядомъ.

Созданіе польскаго королевства и особенно рѣчь на открытіи представительнаго собранія произвели въ Россіи извѣстную сенсацію [2]). Одни, оставляя самолюбіе и плохо понимаемое ими чув-

---

[1]) Вотъ выдержка изъ его рѣчи 15/27 марта 1818 г.: „Организація, которая была въ вашей странѣ, допустила непосредственное установленіе, которое я вамъ далъ. Осуществивъ на практикѣ принципы либеральныхъ учрежденій, которые постоянно были предметомъ моей заботы, я надѣюсь съ помощью Бога распространить ихъ благодѣтельное вліяніе на всѣ страны, которыя Провидѣніе ввѣрило мнѣ. Вы мнѣ доставили возможность показать моей странѣ то, что я готовлю для нея уже давно и что она получитъ, когда всѣ подробности этой важной работы будутъ окончены“.

[2]) Мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство кн. С. Волконскаго и другихъ о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ фактомъ: „Но не умолчу, что во время этой стоянки дошла до меня вѣсть о рѣчи императора Александра на первомъ, въ царствованіе его, польскомъ сеймѣ, въ которомъ слова его о намѣреніи его распространить и въ Россіи вводимый имъ конституціонный порядокъ управленія сильное произвели впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ, какъ по любви моей къ отечеству, такъ и по желанію моему, чтобъ отечество выдвинулось изъ грязной колеи внутренняго своего быта.

Варшавскія рѣчи, пишетъ Шильдеръ, императора Александра не могли пройти безслѣдно въ Россіи и должны были подѣйствовать на умы, и безъ того уже возбужденные; онѣ вызвали разнообразные толки и произвели глубокое впечатлѣніе. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые“... „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ, начинаютъ писать... Но будетъ, чему быть“ *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдеръ. Т. IV С.-ПБ. 1898 г., стр. 92). Ред.*

ство національности, искренно радовались намѣреніямъ императора, огорчаясь, однако, что ихъ страна считается менѣе созрѣвшей для свободы, чѣмъ Польша; другіе, если не болѣе многочисленные, то люди авторитетные, въ словахъ Александра видѣли только униженіе для Россіи. И въ свободномъ человѣкѣ и въ рабѣ дурныя страсти развиты сильнѣе, чѣмъ любовь къ благу и истинѣ. Такъ, генералъ Орловъ составилъ что-то въ родѣ протеста противъ учрежденій, дарованныхъ Польшѣ, и хотѣлъ представить его императору, съ подписями нѣкоторыхъ генераловъ и другихъ вліятельныхъ лицъ. Однако его намѣреніе было извѣстно Александру до представленія и попытка Орлова не имѣла никакихъ послѣдствій. Узнавъ объ этомъ, я не преминулъ упрекнуть его въ рабскомъ патріотизмѣ, внушившемъ этотъ протестъ, и Орловъ согласился со мной.

Но по отношенію къ Польшѣ Александръ не ограничивался одной конституціей: онъ не разъ говорилъ въ присутствіи различныхъ особъ и въ кругу дамъ, съ которыми онъ любилъ разговаривать, о твердомъ рѣшеніи присоединить прежнія польскія губерніи къ возстановленному королевству. И когда одна изъ дамъ со слезами протестовала противъ такого раздѣленія имперіи, императоръ съ сильнымъ жестомъ сказалъ: „Да! я не оставлю это для Россіи, впрочемъ, прибавилъ онъ, развѣ вы видите большое несчастіе въ отдѣленіи отъ Россіи нѣсколькихъ губерній? развѣ она не будетъ еще достаточно велика?“ Онъ хорошо зналъ, что его мысли по этому вопросу не встрѣчали сочувствія въ Россіи, и поэтому раздѣлявшимъ ихъ выражалъ свое расположеніе. Встрѣтивъ однажды бывшаго офицера, который оправдывалъ все сдѣланное для поляковъ, Александръ съ чувствомъ пожалъ ему руку и благодарилъ за его образъ мыслей о Польшѣ. Историкъ Карамзинъ, пользовавшійся большой милостью императора, считалъ не въ правѣ молчать объ отношеніи Александра къ Польшѣ [1]).

Историкъ питалъ къ полякамъ ненависть, бывшую у русскихъ въ прежніе вѣка. Но если эту ненависть объясняла долгая кровавая борьба двухъ народовъ, то она должна была исчезнуть послѣ тріумфа ихъ армій и несчастій Польши. Въ своихъ разговорахъ съ императоромъ Карамзинъ, чтобы доказать несовмѣстимость существованія независимаго и сильнаго польскаго королевства съ величіемъ и безопасностью Россіи, указывалъ, главнымъ образомъ, на то, что большая часть губерній, взятыхъ у Польши, были русскаго происхожденія и были завоеваны поляками во время бѣдствій Россіи. Этотъ же доводъ былъ могущественнымъ аргументомъ во время перваго раздѣла Польши.

---

1) Единственную выгоду изъ своего положенія Карамзинъ извлекъ — это квартиру въ царскосельскомъ дворцѣ; онъ никогда не старался утилизировать своей дружбы съ государемъ.

Карамзинъ не ограничился одними разговорами: онъ представилъ императору записку, которая доказываетъ, что Александръ позволялъ иногда своимъ подданнымъ смѣло и откровенно высказываться передъ нимъ. Въ ней Карамзинъ говорилъ, что императоръ не имѣлъ никакого права распоряжаться провинціями, не имъ пріобрѣтенными, и здѣсь же онъ намекалъ, что для счастья Россіи нужно сдѣлать кое-что другое, кромѣ отдѣленія части ея территоріи и что за время своего царствованія Александръ не принялъ еще никакой серьезной мѣры для улучшенія своей собственной страны [1]).

Карамзинъ, думая, что защищаетъ только интересы Россіи, въ сущности защищалъ царскую власть; и если подобной оппозиціей онъ и могъ задѣть своенравіе самодержца, то не было риска потерять его расположеніе надолго. Однако всѣ пожеланія Александра присоединить къ Польшѣ ея бывшія провинціи закончились лишь сформированіемъ новаго армейскаго корпуса изъ уроженцевъ этихъ провинцій съ особой формой и знаменемъ. Если въ другомъ мѣстѣ все кончалось пѣснями, то въ Россіи все должно было кончаться солдатами. Однако и это казалось русскому обществу желаніемъ возвеличить польское королевство. Спустя нѣкоторое время, императоръ издалъ новый указъ, который также можно было считать проявленіемъ его расположеній къ Польшѣ: онъ подчинилъ великому князю, Константину, главнокомандующаго польской арміей и литовскаго корпуса и не только управленіе страной, но и судебную часть. Въ это время всѣ его доброжелательныя намѣренія исчезли, и правительство заботилось только о томъ, какъ бы подавить зародыши либерализма и оппозиціи поляковъ. Чтобы облегчить эту задачу, императоръ далъ великому князу полную власть надъ всѣми поляками, какъ жившими въ Польшѣ, такъ и въ Россіи. Начались аресты и массовыя осужденія по самымъ пустымъ поводамъ. Представленіе приговоровъ на разсмотрѣніе Сената не допускалось и они приводились въ исполненіе послѣ простого одобренія или измѣненія ихъ великимъ княземъ.

Я помню одно дѣло, проходившее черезъ Государственный Совѣтъ: разсматривая его, я увидѣлъ, что одинъ молодой человѣкъ безъ всякихъ доказательствъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь только по повелѣнію Константина. Совѣтъ могъ только указать неподсудность дѣла великому князю, однако Мордвиновъ по своей обычной добротѣ старался обратить вниманіе Совѣта и Александра на участь молодого человѣка, но и это ни къ чему не привело.

Какъ бы однако ни были мимолетны и мало серьезны пожеланія императора относительно бывшихъ польскихъ провинцій,

---

[1]) См. письмо Карамзина къ императору, въ концѣ перваго тома.

все же они отличались благородствомъ, справедливостью и добротой, и Александръ говорилъ, что онъ положеніемъ Польши болѣе доволенъ, чѣмъ положеніемъ Россіи.

Я никогда не раздѣлялъ мнѣнія враговъ всякой конституціи, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которые видѣли въ дарованіи Польшѣ конституціи обиду и униженіе для рабской Россіи. Я радовался уже тому, что на свѣтѣ стало больше одной конституціей, если только можно сказать, что она дѣйствительно тамъ существовала. Совсѣмъ другой вопросъ — отдѣленіе польскихъ провинцій отъ Россіи; я не помню, говорилъ ли по этому поводу, такъ какъ никогда не вѣрилъ въ серьезность этого желанія Александра. Въ общемъ же Польша и ея дѣла мало интересовали меня; я былъ поглощенъ бѣдствіями русскаго народа, жестокостью, нелѣпостью и позоромъ крѣпостничества.

Мы сказали, что Александръ заявилъ свое намѣреніе дать и Россіи народное представительство; мы можемъ прибавить, что онъ не ограничился простымъ обѣщаніемъ, а, дѣйствительно, работалъ надъ проектомъ конституціи, который впослѣдствіи появился въ одномъ изданіи, выходившемъ нѣкоторое время подъ названіемъ „Portafolio“. Его составлялъ Новосильцовъ, передавая частями, по мѣрѣ исполненія, на одобреніе самого императора. Глава о выборѣ членовъ народнаго собранія гласила, что депутаты будутъ назначаться самими избирателями. Проще и естественнѣе этого ничего не могло быть; однако императоръ остановился на этомъ пунктѣ и замѣтилъ, что избиратели такъ могутъ назначить тѣхъ, кто имъ нравится, „напримѣръ Панина“. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Панинъ, очень не нравился Его Величеству. Статья тотчасъ же была измѣнена, и избирателямъ дали только право представить трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ правительство само выбирало бы депутата. Поистинѣ курьезный способъ составленія конституціи!

Въ этотъ короткій періодъ либерализма и первыхъ проблесковъ самосознанія, нѣкоторые молодые люди думали сильнѣе развить новыя идеи и направить ихъ къ практическимъ цѣлямъ. Они слышали въ Германіи во время войны о тайныхъ обществахъ, и у нихъ явилась мысль организовать союзъ, который могъ бы объединить всѣхъ стремящихся къ общественному благу. Я долженъ сказать, что правительство въ эту эпоху, казалось, покровительствовало полезнымъ реформамъ и настолько не вызывало недовѣрія, что основатели союза спорили, не слѣдуетъ ли попросить поддержки съ его стороны, и только боязнь неправильнаго истолкованія своихъ желаній заставила ихъ дѣйствовать безъ содѣйствія и вѣдома императора. Этотъ фактъ, обнаруживая неопытность первыхъ основателей тайныхъ обществъ, доказываетъ искренность и безвредность ихъ намѣреній [1]).

---

[1]) Онъ записанъ въ донесеніи слѣдственной комиссіи, на основаніи котораго были произведены всѣ приговоры послѣ возстанія 1825 года.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Россію я издалъ сочиненіе „Опытъ теоріи налоговъ“, начатое еще въ Геттингенскомъ университетѣ, въ 1810 и 1811 годахъ.

Въ немъ я указывалъ на нравственную пользу изученія политическихъ и особенно экономическихъ наукъ и на то, что въ основѣ какъ этихъ наукъ, такъ и государственнаго права, должна лежать свобода. Я пользовался всякимъ случаемъ, чтобы говорить объ Англіи, ея могуществѣ, богатствахъ, и приписывалъ всѣ преимущества учрежденіямъ, которыя имѣла только она изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Поэтому, излагая теорію налоговъ, я часто отклонялся въ область политики. Поголовный налогъ далъ мнѣ поводъ говорить о крѣпостничествѣ и я имъ воспользовался. Эти отступленія, на мой взглядъ, были важнѣй главнаго предмета моей работы. Уже новизна предмета, необычнаго для русской литературы, достаточно могла привлечь вниманіе публики [1]). Это была первая книга о теоріи финансовъ, написанная русскимъ на родномъ языкѣ; но особый интересъ къ ней объяснялся сказаннымъ выше. Это сочиненіе сдѣлало мое имя извѣстнымъ въ странѣ, гдѣ, вслѣдствіе долгаго пребыванія за границей, у меня осталось мало связей, и расположило ко мнѣ многихъ лицъ новыхъ взглядовъ. Въ періодической печати имѣлось много доказательствъ уваженія ко мнѣ общества, и со мной не разъ знакомились лица, до этого времени совершенно мнѣ незнакомыя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это и должно было быть, я пріобрѣлъ моей книгой многочисленныхъ враговъ [2]). Особенно не понравились мои нападки на рабство людямъ съ высшимъ положеніемъ, однако, изливая свои чувства въ интимной бесѣдѣ, они боялись открыто говорить обо мнѣ и о моей книгѣ, такъ какъ не видѣли представителей царской власти, мечущими громы и молнія, чтобы уничтожить отчаяннаго революціонера. Самымъ могущественнымъ послѣ государя человѣкомъ въ Россіи былъ, конечно, Аракчеевъ, для котораго ничего не могло быть противнѣе моей книги, однако и онъ, вопреки своей наглости, только удивлялся духу времени, когда позволяютъ писать и печатать подобныя вещи. Признаюсь, что эти трусливыя и безсильныя недовольства для меня были гораздо пріятнѣе, чѣмъ всѣ одобренія. Впрочемъ, надо сказать, и среди высокопоставленныхъ защитниковъ существующаго строя нашлись лица, выразившія мнѣ свое уваженіе и при-

---

[1]) Трудъ Н. Тургенева былъ высоко оцѣненъ современниками, не только читающей публикой, но и спеціалистами-учеными. *Ред.*

[2]) Я не имѣю здѣсь въ виду тѣ жалкіе опыты критики и опроверженія, появившіеся въ періодической печати, какъ плодъ полнѣйшаго невѣжества и безсильнаго бѣшенства. Настоящіе враги въ Россіи не опубликовываютъ своихъ сочиненій; они интригуютъ и дѣйствуютъ скрытно.

знательность по поводу моей книги. Одинъ изъ членовъ [1]) Государственнаго Совѣта, гдѣ засѣдали тогда наиболѣе уважаемые дѣятели и куда я былъ приглашенъ исполнять обязанности государственнаго секретаря, сказалъ, что моя работа могла бы служить руководствомъ при разрѣшеніи финансовыхъ вопросовъ. Что же касается до такихъ лицъ, впрочемъ, немногочисленныхъ, какъ Мордвиновъ и графъ Потоцкій, то моя книга много содѣйствовала нашему сближенію и довѣрію ко мнѣ съ ихъ стороны, а это обстоятельство сильно облегчало исполненіе моихъ обязанностей. Канцлеръ Румянцевъ, уже устранившійся отъ дѣлъ и занимавшійся только исторіей Россіи, также пожелавшій познакомиться со мной, ставилъ мнѣ въ особую заслугу ясность, съ которой я передалъ различныя теоріи экономической науки. „Чтобы быть столь понятнымъ, сказалъ онъ, необходимо самому хорошо уяснить то, что хочешь объяснить другимъ“.

Удивлялись, что цензура пропустила мою книгу; я зналъ цензора, который ее просматривалъ; это былъ честный и образованный человѣкъ, но очень робкій отъ природы и вслѣдствіе своихъ обязанностей. „Для разрѣшенія теоретическихъ изслѣдованій, сказалъ онъ, не можетъ встрѣтиться никакого затрудненія“. Безспорно, онъ хорошо увидѣлъ, что въ книгѣ была не одна только теорія, но совѣсть честнаго человѣка одержала верхъ надъ робостью цензора: скоро онъ вернулъ мнѣ мою рукопись безъ поправокъ, намекая лишь, что онъ прекрасно сознаетъ опасность, которой подвергается. Я увѣренъ, однако, что онъ никогда не испыталъ изъ-за меня непріятностей, такъ какъ тогда еще не преслѣдовали мысли. Подобная терпимость продолжалась недолго; скоро самая преувеличенная осмотрительность не спасала цензоровъ отъ строгости правительства. Вещи, самыя безопасныя и въ политическомъ, и въ религіозномъ отношеніи влекли гибель не только авторовъ, но и цензоровъ; ихъ отрѣшали отъ должности и лишали права на какую-либо службу. Послѣ событія 1825 года правительство обратило вниманіе и на мою книгу, наложивъ свою руку на всѣ найденные экземпляры.

Въ концѣ 1819 года ко мнѣ заходитъ князь Трубецкой, котораго я зналъ только по имени, и безъ всякихъ вступленій говоритъ, что, узнавъ обо мнѣ и моихъ взглядахъ, онъ счелъ долгомъ предложить мнѣ вступить въ общество, уставъ котораго тутъ же показалъ. Это былъ „Союзъ благоденствія“. Такое же предложеніе онъ сдѣлалъ и одному поэту [2]), съ которымъ у меня были дружескія отношенія, но тотъ отказался. Надо замѣ-

---

[1]) Тутолминъ, человѣкъ съ довольно отсталыми взглядами, но очень честный.

[2]) Несомнѣнно, В. Жуковскому. *Ред.*

тить, что Трубецкой зналъ поэта не болѣе меня. Онъ пропагандировалъ такъ откровенно, что въ его намѣреніяхъ, казалось, не было ничего опаснаго. Я пробѣжалъ уставъ общества, главная цѣль котораго было общественное благо. Члены его дѣлились по секціямъ, одна изъ коихъ должна была заниматься вопросами народнаго образованія, другая правосудіемъ, третья политической экономіей и финансами и т. п. [1]). Во всемъ проектѣ, какъ и въ отдѣльныхъ частяхъ его, были только теоретическія разсужденія, и не было никакого намѣренія произвести перемѣны въ государствѣ.

Я не вѣрилъ, чтобы какое-нибудь общество въ Россіи могло располагать необходимыми средствами для достиженія сложныхъ и серьезныхъ цѣлей, намѣченныхъ въ уставѣ, и потому оно не представляло для меня ничего соблазнительнаго. Для этого требовались серьезные писатели, хорошо знакомые съ различными отраслями знанія, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ,—въ Россіи же подобныхъ людей почти не было. Какъ всегда, я съ грустью замѣтилъ, что среди благихъ намѣреній устава не упоминалось объ освобожденіи крестьянъ, что на мой взглядъ было важнѣе всего. Въ общемъ уставъ страдалъ недостаткомъ опыта и обдуманности и отзывался чѣмъ-то ребяческимъ, что мнѣ не понравилось. Однако, долгъ честнаго человѣка заставлялъ пренебречь недостатками формы, личными неудобствами и даже опасностями, когда представлялась возможность по мѣрѣ силъ содѣйствовать полезному и благородному дѣлу. Упущеніе въ уставѣ, о которомъ я только что сказалъ, можетъ быть и повліяло на мое рѣшеніе: у меня явилась мысль обратить вниманіе общества на рабство. Я тутъ же сообщилъ это Трубецкому и, убѣдившись, что онъ и его друзья близко принимаютъ къ сердцу участь крестьянъ, я почувствовалъ радостную надежду на исполненіе моего завѣтнаго желанія.

Въ такой странѣ, какъ Россія, тайныя общества неизбѣжны; только люди, жившіе въ ней, могутъ правильно представлять затрудненія, которыя встрѣчаетъ тамъ всякая новая мысль. Чтобы спокойно и свободно выражать свои мысли, тамъ необходимо замкнуться въ тѣсномъ кругу лицъ, подобранныхъ съ большой осторожностью. Только при этомъ условіи возможенъ искренній обмѣнъ мыслей и для насъ въ нашемъ обществѣ было истиннымъ наслажденіемъ открыто и безъ боязни говорить не только о политическихъ, но и всякихъ другихъ вопросахъ. Нашъ богатый и красивый языкъ, но съ отпечаткомъ дурного соціальнаго строя, облагораживался нашими идеями объ истинѣ, свободѣ и достоинствѣ человѣка.

---

[1]) Уставъ этотъ будетъ напечатанъ въ „Библіотекѣ“ въ нынѣшнемъ году. *Ред.*

Совершенно неправильно думали, что въ тайныхъ обществахъ занимались только конспираціей, тогда какъ ея вовсе не было; пробовавшіе ввести ее, скоро убѣждались въ полной невозможности. Бесѣды обыкновенно начинали съ сожалѣнія, что общество неспособно предпринять что-нибудь серьезное, затѣмъ переходили на общія политическія темы, на состояніе страны, бѣдствія и злоупотребленія, которыя ее подтачивали, наконецъ на ея будущность, такъ какъ и для Россіи, хотя и нескоро, должно наступить лучшее будущее. Къ событіямъ въ Европѣ прислушивались съ большимъ вниманіемъ и съ радостью привѣтствовали всякій шагъ къ свободѣ. Въ этомъ, хотя и рѣдкомъ, общеніи съ людьми, горячо и безкорыстно воспринимавшими интересы ближнихъ, я ясно созналъ свое назначеніе, которое желалъ исполнить.

Неудивительно, что, привыкнувъ свободно выражать свои мысли, члены тайныхъ обществъ такъ же свободно говорили всюду; они выражались съ достоинствомъ, не боясь не понравиться однимъ, шокировать другихъ, или компрометировать себя передъ властью [1]); они и писали бы такъ же, если бы это имъ было позволено, но ихъ ли вина, что въ глазахъ глупыхъ и развращенныхъ людей принципы нравственности называются дерзкимъ призывомъ къ ниспроверженію существующаго строя. Потребуется еще очень много времени, когда эти послѣдніе примутъ ихъ сторону и когда власть уступитъ имъ: людей ссылаютъ въ Сибирь, но нельзя изгнать туда же ихъ идеи.

Въ то время, когда я примкнулъ къ „Союзу благоденствія“, тамъ не было никакой организаціи; въ уставѣ говорилось о дѣленіи членовъ на различныя секціи, каждыя съ опредѣленными обязанностями, и что главное руководство обществомъ принадлежитъ верховному совѣту и т. п. На дѣлѣ же ничего подобнаго не было. Вполнѣ естественно, что члены общества, знакомые другъ съ другомъ, частнымъ образомъ старались видѣться чаще; такимъ образомъ и я видался довольно часто съ тѣми, которыхъ зналъ еще раньше.

Начальниками состояли самые старые члены общества; посредникомъ между ними и другими членами, которые были почти только изъ гвардейскихъ офицеровъ и литераторовъ, служилъ секретарь. Послѣдніе—по большой части молодежь—выражали

---

[1]) Тѣ необдуманныя, рѣзкія и достойныя порицанія выраженія, которыми, исказивъ ихъ смыслъ, слѣдственная комиссія воспользовалась для обвиненія, принадлежали лицамъ, непричастнымъ къ тайному обществу. Однажды, когда мы читали какую-то книгу у ***, вошелъ его братъ. „Конспирація, всегда конспирація, сказалъ онъ шутливымъ тономъ, какъ всегда; въ это я не вмѣшиваюсь; но когда потребуется моя помощь—добавилъ онъ, потрясая своей могучей рукой,—тогда вы можете положиться на меня!“ Мы смѣялись надъ этими неожиданными словами, хотя въ его устахъ они могли заставить задуматься. Подтвержденіемъ того, что слова не значатъ ровно ничего, служитъ то, что, какъ говорятъ, онъ оказалъ замѣтныя услуги правительству во время возстанія 1825 г.

нетерпѣніе, жаловались на бездѣятельность, и упрекали своихъ руководителей въ недостаткѣ усердія. Но вожди совершенно не знали, чѣмъ отвѣтить на подобныя жалобы. Въ виду этого я обратилъ вниманіе общества на участь крѣпостныхъ.

Въ виду единодушнаго признанія несправедливости крѣпостного права, мое предложеніе сводилось къ тому, чтобы получить отъ каждаго члена обязательство, что онъ безотлагательно приложитъ всѣ силы для его ослабленія, а потомъ и уничтоженія. „Каждый изъ васъ, сказалъ я, владѣетъ или будетъ владѣть крѣпостными; если вы владѣете въ настоящее время, то освободите немедленно находящихся въ вашемъ личномъ услуженіи и въ силу закона добейтесь отъ правительства освобожденія крестьянъ, благодаря чему не только будетъ меньше нѣсколькими рабами, но вы покажете и власти, и обществу, что наиболѣе уважаемые собственники желаютъ освобожденія крѣпостныхъ. Такъ разовьется идея освобожденія“. Чтобы подать примѣръ, я тогда же далъ освободительныя письма моимъ дворовымъ [1]). Мое предложеніе приняли безъ колебанія, но результаты далеко не соотвѣтствовали моимъ желаніямъ.

Другой разъ, замѣтивъ, что многіе члены общества сильно нуждаются въ политическомъ образованіи, я предложилъ изучать различныя сочиненія, содѣйствующія развитію и уясненію взглядовъ по различнымъ вопросамъ. Между прочимъ я рекомендовалъ имъ только что появившіяся „Комментаріи къ Filangieri“, изданіе которыхъ предпринялъ Бенжаменъ Констанъ. Первый томъ этого сочиненія раздобыли во многихъ экземплярахъ и нѣкоторые изъ молодыхъ членовъ общества читали и изучали его очень усердно.

Поглощенный работой о крѣпостномъ правѣ, я мало занимался „политическими свободами“ и конституціей, хотя относился къ нимъ далеко не безразлично. Я имѣлъ опредѣленные взгляды по основнымъ вопросамъ государственнаго строя—народное представительство, свободу прессы, равенство передъ закономъ, законодательную, исполнительную и судебную власти, и я никогда не отказался бы приложить всѣ свои силы, даже пожертвовать собой, чтобы добиться гарантіи этихъ великихъ свободъ, но только послѣ уничтоженія рабства; но оно продолжало существовать! Когда во время разговора я замѣчалъ, что мой собесѣдникъ мечтаетъ о политической свободѣ безъ освобожде-

---

[1]) Я не могу не передать словъ, съ которыми ко мнѣ обратился одинъ изъ получившихъ свободу. „До сихъ поръ я вамъ служилъ хорошо, но отнынѣ я буду вамъ служить еще лучше“. И онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Вотъ примѣръ среди тысячи другихъ, показывающій ложность часто повторяемаго утвержденія, что крѣпостные не желаютъ освобожденія при обезпеченіи и хорошемъ обращеніи. Впрочемъ, всѣ эти люди, безъ исключенія, продолжали оставаться у насъ и обращались съ ними такъ же, какъ и до освобожденія.

нія крѣпостныхъ, я такъ негодовалъ, что со стороны могло казаться, что будто бы я защищалъ абсолютную власть. Это рѣдко случалось въ разговорахъ съ молодежью, на которую мнѣ всегда удавалось подѣйствовать убѣжденіемъ, зато съ высокопоставленными людьми, пропитанными аристократизмомъ и мечтавшими прежде всего о палатѣ пэровъ и т. п., бесѣда бывала очень страстной, даже ожесточенной, такъ что я даже начиналъ превозносить самодержавіе для рабской страны. При этомъ самомнѣніе моихъ спорщиковъ доходило порой до абсурда. Лучшій изъ нихъ, уважаемый Мордвиновъ, не поколебался сказать (не мнѣ, такъ какъ меня онъ постѣснился бы), что богатая и могущественная аристократія необходима Россіи; что для созданія ея императоръ долженъ раздѣлить между знатными фамиліями всѣ государственныя земли; что палата пэровъ или лордовъ изъ этихъ фамилій была бы могучимъ средствомъ для переустройства страны и установленія конституціи. Это аристократическое ослѣпленіе чрезвычайно возмущало меня.

Спустя нѣкоторое время, при прежнемъ бездѣйствіи общества, я задумалъ издавать журналъ или скорѣй мѣсячное обозрѣніе; среди насъ было нѣсколько лицъ, которыя своимъ образованіемъ и талантомъ ему очень могли помочь; самъ же я всегда писалъ на разныя политическія темы: или о законодательствѣ и администраціи, или по уголовному праву [1]).

Всѣмъ обращавшимся ко мнѣ я всегда охотно указывалъ цѣлый рядъ сочиненій.

Въ журналѣ я разсчитывалъ помѣстить свои многочисленныя статьи объ уголовномъ процессѣ и о судѣ присяжныхъ; послѣднимъ я занимался особенно усердно и почти уже закончилъ большое сочиненіе, гдѣ указывалъ всѣ преимущества этого учрежденія, всѣ многочисленныя и серьезныя неудобства письменной процедуры въ судопроизводствѣ, и необходимость замѣнить ее словесной [2]).

Для изданія журнала я пригласилъ нѣсколькихъ членовъ общества и нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, которые одобрили мою идею. Каждый взялъ себѣ по отдѣлу, при чемъ для многихъ задача оказалась, очевидно, непосильной, зато нѣкоторые приготовили прекрасныя статьи, появленіе которыхъ обязательно произвело бы успѣхъ. Это благое намѣреніе имѣло судьбу тысячи себѣ подобныхъ, которыми, какъ говоритъ одна португаль-

---

[1]) Для первыхъ я пользовался курсомъ профессора Сарторіуса и различными англійскими и французскими работами; для вторыхъ же—курсомъ Тэде, проф. Геттингенскаго У-та.

[2]) Для статей по этому вопросу я пользовался сочиненіемъ знаменитаго профессора Миттермайера, который, на мой взглядъ, прекрасно оцѣнилъ и изложилъ объ судебныя процедуры, французскую и нѣмецкую.

ская пословица, вымощенъ адъ: дѣло не пошло дальше словъ. Это была послѣдняя попытка общества, или, вѣрнѣе, одного изъ его членовъ, выйти изъ оцѣпенѣнія, на которое часто жаловались отдѣльныя лица, тогда какъ большинство, повидимому, уже свыклось съ нимъ. Мало-по-малу собранія прекратились совсѣмъ и казалось, что у прежнихъ членовъ „Союза благоденствія“ не сохранилось даже воспоминанія о мотивахъ, которые соединили ихъ въ общество. Впрочемъ собранія и всегда бывали очень рѣдки, и на нихъ присутствовало, кромѣ приглашаемыхъ по поводу издательства журнала, не болѣе 3—4 лицъ.

Число членовъ общества никогда нельзя было опредѣлить точно, такъ какъ многіе, только что вступивъ въ него, скоро и покидали. При моемъ вступленіи мнѣ говорили, что ихъ насчитывалось болѣе двухсотъ [1]), но что уже давно большая часть изъ нихъ и даже сами основатели порвали съ обществомъ всякую связь. Оставшіеся члены находились въ Петербургѣ, гдѣ ихъ было больше всего, въ Москвѣ, гдѣ они абсолютно ничего не дѣлали, и въ Тульчинѣ, главной квартирѣ второй арміи. Говорили, что въ послѣднемъ мѣстѣ общество было наиболѣе активнымъ, но доказательствъ этому было не больше, чѣмъ въ С.-Петербургѣ.

При такомъ положеніи общества изъ Москвы [2]) пріѣхалъ одинъ изъ членовъ и заявилъ, что необходимо выяснить вопросъ, существуетъ общество или нѣтъ, въ виду того, что члены, разсѣянные по всей странѣ, не имѣютъ никакого общенія и ничего не дѣлаютъ, и что нужно, наконецъ, или распустить общество, или возстановить его на новыхъ началахъ. Таково было мнѣніе московскихъ членовъ и противъ него ничего нельзя было возразить. Условились собраться зимой въ Москвѣ и пригласить туда нѣсколькихъ лицъ изъ второй арміи. У меня были личныя дѣла въ этомъ городѣ и я обѣщалъ туда отправиться. Въ условленное время прибыли въ Москву изъ разныхъ мѣстъ двадцать членовъ. Собранія происходили часто, и я вспоминаю о нихъ всегда, какъ о самыхъ счастливыхъ моментахъ моей жизни; въ эти короткія минуты я находился въ общеніи съ лицами, для меня навсегда благородными и преисполненными самыми чистыми стремленіями и беззавѣтной преданностью къ своимъ ближнимъ.

Послѣ преній, продолжавшихся около трехъ недѣль, выяснилась, наконецъ, невозможность достигнуть чего-нибудь посредствомъ тайныхъ обществъ, и рѣшено было закрыть „Союзъ благоденствія“, несмотря на протесты нѣсколькихъ членовъ,

---

[1]) Это же число приводитъ и Бенкендорфъ въ своемъ доносѣ. *Ред.*

[2]) Зимой 1820 и 1821 г.

предлагавшихъ реорганизацію прежняго или основаніе новаго общества [1]).

---

[1]) О съѣздѣ кн. С. Волконскій пишетъ: „Изъ Одессы я поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился ближе съ Никитой Муравьевымъ, Сергѣемъ Трубецкимъ и Митьковымъ, всѣ трое дѣйствительные члены Петербургской думы; потомъ поѣхалъ опять въ Кіевъ на контракты, куда многіе изъ насъ съѣзжались для толкованій о дѣлахъ Южной думы, о связяхъ оной съ Сѣверной, затѣмъ—опять въ Одессу черезъ Тульчинъ. Изъ Одессы я проѣхалъ опять въ Тульчинъ, и какъ было рѣшено, по общимъ дѣламъ общества, депутатамъ сѣвера и юга соединиться въ Москвѣ, то отъ Тульчинской думы были назначены для совѣщанія Бурцовъ, Комаровъ и я, и приглашенъ былъ также, по довѣрію общему, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ; съ нимъ я съѣхался въ Тульчинѣ, куда онъ пріѣхалъ изъ Кишинева, гдѣ тогда командовалъ дивизіей, и съ нимъ вмѣстѣ прибыли мы въ Кіевъ. Здѣсь опять прерву разсказъ свой о дѣлахъ общества и скажу нѣсколько словъ объ Орловѣ.

«Проѣздомъ черезъ Кіевъ онъ рѣшился сдѣлать попытку относительно давно затѣянной имъ женитьбы съ дочерью Николая Николаевича Раевскаго—Екатериною Николаевною. Переговоры эти шли черезъ брата ея, Александра Николаевича, который ему поставилъ первымъ условіемъ выходъ изъ тайнаго общества, т.-е. изъ дѣйствительныхъ членовъ его. Александръ Николаевичъ, какъ человѣкъ умный, не былъ въ числѣ отсталыхъ, но, какъ человѣкъ хитрый и осторожный, видѣлъ, что тайное общество не минуетъ преслѣдованія правительства, а потому и положилъ первымъ условіемъ Орлову выходъ его изъ общества, и Орловъ, выѣхавъ изъ Кіева, былъ въ шаткомъ убѣжденіи, что ему дѣлать.

«Прибывъ въ Москву, нашли мы московскихъ и петербургскихъ депутатовъ, уже собранныхъ, но какъ было положено, что правомъ голоса могутъ пользоваться только члены-основатели общества, а не члены, впослѣдствіи поступившіе въ тайное общество, то я и Комаровъ были устранены отъ участія въ преніяхъ, а это право предоставлено было одному Бурцову изъ членовъ Южной думы. Въ числѣ московскихъ членовъ были: Фонъ-Визинъ, Якушкинъ, Колошинъ, Граббе; въ числѣ петербургскихъ не упомню кто былъ; предсѣдателемъ же былъ выбранъ Михаилъ Орловъ. Съ самаго начала съѣзда было получено изъ Петербурга отъ тамошней думы сообщеніе, что правительство слѣдитъ за дѣйствіями тайнаго общества, и что будетъ осторожнѣе прекратить гласное существованіе общества и положить закрытіе онаго, а членамъ поодиночкѣ дѣйствовать по цѣли онаго. Главное побудительное основаніе къ этому обстоятельству было сообщеніе Ѳедора Глинки, который, бывъ адъютантомъ у Милорадовича, имѣлъ положительное свѣдѣніе о возбужденномъ надзорѣ правительства».

Подробность московскаго съѣзда мы находимъ въ очень интересныхъ показаніяхъ Комарова; онъ показываетъ:

«Пестель подалъ мысль свою между прочими объ учрежденіи временнаго диктаторства для прекращенія вкравшагося безпорядка въ Обществѣ (имѣя, конечно, въ виду себя) и съ тѣмъ, чтобы избраннаго уполномочить властію сдѣлать постановленія пространнѣйшія и болѣе

самовластныя, чѣмъ ничтожныя правила, изложенныя въ Зеленой Кни-
гѣ, и что ето было только для робкихъ душъ на первый разъ (вотъ
почти слова его). —Многіе различно разсуждали о семъ, но никто не
принялъ сей мысли. Одни говорили, что етаго не вправѣ сдѣлать безъ
совѣщанія всѣхъ на лицо членовъ, другія, что ето измѣняетъ коренное
правило, что ето слишкомъ самовластно, и замѣняли ету мысль со-
ставленіе триумвирата;—но послѣ жаркихъ споровъ и личныхъ подо-
зрѣній и ето оставалось непринятымъ.—Я желалъ и надѣялся поколе-
бать все зданіе, если не разрушитъ его собственный раздоръ, предло-
женіемъ, чтобъ зимой собраться въ Москвѣ довѣреннымъ членамъ отъ
разныхъ мѣстъ и тамъ уже положить измѣненія, въ полной надеждѣ,
что неожиданность новыхъ лицъ и мнѣній еще скорѣе положитъ къ
преобразованію общества, и что оно рушиться только можетъ въ от-
сутствіи Пестеля, какъ самаго ревностнаго члена и самаго опасного.—
Въ противномъ же случаѣ, я далъ себѣ клятву,—Богъ мнѣ свидѣтель,
что если въ Москвѣ не достигну желаемаго конца, то обнаружить ето
условіе, ибо оно принимало рѣшительно видъ *желанія* вести консти-
туцію современемъ, какъ скоро усилится въ своемъ составѣ. Такъ какъ
Пестелю не могло быть особаго поводу самому ѣхать въ Москву, ибо
извѣстно было всѣмъ, что у него ни родства, ни связей особыхъ тамъ
нѣтъ, то онъ неохотно принялъ эту мысль, но большинство голосовъ
превозмогло, тѣмъ паче, что Орловъ, Фонъ-Визинъ, Охотниковъ, Бур-
довъ и я безъ того намѣрены были ѣхать етой зимой въ Москву.—
Главной уполномоченной отъ Тульчинскаго общества, не взирая на мое
стараніе быть предпочтительно избрану самому, дабы успѣшнѣе дѣй-
ствовать въ предположенномъ смыслѣ, однакожъ избранъ былъ Бур-
довъ, а я ему въ видѣ помощника, ибо признали члены подъ видомъ
необходимости послать кореннаго члена, хотя я имѣлъ все право ско-
рѣе думать, что меня уже подозрѣвали и потому не выбрали однаго.—
Невзирая на то, что Фонъ-Визинъ и Пестель во многомъ не сходились
и часто оканчивали споры личностями, но какъ оба ревностные члены,
то Фонъ-Визинъ и отправился изъ Тульчина прямо въ Петербургъ
для совѣщаній по сему дѣлу и сообщить Коренному Совѣту о сдѣлан-
номъ предположеніи въ Москвѣ; а между тѣмъ и отобрать его мнѣніе
на ето.

„Пріѣхавши въ Москву, начались у него и собранія въ его домѣ.
Изъ Петербурга присланъ былъ Николай Тургеневъ, скоро пріѣхалъ
Грабе, Якушкинъ и многіе еще изъ членовъ, Михайла Муравьевъ,
Охотниковъ и прочіе.—Фонъ-Визинъ предложилъ мысль, вѣроятно по
совѣщанію въ Петербургѣ, чтобъ Общество раздѣлить на три разряда.
Одинъ высшій *незнаемыхъ*, въ видѣ постояннаго главнаго совѣта, ко-
торой долженъ будетъ управлять и составлять законы Обществу.—
Второй разрядъ, отъ него зависящій, *исполнительной*, приводящій ихъ
положенія къ исполненію, изъ него же должны командироваться члены
для объѣздовъ и наблюденій хода Общества по разнымъ мѣстамъ, а
прекратить обязывали всякаго рода переписку. — И наконецъ третій
разрядъ *нововводимыхъ*. Сіи мысли поддерживались его партіею въ
Москвѣ, именно Грабе, Волконской Якушкинъ, Фонъ-Визинъ меньшой,
Охотниковъ и Бурцовъ, которые и жили у него въ домѣ, кромѣ Вол-
конскаго. Тургеневъ, котораго я въ первый разъ въ семъ случаѣ ви-

дѣлъ, и пользуясь ихъ уваженіемъ избранъ былъ въ предсѣдатели совѣщаній на все время сего временнаго сборища. Онъ казался весьма умѣреннымъ; я старался сблизиться съ нимъ, посѣщалъ его часто и въ домѣ его до собраній, и всячески старался окровенно говоря съ нимъ наклонить его къ *уничтоженію Общества*, что ему удобнѣе теперь, чѣмъ кому-нибудь, излагая и даже увеличивая ему, что во второй арміи оно имѣетъ видъ якобинства и угрожаетъ со временемъ безначаліемъ и гибелью; я давалъ ему чувствовать опасенія со стороны полиціи во время нашихъ съѣздовъ, словомъ: все что могло содѣйствовать къ цѣли моей. Я нашелъ въ немъ скоро—по притворству ли, или по чувству, но весьма не чуждымъ отъ сего и онъ какъ умной человѣтъ велъ дѣло очень осторожно къ цѣли: онъ опровергалъ рѣшительно предположенную таинственность Фонъ-Визиномъ,—и кажется Орловъ также не соглашался съ етимъ распоряженіемъ. Я старался, сколь можно было какъ не коренному члену, опровергать или по крайней мѣрѣ находить во всѣхъ предположеніяхъ къ новому устройству—вездѣ и во всемъ менѣе или болѣе неудобства; чтобъ медлить, тянуть и скучать етой медленностію нетерпѣливымъ и пылкимъ характерамъ, каковы Грабе, Фонъ-Визины, Якушкинъ и Охотниковъ.—Показывая различнымъ партіямъ и усердіе и опасеніе, Бурцовъ по обыкновенію былъ умѣренъ въ предложеніяхъ и правилахъ. Калошинъ какъ замѣченъ былъ мною робкаго нрава, я не скрылъ съ нимъ дурныя послѣдствія всего и опасенія; онъ началъ отставать и рѣдко очень ѣздить; я пропустилъ два приглашенія къ собранію: раскрыло ли ето сильнѣе еще прежняго подозрѣнія ихъ на меня, ибо однажды Якушкинъ (одинъ изъ самыхъ пылкихъ нравовъ) мнѣ прямо сказалъ: „*что онъ читаетъ на челѣ моемъ противное благу Общества*“.—„Да отвѣчалъ я ему: *если оно не взойдетъ въ предѣлы первыхъ правилъ*“.—„Это невозможно!“

„И точно уже невозможно было, я ето зналъ. Замѣтно въ послѣдній вечеръ, какъ я былъ у Фонъ-Визина, во всѣхъ какую то вдругъ умѣренность и вечеръ сей казался быть болѣе часнымъ, чѣмъ политическимъ.—Орловъ не былъ, Тургеневъ скоро уѣхалъ. На другой день является ко мнѣ Охотниковъ и объявляетъ что ѣздили они съ Фонъ-Визиномъ уговаривать и упрашивать Орлова, ибо онъ прислалъ наканунѣ письмо *отреченія отъ Общества*, старанія были напрасны онъ, говорятъ, не согласился и уѣхалъ съ тѣмъ. Тургеневъ по убѣдительнѣйшей прозьбѣ моей созвалъ членовъ и Бурцовъ охотно присталъ тутъ къ уничтоженію рѣшительному Общества формальнымъ образомъ. Надобно, и справедливость требуетъ замѣтить здѣсь, что полковникъ Кальмъ въ то время былъ съ полкомъ своимъ 28-го Егер. въ Москвѣ въ караулѣ, ибо полкъ сей перешелъ изъ 2-й арміи въ 5-й корпусъ. Онъ зналъ отъ меня о собраніяхъ въ Москвѣ. Я просилъ его участвовать въ моемъ намѣреніи и чтобъ ѣздить начать къ Фонъ-Визину, но онъ настоятельно не хотѣлъ ни того, ни другаго, ни содѣйствовать къ уничтоженію, ни къ устройству. И не разу не былъ. Александръ Муравьевъ, какъ сказывалъ мнѣ Бурцовъ, что онъ былъ тогда въ Москвѣ, но не пожелалъ быть въ Обществѣ,

„Такимъ образомъ положено и здѣлано было Тургеневымъ объявленіе. Онѣ имѣли всѣхъ коренныхъ членовъ по праву какъ довѣреннаго объ уничтоженіи совершенномъ Общества по несходствію и мыслей

и правилъ и по убѣжденію общему положить ему конецъ. Это было кажется въ концѣ февраля 1821-го года. Я полагалъ и увѣренъ былъ въ душѣ моей, что все наконецъ рушилось, ибо ходъ всего дѣла былъ натураленъ. Отреченіе Орлова надобно было полагать откровеннымъ, ибо онъ негодовалъ уже сильно на первенство, принимаемое партіею Фонъ-Визина, и не одинъ разъ повторялъ, что надобно еще долго времия проитить, покамѣстъ члены откинутъ личности, часныя выгоды и партіи, что ето заговоръ—въ заговорѣ, и не одинъ разъ съ неудовольствіемъ оставлялъ собранія у Фонъ-Визина. Съ потерей же его Общество оставалось какъ бы оскорбленнымъ, ето видно было на лицахъ объ немъ желѣвшихъ. Тургеневъ и Бурцовъ ослабѣвали жаромъ и казалось непритворно приступали къ уничтоженію. Послѣдній изъ нихъ, яко присланной по уполномоченію изъ Тульчина, получилъ отъ Тургенева объявленіе объ уничтоженіи Общества для доставленія во 2-ю армію. Бурцова отпускъ продолжался еще, и онъ отправился къ себѣ въ деревню, чтобъ оттуда быть въ Тульчинѣ. Мой же отпускъ окончивался и я долженъ былъ ѣхать. Я, прибывши въ Тульчинъ, старался прежде приватно до пріѣзда Бурцова приготовить порознь членовъ къ принятію радостнаго для меня извѣщенія имъ, и зная Ивашева и Баргина гораздо менѣе прочихъ привязанными къ Обществу, сообщилъ имъ. Они приняли, кажется, съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ. Я просилъ ихъ принять, какъ слѣдуетъ, и не допускать Пестелю ихъ переувѣрить въ невыгодную сторону. Но Пестель, отъ проницательности котораго не скрылось, когда я увѣрялъ его, что какъ Бурцовъ настоящій ихъ депутатъ, то онъ и остался въ Москвѣ до окончательнаго ихъ извѣщенія своимъ пріѣздомъ, а я какъ рѣдко ѣздилъ въ Общество отъ сильныхъ раздоровъ, но не предвижу чтобы кончилось удачно.

„Надобно знать Пестеля и его ужасную ревнительность къ успѣху Общества, чтобъ видѣть его сокрушеніе отъ сей новости внезапной, разрушающей всѣ его усилія и старанія многихъ лѣтъ; догадываясь объ уничтоженіи и умѣя скрыть однакожъ, что онъ жалѣлъ бы совершенно объ етомъ, дабы не подать мнѣ подозрѣніе, что онъ намѣренъ противиться етому и сослаться съ Петербургскими товарищами, онъ сказалъ только, что онѣ не въ правѣ были уничтожить, что не ими однѣми основано было. Какъ я не старался ему доказывать, что тутъ большое количество было людей довѣренныхъ, но онъ упорствовалъ во мнѣніи до пріѣзда Бурцова, который, созвавши вмѣстѣ всѣхъ членовъ при Пестелѣ, объявилъ имъ, тоже самое, что я говорилъ имъ порознь. Представилъ имъ актъ объявленія. Я приглашалъ ихъ стараться изгладить въ душѣ и мысль прошедшаго и удалился. Бурцовъ меня увѣрялъ, что не только всѣ приняли и самъ Пестель покорился необходимости, но и поспѣшилъ, какъ и обязанъ былъ, сообщить и въ армію разнымъ членамъ объ уничтоженіи Общества.

„Избави меня Богъ быть ихъ защитниками изъ пристрастія. Но въ той же единственной мысли и долга откровенія присоединяю сіи подробности къ сказанному уже, чтобъ подробностями нѣкоторыми дополнить и объяснить болѣе состояніе духа и мыслей, въ каковомъ я оставилъ Общество предъ уничтоженіемъ его формальнымъ.

„Въ подтвержденіе чего, обратить полагаю должнымъ вниманіе на

то, что еслибъ онѣ имѣли какія-нибудь намѣренія дѣйствительныя къ нарушенію покойствія тогда въ Москвѣ, то Фонъ-Визинъ бы не упустилъ бы изъ виду ухаживать за полковникомъ *Кальмомъ* (которой, какъ я сказалъ уже прежде, стоялъ съ полкомъ своимъ въ Москвѣ и содержалъ караулъ), но я въ 3-й или 4-й разъ, въ которые былъ у Ф. Визина, не только ни разу Кальма не встрѣчалъ въ обществѣ у него, но едваль онъ и приглашался ими. Я ссылаюсь на него самаго *Кальма*. Когда я его встрѣтилъ гдѣ-то въ домѣ (но не у него только былъ) и отозвавши его сообщилъ ему мое удивленіе, что онъ не приглашается къ Фонъ-Визину, и старался наклонить его пріѣхать, ибо знавши полк. Кальма во 2-й арміи всегда очень умѣреннымъ, я увѣренъ былъ, что онъ не согласится ни на какое преобразованіе Общества по новому предположенію, акромѣ какъ было описано въ Зеленой Книги, и можетъ еще окажетъ мнѣ содѣйствіе къ уничтоженію Общества. Но онъ не пожелалъ, ни того ни другаго. Пусть спросятъ его: былъ ли онъ хоть разъ, но я его тамъ рѣшительно не видалъ,—и не знаю уже, по какимъ видамъ и по чьему ходатайству онъ перешелъ впослѣдствіи снова во 2-ю армію.

„Такимъ образомъ въ послѣдней разъ предъ нимъ я былъ у Фонъ-Визина; произходили въ (вышесказанномъ видѣ) разговоры и несогласія, видя что онъ многихъ преклонилъ въ своемъ смыслѣ, я рѣшительно пересталъ ѣздить, ибо много переносилъ и личныхъ неудовольствій, и на многія приглашенія не являлся, отзываясь болѣзнію отца моего (который подлинно былъ боленъ тогда въ Москвѣ). Но наконецъ дней десять спустя Охотниковъ убѣждаетъ меня, говоря, что меня начинаютъ явно подозрѣвать и поносить въ обществѣ (я старался узнать отъ него, на чемъ онѣ остановились теперь: все по старому не клеится наше преобразованіе, помнится, онъ сказалъ мнѣ). Я не помню собственно, что ему говорилъ, но въ томъ смыслѣ, что если онѣ захотятъ что-нибудь вводить противу принятаго я отойду: обѣщалъ ему пріѣхать въ назначенный день, и пріѣхавъ довольно рано, ихъ не много еще было. Этаго послѣдняго моего вечера я никогда не забывалъ и не забуду:—въ первой комнатѣ отъ гостиной слышу шумъ, а войдя застаю въ сильномъ спорѣ генерала Орлова съ Фонъ-Визинымъ, Якушкинымъ, Охотниковымъ и еще кто изъ кричавшихъ. Не бывши при самомъ началѣ спора, не знаю о чемъ, но догадываюсь явно, что Орловъ опровергалъ предположенія Фонъ-Визина и съ жаромъ, а какъ сего послѣдняго придержались съ нимъ живущія, и то въ ету минуту у него вырвалось съ неудовольствіемъ, что ето похоже на *заговоръ въ заговоръ*. Никогда не забывалъ етихъ словъ, ни тотчасъ же возникшаго моего разговора, ибо онъ же былъ и послѣдній. Какъ скоро попритихло, я отнесся къ Орлову въ етомъ смыслѣ, а можетъ и въ етихъ словахъ самыхъ, ибо онѣ не разъ и послѣ пробѣгались въ моемъ журналѣ (который и велъ у себя даже и на случай, если Общество не разрушится въ Москвѣ, то чтобъ было чѣмъ хотя нѣсколько уличить при обнаруженіи его). Говорю ему: „*я очень понялъ, что ваше превосходительство хотѣли сказать первымъ словомъ; но значенія втораго я не понимаю, къ чему вы примѣняете?*“ Ибо подлинно не трудно было постигнуть, что *первымъ* словомъ *заговоръ* Орловъ опредѣлилъ ясно партію Фонъ-Визина, которая жила подъ однимъ кровомъ, пила

и ѣла его хлѣбъ и соль—за одной съ нимъ трапезой, мыслила, судила и рѣшала по его мановенію, ибо онъ былъ и умнѣй и ревностнѣй всѣхъ, имѣлъ твердость во мнѣніяхъ постоянную и упорчивую. Одинъ Бурцовъ, сколько я его разумѣю, лежалъ всѣхъ ихъ слабѣе къ нему и на слово котораго надѣюсь въ увѣреніи объ уничтоженіи Общества и на формальное объявленіе, которое у него послѣ читалъ. *Я продолжалъ*: „изключите меня изъ Общества и называйте потомъ его, какъ хотите; къ нему не принадлежу ни записью, ни сердцемъ давно уже и ни чѣмъ". Обращаюсь къ Охотникову и говорю: „Ты меня пригласилъ отъ имени кого пріѣхать?—я уже десять дней, какъ не былъ, и потомъ что вхожу, такъ слышу подобныя слова". — Якушкинъ меня прервалъ и сказалъ тутъ, что давно уже *читаетъ на челѣ моемъ противное благу или успѣху Общества.* — Не помню навѣрное, кто именно изъ членовъ, не Тургеневъ ли или Охотниковъ, сказалъ, *что я слишкомъ литерально беру значеніе и особенно въ минуту еще горячихъ споровъ вырвавшихся*, что никакого заговора нѣтъ и что я вѣрно этаго и самъ не полагаю въ душѣ; — а что ето не первая подобная выходка моя съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ и которую относятъ многіе какъ придирку къ разрыву.—Помнится, я не полагалъ ничего подобнаго на *заговоръ*, да и мудрено было ему тогда составиться, когда ничто не ладилось къ начальному устройству еще Общества.

„Орловъ, который долго молчалъ и продолжалъ, кажется, не обращать вниманія на Фонъ-Визина, но наконецъ отвѣчалъ мнѣ въ подобномъ смыслѣ. „Знаете ли вы, г-нъ Комаровъ, вы которой такъ буквально все принимаете, что тайное общество—есть тотъ же заговоръ—то синонимы". И началъ мнѣ доказывать опредѣленіемъ словъ очень дѣльно. Я возражалъ ему, сколько могъ, и почьти въ етомъ смыслѣ и что мы можетъ сойдемся въ опредѣленіи словъ, но никакъ въ существости принятаго значенія ихъ. Наше Общество, по моему, какъ его я понимаю *порочно* только было скрытностію своей отъ правительства,— *заговоръ* можетъ быть различныхъ свойствъ и всегда несетъ съ собой мысль преступленія.

„Обращаясь тутъ ко многимъ, я сказалъ, что такая таинственность къ новому преобразованію Общества рѣшительно меня заставляетъ оставить его и теперь, чтобъ оно уничтожилось; Пестель только стремится принимать военныхъ, не смотря кто онѣ, и мнѣ передъ тѣздомъ изъ Тульчина поручалъ сказать ето членамъ (мнѣ странно было ето порученіе Пестеля, тогда какъ я въ душѣ моей однако и желалъ только не только военныхъ, но и статскихъ и всѣхъ привесть къ уничтоженію съ Обществомъ вмѣстѣ, или обнаружить его немедленно).

Послѣ сего разговора я незамѣтно вышелъ и уѣхалъ—съ тѣмъ, чтобъ и не быть никогда, а остальное извѣстно изъ перваго моего донесенія, что я приглашенъ былъ къ Ф. Визину послѣ для свѣдѣнія объ уничтоженіи Общества формальнымъ актомъ [1]). (Давнаръ—Запольскій.—Мемуары Декабристовъ. Кіевъ 1906 г. 32—36 стр. 42—45.). *Ред.*

[1]) Орѳографія сохранена подлинника. *Ред.*

Донесеніе слѣдственной комиссіи, говоря объ этомъ событіи сообщаетъ, что я, въ качествѣ предсѣдателя, объявилъ о закрытіи общества. Я не понимаю смѣшной напыщенности, съ которой донесеніе говоритъ о моемъ мнимомъ предсѣдательствѣ, и тѣмъ болѣе всѣхъ намековъ, приписывающихъ моему имени, или мнѣ самому такое большое значеніе, что будто многіе вступили въ общество только благодаря моему имени. Мнѣ важно только выяснить истину и потому, отказываясь отъ амбиціозной роли главы заговора, которую мнѣ хотѣла навязать дикая и безумная ненависть враговъ, я заявляю, что я не былъ предсѣдателемъ по той простой причинѣ, что на нашихъ собраніяхъ никогда не было предсѣдателей. Только въ томъ случаѣ, когда споры становились слишкомъ шумны и безпорядочны, просили кого нибудь немного руководить ими, и я часто бралъ на себя этотъ трудъ; такъ было и на послѣднемъ собраніи, на которомъ постановлено закрыть общество.

Между членами, рѣшившими это, нѣкоторые руководились только искреннимъ сознаніемъ его безполезности; у другихъ къ этому присоединялся еще страхъ за то, что правительство, узнавъ о существованіи тайныхъ обществъ, выслѣдитъ лицъ, собравшихся въ Москвѣ, и этотъ страхъ былъ не безъ основанія. Есть доказательства, что императоръ зналъ о существованіи въ Россіи тайныхъ обществъ и что ему даже были извѣстны нѣкоторые члены, имена которыхъ срывались въ минуты откровенности съ языка нѣкоторыхъ сановниковъ. Однако мы не особенно безпокоились, такъ какъ мы видѣли, что насъ рѣшительно никто не боялся, что однимъ изъ насъ было безразлично, а другимъ, можетъ быть, даже непріятно. Но всѣ мы, а также и не принадлежавшіе къ обществу, чувствовали, что правительство преувеличиваетъ его значеніе. Генералъ *** [1]), проѣзжавшій черезъ Москву на Кавказъ изъ Петербурга, чтобы принять тамъ командованіе арміей, сказалъ нѣкоторымъ изъ насъ:

„Императору извѣстно, зачѣмъ вы собрались сюда, но онъ думаетъ, что вы очень многочисленны; если бы онъ зналъ, какъ васъ мало, онъ можетъ быть рѣшился бы сыграть съ вами плохую шутку“ [2]).

---

[1]) Несомнѣнно Ермоловъ. *Ред.*

[2]) Объ отношеніи Александра къ тайнымъ обществамъ и доносамъ разскажемъ словами историка Шильдера:

„Немедленно по возвращеніи Императора Александра въ Царское Село (24-го мая (5-го іюня) 1821 г.) послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ поспѣшилъ къ нему въ Царское Село, чтобы довести до свѣдѣнія государя тайну, уже сколько мѣсяцевъ угнетавшую его страшною отвѣтственностью, и которую онъ никому не считалъ себя въ правѣ повѣрить. Тогда произошла слѣдующая замѣчательная сцена.

„Васильчиковъ сначала докладывалъ о текущихъ дѣлахъ. Государь сидѣлъ за письменнымъ столомъ, Васильчиковъ напротивъ. Окончивъ докладъ, онъ сказалъ государю, что имѣетъ передать ему доносъ о политическомъ заговорѣ, поданный ему во время отсутствія императора, незадолго до происшествія въ Семеновскомъ полку; вмѣстѣ съ тѣмъ Васильчиковъ представилъ приложенный къ доносу списокъ лицъ, участниковъ этого заговора. Государь, выслушавъ эти разоблаченія, которыя, повидимому, не были для него неожиданны, долго оставался задумчивымъ и безмолвнымъ, погрузившись въ глубокое и тихое размышленіе; потомъ онъ произнесъ по-французски слѣдующія слова, имѣющія важное историческое значеніе: „Дорогой Васильчиковъ, вы, который находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія“. Итакъ, вотъ на какомъ рѣшеніи остановился Императоръ Александръ: „не мнѣ подобаетъ карать“.

„Дѣйствительно, Александръ долженъ былъ признать, что стремленія тайныхъ обществъ не шли въ разрѣзъ съ его прежними убѣжденіями, и что, слѣдовательно, преслѣдовать членовъ этихъ обществъ значило бы преслѣдовать самого Александра 1801 и послѣдующихъ годовъ.

„Съ этого же времени въ рукахъ государя находилась еще записка о тайныхъ обществахъ генералъ-адъютанта А. Х. Бенкендорфа, занимавшаго тогда мѣсто начальника штаба Гвардейскаго корпуса. Въ этой запискѣ описаны существовавшія тогда въ Россіи тайныя общества съ такою точностью и вѣрностью, что почти все сказанное въ ней подтвердилось слѣдствіемъ 1826 г.; поэтому записка Бенкендорфа имѣетъ поразительное сходство съ извѣстнымъ донесеніемъ слѣдственной комиссіи, написаннымъ Блудовымъ. Такимъ образомъ, оказывается, что и въ 1821 г. императоръ Александръ уже имѣлъ въ рукахъ положительныя свѣдѣнія о заговорахъ, но не приступилъ къ обнаруженію ихъ, несмотря на то, что Бенкендорфъ назвалъ всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и далъ правительству указанія, по которымъ легко было своевременно предупредить готовившійся взрывъ съ меньшими жертвами, чѣмъ это оказалось нужнымъ впослѣдствіи. Послѣ кончины императора Александра записка Бенкендорфа была найдена безъ всякихъ помѣтокъ въ кабинетѣ государя въ Царскомъ Селѣ (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. IV. Спб. 1898 г., стр. 203—204).*

Для характеристики отношеній Александра къ тайнымъ обществамъ, приведемъ еще слова князя Волконскаго:

„Была молва, что всѣ вышеупомянутые доносы, имъ полученные, извѣстны были ему до отъѣзда изъ Таганрога и сильно взволновали его душу. Властелинъ не только Россіи, но частію и глава политическаго міра Европы, когда, какъ ему казалось, онъ обуздалъ въ Европѣ всѣ попытки къ перерожденію быта народовъ,—онъ былъ изумленъ, узнавъ, что горсть пылкихъ лицъ въ сердцѣ самой Россіи замышляла переворотъ. Былъ также слухъ, что онъ, разочарованный этимъ обстоятельствомъ, возымѣлъ мысль отреченія отъ престола; но что достовѣрно, это то, что полученные имъ доносы не были имъ никому сообщены, но онъ писалъ къ Аракчееву, вызывая его въ Таганрогъ, а этотъ,

Онъ часто видалъ императора въ Петербургѣ, и, считая его способнымъ на это, полагалъ, что онъ не приводитъ своего намѣренія въ исполненіе только по нежеланію примѣнить суровыя мѣры къ большому количеству людей. Я, со своей стороны, зналъ, что у императора были самыя фантастическія представленія о нашемъ обществѣ и что онъ вѣрилъ въ существованіе заговора, такъ что нѣкоторыя обстоятельства, сами по себѣ очень незначительныя, возбуждали въ немъ серьезныя опасенія. Однажды на дворцовой площади была найдена бумага, въ которой какой-то злой шутникъ, перечисляя неудовольствія русскаго народа противъ правительства, угрожалъ императору народной яростью, и это произвело на Александра сильнѣйшее впечатлѣніе. Я зналъ также, что императоръ подозрѣвалъ и меня въ крайнихъ взглядахъ, но для меня этого было недостаточно, чтобы бояться какого-нибудь самовольнаго, деспотическаго его поступка, во-первыхъ, потому, что я былъ слишкомъ высокаго мнѣнія объ императорѣ, а во-вторыхъ—что я былъ искренно убѣжденъ, что наше общество, къ счастію или къ несчастію, не заслуживаетъ гоненія.

Вотъ еще доказательство того, что правительство слѣдило за нами. Генералъ Михаилъ Орловъ, находившійся тогда въ Москвѣ, заявилъ совершенно неожиданно, что рѣшилъ выйти изъ нашего общества. Вскорѣ послѣ этого онъ намъ разсказалъ, что получилъ отъ своего брата, адъютанта императора, свѣдѣнія о нашихъ собраніяхъ, что, вѣроятно, способствовало его выходу.

Другимъ доказательствомъ того, что правительство тайно наблюдало за нашими собраніями, была подписка, открытая нами въ пользу голодающихъ крестьянъ Смоленской губ., подписка—совершенно чуждая нашему обществу. Нѣкоторые изъ насъ говорили объ этой подпискѣ московскому генералъ-губернатору и онъ очень охотно обѣщалъ намъ свое содѣйствіе, другіе написали своимъ друзьямъ въ Петербургъ, чтобы открыть и тамъ такую же подписку. Но въ этомъ городѣ подобный призывъ былъ понятъ и истолкованъ иначе: вмѣсто просимой помощи полученъ былъ совѣтъ не вмѣшиваться въ это дѣло; подобныя же инструкціи были посланы и московскимъ властямъ, и лишь потому, что инціатива подписки исходила отъ лицъ, подозрѣваемыхъ правительствомъ.

Однако, я повторяю, этотъ надзоръ мало безпокоилъ большую часть нашего общества и также мало вліялъ на его распаденіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могла явиться у насъ боязнь опасности? Члены общества давно уже знали, что не могли быть на хорошемъ счету у своихъ противниковъ, и если образовали

въ то время взбѣшенный убійствомъ дворней его любовницы, отклонился отъ немедленнаго выѣзда. *(Записки С. Г. Волконскаго. Изд. 2-ое 433 стр.) Ред.*

секретное общество, то именно для того, чтобы бороться съ ними. Они давно привыкли къ непріязни и даже ненависти людей, мнѣнія и принципы которыхъ были противоположны ихъ. Съ другой стороны они были увѣрены, что правительство не могло представить противъ нихъ никакого обвиненія по той простой причинѣ, что ихъ общество ничѣмъ не проявило себя.

Эти люди, какъ показали и послѣдующія событія, жестоко обманулись; но благородныя души всегда будутъ обманываться, пока на свѣтѣ существуютъ добрыя намѣренія—у однихъ и несправедливость—у другихъ.

Я открыто заявляю, что въ обществѣ господствовала самая строгая нравственность. Если жажда дѣятельности, скука отъ бездѣйствія иногда и вызывали у кого-нибудь изъ членовъ общества неосторожное или двусмысленное предложеніе, то большинство дружно возставало противъ: „Цѣль не оправдываетъ средства“ говорили они. Этотъ принципъ выставляли и противъ членовъ, которые, видя непреодолимыя затрудненія для всякой дѣятельности, рекомендовали занимать общественныя мѣста, чтобы тѣмъ дѣйствовать съ большей силой. На это могутъ замѣтить, что общество подобнымъ отношеніемъ само же себя обезсиливало. Я и не оспариваю этого,—но таковы были его принципы и это, по моему мнѣнію, дѣлаетъ недѣйствительными подобныя общества.

Чтобы извѣстить отсутствующихъ членовъ о мотивахъ закрытія, рѣшено было изложить ихъ въ запискѣ, составленіе которой было поручено мнѣ. Въ ней, насколько припоминаю, я старался показать, что при существующемъ порядкѣ въ Россіи благо можетъ быть достигнуто только личными усиліями; впрочемъ ничто не мѣшаетъ благонамѣренному человѣку съ однимъ или двумя изъ друзей достигать того, что они считаютъ полезнымъ для общества; что для этого можно дѣйствовать даже открыто на умы тѣхъ, съ кѣмъ приходится сталкиваться. Такъ какъ я всегда имѣлъ въ виду освобожденіе крѣпостныхъ, то я настойчиво указывалъ на пользу частичныхъ освобожденій ихъ отдѣльными владѣльцами. Въ этомъ тайна не только не необходима и не полезна, но и невозможна, а потому я показывалъ, что дѣятельность тайнаго общества, вмѣсто успѣха, можетъ скорѣе повредить выполненію спасительныхъ реформъ. Въ такомъ духѣ была составлена моя записка.

Съ нея было сдѣлано четыре копіи, предназначавшіяся для цѣлъ сосредоточенія членовъ только что закрытаго общества. Одну изъ нихъ я захватилъ въ Петербургъ, чтобы показать ее моимъ товарищамъ [1]). Одни изъ нихъ заявили, что записка кажет-

[1]) Южныхъ членовъ увѣдомилъ среди другихъ и кн. Волконскій; вотъ что онъ пишетъ по этому поводу:

„Рѣшено было коренными членами Московскаго конгресса закрыть

ся имъ недостаточной, другіе же просили ее у меня, чтобы показать непремѣнно желавшимъ вступить въ какое-нибудь тайное общество, и я исполнилъ ихъ просьбу. Впослѣдствіи оказалось, что эту записку разсматривали какъ программу общества. Съ этого времени я рѣшилъ никогда болѣе не присоединяться ни къ какому тайному обществу. Я удовольствовался личными трудами для распространенія идей, которыя я считалъ и всегда буду считать справедливыми, и провелъ на практикѣ то, что совѣтовалъ другимъ.

Одинъ изъ членовъ закрытаго общества послѣдовалъ моему совѣту и пытался освободить своихъ крѣпостныхъ. Имъ были приняты всѣ предписываемыя закономъ мѣры, однако мѣстныя власти отнеслись не очень сочувственно къ его намѣренію, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ этомъ добромъ дѣлѣ у министра внутреннихъ дѣлъ. Несмотря на всѣ хлопоты и его, и мои, проектъ встрѣчалъ нерасположеніе властей, какъ большихъ, такъ и малыхъ, и не имѣлъ успѣха.

совокупныя два общества, и къ этому рѣшенію присталъ и Орловъ. Я съ этой вѣстью прибылъ въ Кіевъ и сообщилъ оную Южной думѣ, но это положеніе не было принято ею, и положено было, почти единогласно, отдѣльно дѣйствовать по прежней программѣ, исключая Бурцова и Комарова, которые остались при рѣшеніи Московскаго конгресса. Въ Петербургѣ тоже положено было продолжать дѣйствовать, но отдѣльно, не въ связи съ Южной думой, а каждой порознь.

Съ этого времени Южная и Сѣверная думы поставили себѣ программы различныя. Южная—чисто демократическую, а Сѣверная—монархическую, конституціонную. Въ это же время положено было, что вареубійство должно быть въ Южной думѣ принято основнымъ праниломъ, какъ для старыхъ, такъ и при пріемѣ новыхъ членовъ. *Эта мѣра въ основаніи своемъ имѣла не безусловное приведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ предохранительнымъ средствомъ отъ удаленія членовъ изъ общества*: согласіе на такую мѣру не давало уже возможности къ выходу; удаленіе же изъ членовъ общества не уменьшало полной отвѣтственности за первоначальное согласіе. *Это изложеніе не есть вымыселъ, теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка; и это я высказываю по сущей истинѣ.*

Впослѣдствіи я и Василій Давыдовъ ежегодно въ декабрѣ ѣздили въ Петербургъ для совѣщаній съ Сѣверной думою, хотя дѣйствія ея членовъ не были по одной программѣ съ нами, а болѣе для собесѣдованія о дѣйствіяхъ каждой порознь; мы оба возвращались къ контрактамъ и давали отчетъ о нашихъ сношеніяхъ и о томъ, что узнавали, и о ходѣ дѣлъ Сѣвернаго Общества, и о дѣйствіяхъ въ отношеніи насъ правительства. У насъ на югѣ шло все дружно, и кромѣ значительной пропаганды въ окрестностяхъ нашего мѣстопребыванія, Южная дума вошла въ сношенія съ тайнымъ обществомъ „Соединенныхъ славянъ“, съ которымъ и соединилась, а затѣмъ вошла въ сношенія съ обществомъ польскимъ. *(Зап. С. Г. Волконскаго). Ред.*

Въ силу моей службы мнѣ часто приходилось хлопотать объ освобожденіи отдѣльныхъ крестьянъ, а иногда даже цѣлыхъ общинъ; я не пропускалъ ни одного случая и всѣ дѣла этого рода, представлявшіяся въ Государственный Совѣтъ, благодаря моимъ усиліямъ увѣнчивались успѣхомъ. Въ то же время я составлялъ въ пользу освобожденія то записки для представленія государю, то проекты закона для Государственнаго Совѣта.

Вспоминая теперь о засѣданіяхъ департамента, въ которомъ я былъ статсъ-секретаремъ, я нахожу въ нихъ сходство съ засѣданіями „Союза благоденствія“. Среди докладываемыхъ мною дѣлъ разговаривали на политическія темы. Чаще всего приходилось разговаривать съ адмираломъ Мордвиновымъ, предсѣдателемъ департамента и графомъ Потоцкимъ; добрый адмиралъ не признавалъ рабство большимъ зломъ, но возставалъ съ благородным и горячимъ негодованіемъ противъ неограниченной царской власти. Я же изъ-за уничтоженія крѣпостного права мирился даже съ этой властью, если бы она освободила страну отъ чудовищной эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. „Нѣтъ, возражалъ адмиралъ, начать слѣдуетъ съ трона, а не съ крѣпостныхъ. Пословица говоритъ, что лѣстницу метутъ сверху“.—„Прекрасно, метите, если вы можете! Вы этого не можете,—такъ работайте для освобожденія, это въ вашей власти. Вы владѣете крѣпостными—освободите ихъ. Развѣ лучше не дѣлать ничего только потому, что нельзя сдѣлать все!“ Но всѣ эти аргументы не трогали адмирала; онъ былъ честный, добрый, просвѣщенный и образованный, но, по моему, рабство его мало возмущало, хотя я увѣренъ, что онъ никогда не отказался бы способствовать освобожденію крестьянъ, если бы правительство этого серьезно пожелало. Со своей обычной мягкостью и добротой онъ говорилъ иногда мнѣ: „на вашъ взглядъ всѣ крѣпостные—святые, а всѣ владѣльцы — тираны“. — „Приблизительно — такъ“ — отвѣчалъ я серьезно.

Иногда мы бесѣдовали объ иностранной литературѣ и тогда въ разговоръ вступалъ графъ Потоцкій—человѣкъ очень просвѣщенный и читавшій на всѣхъ языкахъ. Однажды среди новыхъ книгъ онъ принесъ намъ стихотворенія Байрона—„Бронзовый вѣкъ“ и я прочелъ ихъ во время засѣданія. Совѣтъ собрался тогда во дворцѣ, въ двухъ шагахъ отъ кабинета императора. Что сказалъ бы Его Величество, если бы зналъ, что только стѣна отдѣляла отъ него его совѣтниковъ, забавлявшихся чтеніемъ сатиры, гдѣ можетъ быть не была пощажена и его персона? Вотъ цѣнность цензорскихъ запрещеній!

Я началъ свою карьеру въ Государственномъ Совѣтѣ службой въ департаментѣ общественной экономіи, гдѣ обсуждались всѣ финансовыя дѣла. Члены департамента находились постоянно въ несогласіи съ министромъ финансовъ, поэтому его проекты строго кри-

тиковались или даже отвергались. Въ общемъ собраніи Совѣта эта оппозиція еще болѣе усиливалась; адмиралъ Мордвиновъ стоялъ во главѣ партіи, оппозиціонной мѣрамъ и системѣ министра. Послѣдній избѣгалъ, насколько могъ, посѣщать засѣданія Совѣта, внутренно чувствуя себя не въ силахъ бороться съ адмираломъ, обладавшимъ на ряду съ глубокимъ знаніемъ экономическихъ наукъ даромъ красиво и логично излагать свои мысли. Адмиралъ часто писалъ самъ доклады по финансовымъ вопросамъ, и его работы, замѣчательныя своею ясностью, краснорѣчивымъ, сильнымъ, выдержаннымъ стилемъ, за неимѣніемъ печатнаго журнала, переписывались въ сотняхъ копій и расходились въ публикѣ. Его рѣчи въ общемъ собраніи Совѣта всегда отмѣчались умѣренностью и крайней вѣжливостью, что нисколько не отнимало у нихъ силы и твердости.

Однако адмиралъ, несмотря на поддержку безусловнаго большинства въ Совѣтѣ и сочувствіе общественнаго мнѣнія, насколько это возможно въ Россіи, долженъ былъ пасть въ борьбѣ съ противникомъ, который, въ качествѣ министра финансовъ, пользовался большимъ вліяніемъ у императора: онъ обладалъ величайшимъ аргументомъ: „Если вы откажете мнѣ въ новомъ налогѣ, или принятіи этой мѣры, я не смогу удовлетворить требованіямъ военнаго министерства, чтобы поддерживать армію въ ея настоящемъ состояніи“. Вѣроятно, этотъ же аргументъ онъ представлялъ и императору, который считалъ его непреодолимымъ. Результатомъ борьбы между Совѣтомъ и министромъ финансовъ, вслѣдствіе поддержки императора, было лишеніе Совѣта права разсматривать важнѣйшіе финансовые вопросы. Съ этихъ поръ, министръ всякую важную мѣру сначала представлялъ государю и, уже получивъ высочайшее одобреніе, вносилъ ее въ Совѣтъ. Такимъ образомъ функціи послѣдняго мало-по-малу свелись къ простой регистраціи постановленій министерства финансовъ.

Эта борьба имѣла и другое важное послѣдствіе.—Главные члены департамента экономіи, видя безполезность своихъ стараній, ушли, а Мордвиновъ, бывшій предсѣдателемъ, попросился въ отпускъ за границу. Этимъ случаемъ воспользовались, чтобы его замѣнить, и назначили ему преемникомъ графа Головина, стараго друга министра финансовъ. Прежде онъ былъ очень хорошо принятъ при дворѣ, но, не имѣя достаточно ловкости, чтобы удержать за собою милость, былъ оттуда отдаленъ, тогда и его друзья удалились отъ него. Въ Россіи теряя милость при дворѣ, теряютъ все и прежде всего расположеніе придворныхъ. Въ описываемое мною время графъ снова вошелъ въ милость у государя.

Головинъ далеко не обладалъ просвѣщеніемъ и познаніями своего предшественника; онъ былъ вельможа и имѣлъ всѣ ка-

чества и недостатки этихъ людей. Однако онъ увѣрялъ въ своей самостоятельности и твердомъ рѣшеніи дѣйствовать только по собственному убѣжденію. Я вѣрю, что его намѣренія были честны и раболѣпство не было въ его характерѣ, но, въ противоположность старому адмиралу, онъ былъ совсѣмъ неопытенъ, и къ тому же не очень дорожилъ своими сослуживцами, хотя наиболѣе важные изъ нихъ уже покинули департаментъ и были замѣнены другими. Какъ потомъ признавался онъ, что, считая меня слишкомъ привязаннымъ къ прежнему предсѣдателю, онъ не довѣрялъ мнѣ, однако вскорѣ сошелся со мной и осыпалъ меня любезностями, доказательствами расположенія и полнаго довѣрія. Онъ имѣлъ достаточно искренности, чтобы сознаться, при первомъ же серьезномъ дѣлѣ, что онъ ровно ничего въ немъ не понимаетъ и сдѣлаетъ такъ, какъ я ему посовѣтую. „Богъ васъ накажетъ, сказалъ онъ, если вы меня обманите. Пусть отвѣтственность за мои мнѣнія и мои взгляды лежитъ на васъ“.—„Я согласенъ, отвѣчалъ я, довѣряйте мнѣ, и вы въ этомъ никогда не раскаетесь; все пойдетъ, какъ нельзя лучше“. Въ дѣйствительности обычныя дѣла шли, какъ и прежде. Что же касается важныхъ дѣлъ, какъ напр. бюджетъ, новыя финансовыя мѣры, установленіе новыхъ налоговъ, то они такъ же, какъ и прежде, продолжали поступать въ сенатъ заранѣе рѣшенными, т.-е. одобренными императоромъ.

Графъ Головинъ не удовольствовался нашими встрѣчами въ Совѣтѣ, а непремѣнно хотѣлъ ввести меня въ свою семью. Но это было не очень легко, такъ какъ тогда я жилъ болѣе уединенно, чѣмъ когда-либо, и не поддерживалъ даже немногихъ знакомствъ, которыя имѣлъ. Однако онъ все-таки увелъ меня почти силой послѣ одного засѣданія Совѣта къ себѣ обѣдать. Онъ былъ, какъ я уже сказалъ,—большой баринъ, одинъ изъ послѣднихъ русскихъ вельможъ. Его домъ, я думаю, былъ единственнымъ въ то время, гдѣ всегда бывали роскошные обѣды. Графъ, по примѣру прежнихъ бояръ, не приглашалъ обѣдать въ назначенный день, а просто говорилъ: „У меня обѣдъ въ такомъ-то часу“; двѣнадцать приборовъ были накрыты каждый день для гостей, всегда радушно принимаемыхъ; столъ, подъ наблюденіемъ француза, былъ всегда изысканный, вина превосходны, все подавалось въ изобиліи и самаго лучшаго качества.

Служа въ Государственномъ Совѣтѣ, я получилъ предложеніе отъ министра финансовъ черезъ его зятя, графа Несельроде, перейти въ его министерство, меня приглашали туда еще послѣ моего перваго возвращенія въ Россію.

Графъ Несельроде зналъ меня мало,—ему послѣ отставки Штейна я посылалъ свои доклады по ликвидаціи, возложенной на меня въ Германіи; онъ представлялъ ихъ императору, рѣшенія котораго возвращалъ мнѣ. Я могу засвидѣтельствовать любез-

ность графа, проявившуюся даже въ незначительныхъ нашихъ сношеніяхъ. Когда онъ передалъ мнѣ горячее желаніе своего тестя, я откровенно отвѣтилъ, что вопросы государственнаго хозяйства и финансы были всегда предметомъ моихъ занятій, и что я готовъ принять предлагаемое мѣсто. Это было управленіе канцеляріей министерства, гдѣ были сосредоточены дѣла по кредиту, какъ внутреннему, такъ и внѣшнему.

На другой день графъ сообщилъ мнѣ, что министръ проситъ явиться къ нему. Безъ всякаго предубѣжденія противъ министра я отправился по приглашенію. Онъ же, вѣроятно, предполагая во мнѣ нѣкоторую враждебность, при видѣ меня поднялся навстрѣчу и, обнимая, сердечно сказалъ, что слѣдуетъ забыть прошлое, на что я отвѣтилъ ему, что мнѣ рѣшительно нечего забывать. Министръ разсказалъ немного о текущихъ дѣлахъ моей канцеляріи, а болѣе о чрезвычайныхъ работахъ, которыми просилъ меня заняться. Во время этого свиданія я замѣтилъ, что при моемъ входѣ министръ читалъ или дѣлалъ видъ, что читаетъ номеръ „La Minerwe“, интересный благодаря статьямъ Бенжамена Консмана. Тогда я это находилъ вполнѣ естественнымъ даже для русскаго министра, теперь же, вспоминая различные эпизоды того времени, я думаю, что министръ не столько интересовался „La Minerwe“, сколько хотѣлъ показать мнѣ, что онъ читаетъ этотъ журналъ.

Много разъ слыхалъ я отъ высокопоставленныхъ особъ очень пріятныя для меня рѣчи; одинъ хвалилъ конституцію свободныхъ странъ, другой, что меня особенно располагало, возмущался крѣпостнымъ правомъ. Одинъ даже незнакомый мнѣ вельможа, узнавъ, что я порицалъ его продажу земли, а вмѣстѣ съ ней и людей, оправдывался на четырехъ страницахъ письма, что онъ не могъ поступить иначе, а впослѣдствіи явился ко мнѣ и лично объяснялъ дѣло.

Вотъ другой эпизодъ въ этомъ же родѣ. Графъ Толстой, человѣкъ знатный, благородный и очень честный, сумѣвшій съ достоинствомъ нести трудный постъ посла при Наполеонѣ послѣ Тильзитскаго мира, разговаривая въ 1815 г. со мной въ Нанси о Хартіи, хвалилъ представительный образъ правленія и выражалъ желаніе видѣть конституцію въ Россіи, которая избавила бы нашу страну отъ царившаго въ ней деспотизма и произвола; я очень хорошо помню эти его слова, впослѣдствіи же онъ запятналъ свое имя, фигурируя въ числѣ судей процесса 1826 г. Что можно сказать о порядкѣ, при которомъ даже уважаемые люди становятся участниками подобныхъ гнусныхъ поступковъ!

Даже великій князь Константинъ пріятно удивилъ меня своими разговорами со мной объ обращеніи съ солдатами. Онъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ во время моего пребыванія въ этомъ городѣ, и я отправился съ другими русскими поздравить его съ при-

бытіемъ. Здѣсь я въ первый разъ видѣлъ его вблизи и репутація, которой онъ пользовался, дѣлала для меня этотъ визитъ очень тягостнымъ. Сюда онъ пріѣхалъ для своей жены и долженъ былъ очень скучать, не имѣя солдатъ для обученія. Иногда вечеромъ, замѣтивъ меня сидящимъ на скамейкѣ у моего дома, онъ подходилъ ко мнѣ; я говорилъ съ нимъ настолько искренно, насколько это было возможно съ подобнымъ человѣкомъ, и былъ въ восхищеніи, находя его мягкимъ, умѣреннымъ и разсудительнымъ. Къ тому же ему безусловно нельзя было отказать въ умѣ. Удивленіе было обоюдно, такъ какъ и онъ, какъ мнѣ разсказывали, былъ очень доволенъ нашимъ знакомствомъ, не видя во мнѣ ожидаемаго, яраго революціонера. Правда, позже онъ отрекся отъ этого, и въ 1826 году жалѣлъ, что я еще не повѣшенъ!

Что значили эти любезности, это желаніе нравиться? Я думаю, что въ дѣйствительности это была просто привычка придворной жизни. Люди этой сферы всегда стараются нравиться, если это ихъ ни къ чему не обязываетъ. Быть можетъ, въ этомъ проявлялось уваженіе, которое эгоизмъ изъ лицемѣрія оказываетъ безкорыстію, дурныя страсти—противоположнымъ чувствамъ. Вынужденные голосомъ совѣсти признать свободу, достоинство и честь великими и прекрасными вещами, придворные превозносятъ ихъ, лишь когда говорятъ съ человѣкомъ, который ставитъ эти качества выше всего на свѣтѣ.

Но возвратимся къ моей службѣ. По отдѣлу внутренняго кредита учреждалась новая отрасль: ссуды частнымъ лицамъ, сдѣланныя правительствомъ въ разное время, по личному приказанію императора. Въ этихъ дѣлахъ царилъ полнѣйшій безпорядокъ и, чтобы разобрать ихъ, было рѣшено соединить всѣ въ одно управленіе, и ускорить, если это возможно, взысканіемъ выданныхъ заимообразно суммъ, превышавшихъ пять милліоновъ рублей; однако достичь этого было почти невозможно. Должники, пользовавшіеся у императора довѣріемъ, чтобы получить заемъ, умѣли сохранять его и для избавленія отъ уплаты.

Въ другихъ случаяхъ суммы давались заимообразно для развитія фабрикъ и всякаго рода мануфактуръ, но фабриканты, по обыкновенію, благодаря своимъ предпріятіямъ разорялись и взыскивать съ нихъ исчезнувшую такимъ образомъ ссуду было слишкомъ жестоко. Самыми исправными должниками были крестьяне, которымъ государь далъ четыре или пять милліоновъ рублей для выкупа изъ рабства.

Несмотря на очевидные убытки для казны отъ этихъ долговъ, просьбы и пожалованія постоянно возобновлялись. Вліяніе министра здѣсь ничего не значило: обращались прямо къ государю, который никогда не умѣлъ отказывать. Такимъ образомъ въ мое время князь Р-кій, только что бывшій посломъ въ Вѣнѣ

и на различныхъ конгрессахъ, получилъ отъ казны нѣсколько милліоновъ рублей подъ очень сомнительное обезпеченіе своихъ земель. На этотъ разъ по крайней мѣрѣ открыто условились, что взносъ процентовъ и погашеніе долга должны начаться только послѣ смерти заемщика.

Я наблюдалъ курьезные случаи съ подобнаго рода просьбами. Я помню два письма, написанныя одной знатной дамой — одно къ государю, а другое — къ министру; она просила о ссудѣ двухъ милліоновъ рублей, чтобы заплатить долги своего мужа, главнаго адъютанта государя. Въ письмѣ къ императору въ выраженіяхъ чувствовалась гордость, свойственная характеру этой дамы; письмо же къ министру, наоборотъ, было болѣе чѣмъ почтительнымъ, прямо унизительнымъ. Умная женщина, искусная просительница, писала каждому въ томъ духѣ, который обѣщалъ ей болѣе успѣха.

Въ числѣ суммъ, проходящихъ чрезъ мое отдѣленіе, были уплаты военной контрибуціи Франціей союзнымъ державамъ; министръ всегда строго слѣдилъ за срокомъ ихъ платежей. Это являлось случайнымъ доходомъ и при хорошемъ государственномъ хозяйствѣ его употребили бы на чрезвычайныя нужды государства, или на уплату военныхъ издержекъ, какъ это сдѣлала Австрія [1]). Однако я съ болью видѣлъ, что имъ покрывались текущіе расходы, или затыкались дыры въ бюджетѣ, дѣлавшіяся по капризу или маніи расточительности. Значительная часть денегъ пошла на покупку въ Англіи сукна для царской гвардіи; другая же часть—на устройство или скорѣе на украшеніе польской арміи и города Варшавы. Вообще на это русская казна уплачивала ежегодно Польшѣ семнадцать милліоновъ. Я предвидѣлъ затрудненіе министра удовлетворить всѣмъ требованіямъ императора, когда прекратится поступленіе денегъ изъ Франціи, и не ошибся: причиной паденія министра было недостаточное стараніе доставить нѣсколько милліоновъ голодающихъ или скорѣе невозможность удовлетворить желаніе государя по этому поводу.

Спустя нѣкоторое время послѣ моего поступленія въ министерство финансовъ, министръ просилъ меня заняться проектомъ о пошлинахъ и гербовомъ сборѣ, которые онъ уже давно хотѣлъ возстановить на новыхъ основаніяхъ. Это не входило никоимъ образомъ въ вѣдѣніе моего отдѣленія, но для нихъ-то и пригласили меня въ министерство финансовъ. Министръ сообщилъ мнѣ различныя, имъ собранныя, сочиненія по этому предмету, работы

---

[1]) Большая часть (50 милліоновъ флориновъ) фонда погашенія, назначеннаго для уплаты общественнаго долга въ Австріи, покрывалась суммами, уплачиваемыми Франціей въ силу договора 1815 г.

и даже начатые проекты. Я принялся за дѣло. Сочиненія, сообщенныя мнѣ министромъ, были полезны, главнымъ образомъ написанныя о Россіи, но скоро я убѣдился, что основаніе своей работы я долженъ заимствовать изъ французскаго законодательства. Краткость и ясность его заставляютъ занимающихся въ Россіи преобразованіемъ въ управленіи или законодательствѣ, предпочесть законы французскіе передъ германскими.

Эта работа очень утомляла меня, однако, благодаря большому числу подчиненныхъ, искавшихъ и собиравшихъ справки, я могъ окончить ее въ короткій срокъ, принимая въ соображеніе важность работъ. Одна изъ главъ устава стоила мнѣ многихъ безсонныхъ ночей, соображеній и заботъ, такъ какъ я не желалъ написать ужасныхъ, возмущавшихъ меня, словъ, безъ которыхъ, впрочемъ, моя работа не имѣла практическаго результата. Дѣло въ томъ, что стоимость барскихъ земель въ Россіи оцѣнивалась по количеству крѣпостныхъ, причисленныхъ къ нимъ [1]). Она зависѣла также и отъ количества земли и дохода, который послѣдняя приносила или могла приносить; но послѣдніе разсчеты дѣлались только покупателемъ и продавцомъ. На основаніи ихъ они опредѣляли обыкновенно цѣну душъ, повышая или понижая ее, такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы сказать:—такой-то помѣщикъ пользуется такимъ-то доходомъ,—въ Россіи говорятъ:—такой-то помѣщикъ владѣетъ столькими-то душами; государственные банки, давая ссуды землевладѣльцамъ, дѣлали оцѣнку по той же системѣ, т.-е. руководясь количествомъ душъ. Не имѣя возможности уничтожить эту ненормальность, я самъ не хотѣлъ пользоваться ею: мнѣ не позволяла совѣсть употреблять столь низкія выраженія.

Впослѣдствіи я хотѣлъ измѣнить оцѣнку имѣній, сообразно ихъ дѣйствительной стоимости, по доходу, получаемому съ нихъ, а не съ людей. Для этого я хотѣлъ ввести кадастровыя вычисленія, т.-е. оцѣнку, производимую не правительствомъ, а, если это возможно, сосѣдями, жителями деревень, уѣзда, или губерніи, смотря по обстоятельствамъ. Излишне говорить, что въ Россіи нельзя было и думать о введеніи кадастра иностранныхъ державъ. Мнѣ казалось, что возможно точная оцѣнка земельной собственности должна была имѣть огромное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Самой необходимой финансовой реформой для Россіи была, безъ сомнѣнія, отмѣна подушной подати и замѣна ея земельнымъ налогомъ, и она упростилась бы при извѣстности дѣйствительной стоимости имѣній; поэтому я искалъ средства заинтересовать самихъ владѣльцевъ своимъ планомъ. Я хотѣлъ, чтобы они получили выгоду отъ справедливой взаимной оцѣнки своихъ имѣній еще и по многимъ другимъ причинамъ.

---

1) Въ то время законъ оцѣнивалъ душу въ 400 р.; право внесенія въ россію было назначено по 4 р. съ каждой души.

Въ своемъ проектѣ я предлагалъ учредить во всѣхъ губернскихъ городахъ „*оцѣночные комитеты*“ изъ выборныхъ отъ землевладѣльцевъ. Со стороны правительства въ нихъ долженъ былъ войти только коммиссаръ или прокуроръ для наблюденія за правильностью оцѣнокъ. Я не хотѣлъ, чтобы оцѣнка имѣній была обязательна для владѣльца; онъ могъ обратиться въ комитетъ и, представивъ туда всѣ необходимые документы для оцѣнки своего имѣнія, требовать, въ случаѣ надобности, экспертизы, участія въ преніяхъ и дать, наконецъ, свое согласіе съ оцѣнкой. Многіе помѣщики закладывали свои земли въ государственныхъ банкахъ; формальности при этомъ были столь же многочисленны, сколько тяжелы: я освобождалъ отъ этого тѣхъ, которые представляли свидѣтельство „оцѣночнаго комитета“ о дѣйствительной стоимости своихъ имѣній. Избавляясь отъ затратъ и непріятныхъ формальностей, они получали и большую ссуду, такъ какъ банки въ виду сомнительности подушной оцѣнки земли, чтобы гарантировать себя отъ возможныхъ убытковъ, обыкновенно чрезмѣрно понижали сумму, выдаваемую подъ закладъ „душъ“. При этомъ, если владѣлецъ, чтобы избавиться при продажѣ отъ налоговъ, предпочиталъ низшую оцѣнку своей земли, то съ другой стороны онъ меньше получалъ при залогѣ ея въ государственномъ банкѣ. А такъ какъ заклады въ банкахъ были такъ же часты, какъ и продажи, то можно было надѣяться, что, въ общемъ, оцѣнки не будутъ ниже дѣйствительной стоимости имѣній. Въ интересахъ каждаго было наблюдать за правильностью оцѣнокъ еще и потому, что со временемъ земельныя подати должны были бы быть разложены соразмѣрно ихъ. Дѣйствительность этимъ оцѣнкамъ я думалъ сохранить на пятнадцать лѣтъ и уже не болѣе двадцати пяти.

Какъ обыкновенно, по мѣрѣ моей работы надъ проектомъ земельной оцѣнки, я все болѣе находилъ средствъ для упорядоченія и улучшенія финансовъ страны. Мнѣ казалось даже, что при его помощи можно будетъ свободно ввести налогъ на собственность или доходы. Такой налогъ во всѣхъ государствахъ могъ бы замѣнить, какъ для казны, такъ и для плательщиковъ, многочисленныя и разорительныя обложенія, бо́льшая часть которыхъ поглощалась расходами по сбору.

Чтобы упростить переходъ отъ поудшной подати къ поземельному налогу, можно было бы для начала опредѣлить сумму налога для каждой губерніи или провинціи въ размѣрѣ, получаемаго отъ подушной подати. Предположимъ, что такая-то губернія обязана собрать подушной подати милліонъ рублей; можно перенести его съ обложенія „головъ или душъ“ на обложеніе земельныхъ населенныхъ участковъ по оцѣнкѣ „оцѣночнаго комитета“, получивъ его съ платившихъ до сихъ поръ подушную подать. Землевладѣльцы, не дворяне, которыхъ, впрочемъ, было

очень мало, должны были оцѣнивать свои имѣнія, какъ и дворяне. Оцѣнка государственныхъ земель должна производиться представителями отъ живущихъ на нихъ крестьянъ или чиновниками, управлявшими ими; прокуроръ и департаментъ финансовъ должны были заботиться объ интересахъ этихъ крестьянъ. Мѣщане и платящіе подушную подать горожане легко могли быть подвергнуты другому обложенію, такъ, напримѣръ, платой за патентъ, въ размѣрѣ отмѣненной подушной подати. Въ будущемъ было бы возможно для размѣра поземельнаго дохода составить таблицу, чего никакъ нельзя достигнуть съ подушной податью. Нищета бѣдняковъ показывала бы тогда размѣръ обложенія болѣе состоятельныхъ.

Кромѣ указанныхъ преимуществъ, отмѣна подушной подати представляетъ много другихъ существенныхъ удобствъ мѣстнаго свойства. Она облегчаетъ передвиженіе отдѣльнымъ крестьянамъ, которые, въ силу личнаго обложенія, испытываютъ много затрудненій, отправляясь куда-нибудь на заработки. Кромѣ того,—что особенно важно,—отмѣна подушной подати уничтожила бы одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій къ освобожденію крестьянъ. Я ясно видѣлъ, что все сказанное мной объ упорядоченіи пошлинъ и гербоваго сбора покажется, такъ называемымъ практикамъ, утопіей или хуже того, поэтому я постарался изложить свои мысли какъ только могъ просто. Къ счастію мнѣ очень помогло муниципальное законодательство Екатерины II, которое могло бы имѣть гораздо болѣе значенія, чѣмъ имѣло въ дѣйствительности.

Эта часть моего проекта, надъ которой я работалъ съ особенной любовью, такъ какъ трудился во имя святого принципа, стала очень объемиста: она почти равнялась трети всего проекта о пошлинахъ и сборахъ.

Онъ дѣлился на двѣ части; въ одной изъ нихъ перечислялись предметы, подлежащіе обложенію, и помѣщалась таблица обложенія, а вторая указывала способъ взиманія налоговъ и содержала инструкціи для вновь учрежденныхъ должностей. Позже всѣ новыя правила стали составляться по этой формѣ.

Представляя свой проектъ министру, я сказалъ ему, что оставилъ незаполненнымъ одинъ параграфъ, гдѣ можетъ возникнуть вопросъ объ установленіи цѣны на человѣческую душу, и просилъ составить его по его усмотрѣнію, представивъ одновременно особую работу по этому вопросу. При видѣ проекта министръ выразилъ свое удовольствіе, но, кажется, не понялъ мотива, побудившаго меня составить дополненіе. Не ожидая никакихъ результатовъ отъ добавленія и не придавая никакой цѣны основному проекту, какъ направленному только къ обезпеченію дохода казнѣ, я не думалъ ни о томъ, ни о другомъ, какъ вдругъ узнаю, что министръ поручилъ одному чиновнику министерства

составить проектъ о „явочныхъ пошлинахъ и гербовомъ налогѣ“, сообщивъ ему всѣ прежнія работы по этому вопросу, въ томъ числѣ и мою. Мое авторское самолюбіе не было бы задѣто этимъ, если бы я тогда же не узналъ, что министръ приступилъ къ обсужденію моего проекта съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей. Поручая же мнѣ работу, онъ обѣщалъ обсудить ее „въ моемъ присутствіи“, поэтому я счелъ это нарушеніемъ добровольно даннаго слова. Можетъ быть онъ желалъ лучше убѣдиться въ достоинствѣ моей работы, и поэтому поручилъ ее послѣдовательно нѣсколькимъ лицамъ, такъ какъ для личной оцѣнки у него не было ни времени, ни необходимыхъ для того средствъ, но какъ бы тамъ ни было, я увидѣлъ въ этомъ поступкѣ, если и не обиду, то недостатокъ уваженія къ себѣ, и потому при первой же встрѣчѣ съ министромъ, закончивъ свой докладъ, подалъ ему просьбу объ отставкѣ. Сначала онъ очень смутился и даже растерялся, но, скоро овладѣвъ собой, спросилъ меня, какъ мнѣ показалось, съ досадой, не занятія ли въ Государственномъ Совѣтѣ мѣшаютъ мнѣ оставаться при министерствѣ финансовъ? Я отвѣтилъ, что нѣтъ, и онъ больше не разспрашивалъ меня о мотивахъ моего поступка, я же не считалъ нужнымъ объяснять ихъ.—„Хорошо, сказалъ онъ, я отошлю вашу отставку императору“, и я оставилъ его на этотъ разъ навсегда.

Общество не понимало моего поступка, а чиновники не понимали, какъ могъ я съ легкимъ сердцемъ оставить мѣсто, котораго такъ добивались другіе, напередъ видя всѣ милости и награды императора, которыя могущественнѣйшій изъ министровъ изливалъ дождемъ на протежируемыхъ имъ подчиненныхъ. Князь Нессельроде, узнавъ истинную причину моей отставки, увѣрялъ меня, что министръ нисколько не желалъ сдѣлать мнѣ непріятное, даже не подозрѣвалъ мотива моего ухода и, только видя мою гордость, не просилъ взять назадъ отставку. Виной всему, добавилъ онъ, были окружающіе его, такъ какъ они должны были при обсужденіи моего проекта предупредить министра, что я долженъ обязательно присутствовать при этомъ.

Конечно, я безъ удовольствія оставлялъ министерство финансовъ. Въ матеріальномъ отношеніи это было безусловно жертвой. Но, не заключая компромиссовъ съ совѣстью, я былъ особенно остороженъ съ начальствомъ и всѣ свои обязанности по службѣ исполнялъ всегда съ большимъ усердіемъ и тщательностью, чѣмъ легко достигалъ того, что мои начальники нуждались во мнѣ больше, чѣмъ я въ нихъ. Мягкій и не требовательный къ подчиненнымъ, я держался съ начальствомъ такъ, чтобы оно относилось ко мнѣ съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, такъ что мнѣ никогда не приходилось ни отъ одного изъ двухъ министровъ ни выслушать неудовольствія, ни даже замѣтить неодобрительнаго взгляда.

Оставляя министерство, я далеко не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій моего поступка. Министръ былъ всемогущъ у государя, какъ обыкновенно всѣ министры финансовъ при самодержцахъ; онъ также пользовался высокимъ положеніемъ въ высшей части общества, въ такъ называемомъ „большомъ свѣтѣ“; его домъ былъ почти первымъ въ Петербургѣ, гдѣ ежедневно собирались придворные, дипломаты и высшіе сановники; его жена, умѣвшая ловко поддерживать довѣріе къ своему мужу, представляла родъ власти, которую нельзя было не признавать, не рискуя подвергнуться опасной мести; его дочь, которая была замужемъ за княземъ Нессельроде, была извѣстна своимъ вліяніемъ въ обществѣ. Въ Россіи, гдѣ все происходитъ таинственно, при помощи интригъ, гдѣ свѣтъ гласности освѣщаетъ только результаты, никогда не проникая до причинъ, репутація человѣка зависитъ не столько отъ него самого, сколько отъ его покровителей. Мое поведеніе въ обществѣ, безъ сомнѣнія, давало достаточно поводовъ считать меня либераломъ, противникомъ крѣпостного права, но никакъ не ярымъ якобинцемъ, однако, благодаря всякаго рода преувеличеніямъ и стараніямъ женъ обоихъ министровъ, я прослылъ таковымъ.

Одно обстоятельство возбудило и обнаружило ненависть ко мнѣ семейства министра, которая (ненависть) съ тѣхъ поръ стала меня преслѣдовать, и которая при одномъ моемъ имени приводила въ бѣшенство ихъ придворный патріотизмъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, на свѣтѣ не было революціонеровъ опаснѣе меня. Дѣло въ томъ, что послѣ моего ухода изъ министерства въ Государственный Совѣтъ былъ представленъ проектъ о явочной пошлинѣ и гербовомъ налогѣ. Я поспѣшилъ объявить въ департаментѣ, что отказываюсь отъ доклада о немъ и участія въ преніяхъ, объяснивъ мотивы, по которымъ я оставилъ министерство, и предвидя, что проектъ не встрѣтитъ сочувствія ни у департамента, ни тѣмъ болѣе у его президента, Мордвинова [1]); я тѣмъ болѣе не могъ быть критикомъ проекта, что онъ по существу почти не отличался отъ моего, только была повышена расцѣнка, увеличено число предметовъ обложенія и усилена строгость по взиманію налоговъ; кромѣ того были добавлены мѣры фискальнаго свойства,—онѣ-то и вызвали особенно рѣзкую критику Государственнаго Совѣта. Безполезно добавлять, что параграфъ, оставленный мной не заполненнымъ, былъ восполненъ безъ всякихъ затрудненій и что не возникло даже никакого разговора о моемъ дополненіи.

Мордвиновъ прекрасно понялъ мой отказъ и заявилъ, что самъ сдѣлаетъ докладъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, посвя-

[1]) Адмиралъ Мордвиновъ былъ въ то время президентомъ гражданскаго департамента. Проектъ обсуждался двумя департаментами—только что названнымъ и общественно-экономическимъ.

щенныхъ чтенію и легкому обсужденію проекта, рѣшили его отклонить во всѣхъ частяхъ. Адмиралъ не могъ напасть на принципъ гербоваго налога и явочной пошлины, потому что такое обложеніе уже существовало, но онъ горячо протестовалъ противъ увеличенія налога, наложенія его на предметы, до сихъ поръ изъятые, а больше всего на способъ взысканія, который иногда носилъ отталкивающій характеръ. Въ своей критикѣ онъ не ограничился проектомъ, но порицалъ всю административную систему министра. Нельзя было не удивляться, видя, какъ благородно и глубоко негодовалъ этотъ мягкій и уважаемый старикъ на неопытность министра, столь гибельную для интересовъ государства. Всѣ члены отдѣленія вполнѣ согласились съ нимъ и только одинъ князь Потоцкій, не желая подвергаться непріятностямъ, которыя грозили департаменту, остался при особомъ мнѣніи; онъ старался смягчить критику финансовой системы, хотя тоже отклонилъ проектъ за его черезчуръ фискальный характеръ. Свое мнѣніе онъ изложилъ по-французски и просилъ меня перевести его на русскій, чтобы оно могло быть приложено къ протоколу, однако я отказалъ ему въ просьбѣ, желая остаться совсѣмъ въ сторонѣ.

Наступилъ день общаго засѣданія Совѣта для обсужденія проекта; приглашенный министръ не могъ не явиться. Чтеніе докладовъ и протоколовъ отдѣловъ въ общемъ собраніи было обязанностью статсъ-секретаря или замѣщающаго его, такъ что я легко могъ бы замѣнить себя, но я вовсе не хотѣлъ, чтобы мое уклоненіе объяснили боязнью читать передъ министромъ столь рѣзкую критику его управленія, и поэтому прочелъ докладъ самъ. Послѣ чтенія министръ, чувствовавшій себя не очень ловко, попытался сдѣлать нѣсколько замѣчаній, но вслѣдствіе своей бездарности, а еще болѣе отъ раздраженія, произнесъ только двѣ или три несвязныя фразы. Подъ конецъ онъ не преминулъ сказать словечко о революціонныхъ идеяхъ, которыя все болѣе и болѣе распространяются въ Европѣ, создавая необходимость въ многочисленной арміи, которая, въ свою очередь, требуетъ новыхъ расходовъ. Я ясно понялъ по чьему адресу была пущена эта консервативная тирада, но по закону не могъ отвѣчать. Послѣ рѣчи министра или вѣрнѣе его несвязныхъ фразъ, слово было дано Мордвинову, который въ сдержанной, глубоко продуманной рѣчи мотивировалъ мнѣніе департамента, и приступили къ голосованію. Большинствомъ голосовъ проектъ былъ отвергнутъ.

Взбѣшенный министръ разразился противъ Государственнаго Совѣта: „Я знаю, сказалъ онъ, кто виной всего этого; это Тургеневъ своими интригами добился провала проекта; это онъ составилъ докладъ“. Одинъ изъ его чиновниковъ (какъ мнѣ говорили), прочитавъ протоколъ, легко узналъ слогъ адмирала и пытался убѣдить въ этомъ министра, но напрасно. Обрушиться на меня

было удобнѣе, чѣмъ обвинять весь Совѣтъ и Мордвинова, хотя министръ хорошо зналъ антипатію къ себѣ и къ своей системѣ управленія.

Въ этомъ духѣ дѣло было представлено императору, а черезъ нѣсколько дней Совѣтъ получилъ довольно суровый рескриптъ, въ которомъ самодержецъ порицалъ его за то, что тотъ безусловно отвергъ проектъ министра. Одновременно съ этимъ онъ приказалъ образовать спеціальный комитетъ изъ министра финансовъ, Аракчеева, главнаго контролера Сперанскаго и другихъ членовъ не изъ состава Совѣта для изысканія новыхъ источниковъ казны. Насколько я припоминаю, отвергнутый проектъ ими вновь обсуждался и впослѣдствіи получилъ силу закона, но возбудилъ большое неудовольствіе, и, въ концѣ концовъ, былъ измѣненъ. Сдѣлавъ выговоръ всему Государственному Совѣту, императоръ приказалъ первому статсъ-секретарю, докладывавшему о дѣлахъ Совѣта, объявить мнѣ, что „онъ очень недоволенъ мной, что въ концѣ концовъ даже его терпѣнію можетъ придти конецъ“.

Я тогда же желалъ объяснить все мое поведеніе въ особой запискѣ, и чтобы доказать его безупречность, просилъ представить ее государю, что и было сдѣлано черезъ два дня. Не знаю, какое впечатлѣніе она произвела на него но, спустя нѣкоторое время, придравшись къ какому-то случаю, меня перевели въ отдѣленіе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Судя по количеству дѣлъ, отдѣленіе было одно изъ самыхъ важныхъ. Въ принципѣ уголовныя и гражданскія дѣла должны были окончательно рѣшаться въ Сенатѣ, или представляться на утвержденіе государя при особой докладной запискѣ министра юстиціи. Въ Государственный же Совѣтъ по новымъ правиламъ они должны были поступать, когда требовалось толкованіе текста закона или когда въ существующихъ законахъ для дѣла не находилось точнаго рѣшенія. Въ этихъ случаяхъ рѣшенія Совѣта получали силу закона; однако это признавалось не болѣе, чѣмъ другія постановленія реорганизованнаго Совѣта. Учреждая Государственный Совѣтъ, правительство думало создать постоянное учрежденіе, гдѣ бы сосредоточивались всѣ важнѣйшія государственныя дѣла и откуда исходили бы всѣ законодательныя мѣры, но оно скоро почувствовало неудобство отъ такого института, такъ какъ онъ стѣснялъ произволъ министровъ и вносилъ порядокъ въ управленіе страной; поэтому отъ его контроля сначала были изъяты дѣла военнаго министерства, а за ними послѣдовали и финансовыя дѣла. Что же касается особаго департамента по вопросамъ общаго законодательства, то количество дѣлъ тамъ всегда было очень незначительно. Такимъ образомъ оставался только одинъ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, который былъ заваленъ работой, потому что всѣ дѣла, представлявшіяся раньше министромъ прямо императору, теперь предварительно попадали въ Совѣтъ.

Мордвиновъ по окончаніи отпуска былъ, какъ уже сказано, назначенъ предсѣдателемъ этого отдѣленія и я еще разъ вступилъ въ служебныя отношенія съ этимъ уважаемымъ человѣкомъ. Однако онъ скоро былъ замѣщенъ княземъ Куракинымъ, братомъ бывшаго посланника при Наполеонѣ. Онъ былъ полной противоположностью Мордвинову: насколько послѣдній былъ образованъ, снисходителенъ къ людямъ, настолько этотъ невѣжественъ, жестокъ и безъ всякаго чувства гуманности въ уголовныхъ дѣлахъ. Правда, онъ имѣлъ манеры свѣтскаго человѣка и не былъ лишенъ природнаго ума, но я никогда не замѣчалъ въ немъ возвышенныхъ чувствъ.

Благодаря своей искренности и труду, я пользовался полнымъ довѣріемъ у новаго предсѣдателя, а подъ конецъ мы очень сошлись. Особенно меня располагало въ его пользу сходство нашихъ взглядовъ на дѣла крѣпостныхъ, добивавшихся своего освобожденія. Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ Куракинъ стоялъ за освобожденіе и иногда оставался даже при особомъ мнѣніи въ засѣданіяхъ департамента. Тогда я составлялъ особое мотивированное мнѣніе для общаго собранія, гдѣ сторонники освобожденія также были въ меньшинствѣ. Но обыкновенно резолюція Совѣта съ отдѣльнымъ мнѣніемъ Куракина измѣнялась государемъ въ пользу крестьянъ, вопреки рѣшенію большинства.

Эти успѣхи безконечно льстили Куракину, который всегда указывалъ мнѣ на разочарованіе членовъ большинства, приглашая и меня радоваться вмѣстѣ съ нимъ. Резолюціи государя, безъ сомнѣнія, доставляли мнѣ громадное удовлетвореніе, хотя я все же досадовалъ, что этимъ мы обязаны не Мордвинову, а князю Куракину, который стоялъ за освобожденіе только потому, что желалъ угодить государю, и который въ хорошемъ дѣлѣ руководился придворными соображеніями. Если бы кто сомнѣвался, что Александръ искренно желалъ изгнать рабство изъ Россіи, то постоянное голосованіе стараго придворнаго за освобожденіе крестьянъ противъ своей совѣсти должно разсѣять въ немъ всякое сомнѣніе. Безусловно, Куракинъ былъ болѣе другихъ членовъ департамента чуждъ либеральныхъ идей и менѣе всѣхъ принималъ къ сердцу жалкое положеніе обездоленнаго народа; по своему характеру онъ могъ только всюду налагать рабское иго, но инстинктъ придворнаго заставлялъ его поступать вопреки природѣ.

Несмотря на то, что я не имѣлъ никакого отношенія къ законодательному отдѣлу, мнѣ, однако, поручили представить въ Совѣтъ проектъ торговаго положенія, который я отчасти уже составилъ, бывши въ законодательной комиссіи. Сперанскій, какъ членъ законодательнаго отдѣла и, главнымъ образомъ, какъ спеціалистъ по составленію законовъ, пожелалъ работать вмѣстѣ со мной, и мы сообща составляли докладъ. Тутъ я познакомился съ

отношеніемъ Сперанскаго къ Государственному Совѣту, характернымъ общему отношенію къ подобнымъ учрежденіямъ въ Россіи. „Всѣ эти обсужденія Совѣта, сказалъ онъ мнѣ—пустая формальность. Люди, засѣдающіе тамъ, ничего не понимаютъ. Мы съ вами все сдѣлаемъ такъ, какъ найдемъ лучше“. Я не раздѣлялъ ни этого презрѣнія къ Совѣту, нѣкоторые члены котораго стояли выше его и по образованію, и по знаніямъ, ни въ особенности высокомѣрной самонадѣянности Сперанскаго. Я стоялъ за Совѣтъ, хотя бы въ силу того, что освѣщеніе, дѣлавшееся просвѣщенными, образованными или только опытными людьми, давало возможность самимъ докладчикамъ провѣрить свои взгляды или отказаться отъ нихъ. Обсужденіе упомянутаго проекта торговаго положенія продолжалось нѣкоторое время, а затѣмъ было оставлено безъ всякаго достаточнаго мотива.

Занятія въ департаментѣ подорвали, наконецъ, мое до тѣхъ поръ очень крѣпкое здоровье, и я подумалъ перемѣнить свои занятія. Передъ поступленіемъ въ департаментъ я посвящалъ свой досугъ работѣ о судѣ присяжныхъ. Уголовныя дѣла, проходившія черезъ меня, заставляли болѣе, чѣмъ когда-либо, желать реформы уголовнаго судопроизводства въ Россіи. Излагая идею о судѣ присяжныхъ, я думалъ представить теорію уголовныхъ процессовъ и подробно остановиться на принципахъ и правилахъ, необходимыхъ при производствѣ слѣдствія, для каждаго отдѣльно. Это было моей мечтой, надъ осуществленіемъ которой были постоянно заняты всѣ мои мысли, но судьба не позволила довести до конца моего плана.

Для изученія вопроса о судѣ присяжныхъ и объ уголовномъ процессѣ я рѣшилъ поѣхать въ Англію. Я находилъ, что простая процедура англичанъ болѣе подходитъ для Россіи, чѣмъ французская, болѣе правильная, но зато болѣе сложная и требовавшая свѣдущихъ судебныхъ слѣдователей. Случайно я узналъ, что въ скоромъ времени освободится постъ русскаго генеральнаго консула въ Лондонѣ, и я подумалъ, что для моей цѣли могу съ пользой занять его. Не зная, какъ получить его, но убѣжденный въ томъ, что меня не обвинятъ въ честолюбіи, я сообщилъ о своемъ желаніи Сперанскому, а по его совѣту написалъ государю, откровенно указывая на необходимость вслѣдствіе нездоровія сложить съ себя обязанности, и просилъ его величество поручить мнѣ названный постъ. Черезъ два дня я получилъ приглашеніе пожаловать къ Аракчееву, которому было приказано сообщить мнѣ, что моя служба безусловно необходима для Государственнаго Совѣта, что просимый мною постъ менѣе моихъ заслугъ и поэтому не подходитъ для меня, и наконецъ, что императоръ, довольный моими работами, находитъ недостаточнымъ вознагражденіе для занимаемаго мною поста, и потому мнѣ нужно только попросить, сколько хочу, и „Его Величество готовъ при-

нести для меня всѣ жертвы“: это было точное выраженіе графа Аракчеева, который такъ же плохо говорилъ, какъ и писалъ. Если такъ угодно государю, отвѣтилъ я, то я остаюсь въ Совѣтѣ; что же касается денежнаго вопроса, то я просилъ графа передать Его Величеству, что я желалъ получить постъ генеральнаго консула, а не денежную награду. Встрѣтясь послѣ этого со Сперанскимъ, императоръ сказалъ, что ему понравился мой отвѣтъ, особенно конецъ его, и не удивительно — ему не часто приходилось получать подобный отказъ.

Занимаясь съ еще большимъ усердіемъ дѣлами, я черезъ годъ почувствовалъ невозможность продолжать такъ дальше. Доктора объявили мнѣ, что при такой же работѣ я не выдержу, и заставляли ѣхать въ Карлсбадъ. На этотъ разъ я уже не обратился непосредственно къ государю, а сталъ дѣйствовать черезъ начальство, и все же я опять получилъ приглашеніе пожаловать къ Аракчееву, черезъ котораго государь передалъ свое согласіе на мой отпускъ. При этомъ, въ знакъ своего расположенія, пожаловалъ мнѣ чинъ, назначилъ денежную награду на дорожные расходы и, кромѣ того, сохранилъ за мною право на жалованіе. Объявивъ волю государя и обнимая меня, графъ съ чувствомъ добавилъ: „Государь поручилъ мнѣ передать вамъ отъ него совѣтъ, не какъ императора, а какъ христіанина: быть осторожнѣе за границей. Васъ окружатъ тамъ люди, которые только и мечтаютъ о революціи и которые будутъ стараться вовлечь васъ въ нее. Не довѣряйте имъ и будьте осторожны“. Тронутый участіемъ и искренностью выслушанныхъ словъ, я отвѣтилъ на нихъ только улыбкой.

Я уже много говорилъ о тайныхъ обществахъ, но здѣсь я долженъ опять вернуться къ нимъ. За время моего пребыванія въ Петербургѣ послѣ закрытія „Союза благоденствія“ и до моего отъѣзда за границу я не разъ слыхалъ, что существуютъ другія тайныя общества или, вѣрнѣе, что стараются образовать таковыя. Судя по собственному опыту о безполезности ихъ, я не обращалъ никакого вниманія на эти очень распространенные слухи. Съ другой стороны при существовавшемъ порядкѣ вещей въ Россіи, при отсутствіи какой-либо гласности, даже собранія самыя безобидныя легко принимались предубѣжденными людьми за тайныя общества. Общественное мнѣніе считало таковыми даже чисто литературные кружки изъ лицъ, занимавшихся исключительно литературой и проводившихъ на своихъ закрытыхъ засѣданіяхъ время въ дружескихъ и непринужденныхъ бесѣдахъ. Я самъ принадлежалъ къ одному литературному кружку [1]), который тоже принимался нѣкоторыми за тайный союзъ, хотя онъ не имѣлъ

---

[1]) Литературное общество „Арзамасъ“; прозвище Н. Тургенева въ кружкѣ было „Варвикъ“. Ред.

ничего общаго съ политикой. На его засѣданіяхъ я присутствовалъ гораздо чаще, чѣмъ на собраніяхъ „Союза благоденствія“. Бесѣды и пренія не всегда только на литературныя темы дали бы довольно матеріала докладчику слѣдственной комиссіи для искаженія и приданія имъ важнаго значенія; ему нетрудно было бы представить эти засѣданія въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ онъ изобразилъ засѣданія „Союза благоденствія“ и даже сдѣлать изъ нихъ одинаковые выводы. Чтобы составить правильное представленіе о засѣданіяхъ „Союза благоденствія“, автору донесенія слѣдовало бы вспомнить о литературномъ кружкѣ, въ которомъ онъ самъ былъ наиболѣе дѣятельнымъ и особенно болтливымъ членомъ.

Эти два общества однако оставили во мнѣ различныя воспоминанія. Съ однимъ изъ нихъ связано представленіе о самопожертвованіи, стремленіи къ усовершенствованію, тогда какъ о литературномъ кружкѣ вспоминаются одни пустяки. Онъ существовалъ для осмѣянія сторонниковъ стараго направленія въ литературѣ. Всякій новый членъ при своемъ вступленіи въ него долженъ былъ, пародируя, произнести похвальное слово какому-нибудь члену академіи, литературной знаменитости прежней школы; это называлось „похоронить академика“. Нелюбившій такія литературныя бесѣды, вслѣдствіе долгаго пребыванія за границей и вслѣдствіе влеченія къ серьезнымъ работамъ, я не очень интересовался происходившимъ въ кружкѣ, однако я любилъ присутствовать на его засѣданіяхъ, такъ какъ говорили не всегда только о легкомысленныхъ предметахъ, хотя я долженъ сказать, что никогда не могъ вполнѣ освоиться съ презрительной критикой этихъ людей. Эта манера особенно отразилась въ неисчерпаемой болтовнѣ человѣка, который, впослѣдствіи составляя торжественный актъ, вмѣсто соблюденія только интересовъ справедливости, излилъ въ немъ всю желчь своего сердца [1]).

Къ концу моего пребыванія въ Петербургѣ въ это общество вступилъ также мой другъ, генералъ Михаилъ Орловъ. Не одобряя установившагося обычая произносить шутливое слово, онъ обратился къ обществу съ серьезной рѣчью, доказывая въ ней, что недостойно умныхъ людей занимать ея пустяками и литературными ссорами въ то время, когда состояніе родной страны представляетъ такое обширное поле дѣятельности способностямъ и дарованіямъ всякаго преданнаго общественному благу человѣка. Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратіевъ оставить ихъ мальчишескія забавы и приняться за задачи, болѣе благородныя и тяжелыя. Его рѣчь произвела впечатлѣніе; всѣ почувствовали справедливость его упрековъ и совѣтовъ. Но если съ этихъ поръ

---

[1]) Блудовъ, авторъ донесенія слѣдственной комиссіи. Ред.

стали меньше заниматься пустяками и глупостями, то полезнаго и умнаго нашлось еще меньше.

Своимъ подозрѣніемъ и мелочными предосторожностями правительство много способствовало распространенію слуховъ о тайныхъ обществахъ; оно все подозрѣвало. Въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, шефомъ котораго былъ императоръ, вспыхнуло возстаніе [1]), вызванное грубымъ и глупымъ поведеніемъ новаго полкового командира, но правительство усмотрѣло въ немъ дѣятельность тайнаго общества. Что это такъ, тому служитъ доказательствомъ осужденіе военнымъ судомъ двухъ офицеровъ, въ ротахъ которыхъ вспыхнуло возстаніе, не только безъ всякаго доказательства ихъ виновности, но даже не опредѣливъ состава преступленія или проступка, за который судили. На самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ нихъ никогда не принадлежалъ ни къ какому тайному сообществу. Еще фактъ:—одному слѣпому англичанину пришло въ голову совершить кругосвѣтное путешествіе и издать свое описаніе. Побывавъ въ Петербургѣ и проѣхавъ всю Россію, онъ отправляется въ Сибирь. Тамъ его принимаютъ за шпіона и скоро изъ Петербурга получается предписаніе выпроводить несчастнаго путешественника за границу.

Въ то время не было никого, вплоть до благочестивыхъ протестантскихъ миссіонеровъ, распространявшихъ съ обычнымъ усердіемъ христіанскую нравственность среди дикихъ народностей, кто бы не казался подозрительнымъ нашему правительству: оно изгоняло даже желавшихъ вести святую пропаганду въ отдаленнѣйшихъ областяхъ Имперіи, видя въ нихъ проводниковъ европейскаго либерализма.

Общество, съ своей стороны, *вѣроятность* принимало за дѣйствительность, и поэтому не разъ обращались къ предполагаемымъ членамъ тайныхъ обществъ съ настойчивой просьбой ввести ихъ туда. Въ арміи подчиненные просили своихъ начальниковъ; старые генералы обращались за содѣйствіемъ своихъ подчиненныхъ, чтобы добиться того же. И что бы ни говорили и тѣмъ и другимъ, что никакого тайнаго общества не существуетъ,—всѣ ожидали политическихъ событій, думали, что должна произойти какая-то великая перемѣна, и никто не хотѣлъ оставаться ей чуждымъ.

Однимъ изъ крупныхъ неудобствъ для тайныхъ обществъ было порождаемое ими любопытство; конечно, въ этомъ общества были менѣе виноваты, чѣмъ лица, которыя судили о нихъ по неопредѣленнымъ и обманчивымъ признакамъ, но скорѣе это было виной политическаго порядка, дѣлавшаго тайныя общества необходимыми. Правда, въ то время, о которомъ мы говоримъ,

---

[1]) Тургеневъ имѣетъ въ виду бунтъ Семеновскаго полка, исторію котораго мы надѣемся помѣстить въ ближайшемъ выпускѣ. Ред.

отдѣльныя лица могли дѣйствовать различнымъ образомъ, но если существовало что-либо подобное организованному тайному обществу, то какъ могъ не знать объ этомъ я, который былъ знакомъ со многими называвшимися либералами? Я приведу еще доказательство, еще болѣе убѣдительное, — это слова Пестеля, котораго правительство казнило на эшафотѣ не за какое-нибудь политическое преступленіе, а за то, что его считали самымъ вліятельнымъ изъ могущихъ быть причастными къ тайнымъ обществамъ.

Пестель находился въ Петербургѣ въ то время, когда мой отъѣздъ на воды былъ рѣшенъ. Онъ пришелъ повидаться ко мнѣ и говорилъ съ сожалѣніемъ о роспускѣ „Союза благоденствія“. „У насъ (во 2-й арміи), сказалъ онъ, не согласны съ закрытіемъ; оно привело въ уныніе многихъ... Насъ считаютъ сильными и многочисленными..... я позволяю такъ думать и не хочу разрушать этой иллюзіи. Но что сказали бы, если бы узнали, что насъ всего только пять или шесть человѣкъ составляютъ цѣлое общество!“ Онъ кончилъ тѣмъ, что посовѣтовалъ мнѣ отказаться отъ путешествія, или, по крайней мѣрѣ, возвратиться возможно скорѣе, чтобы приняться за оставленное дѣло. „Я хорошо вижу,—сказалъ онъ мнѣ,—что здѣсь отъ бывшаго общества не остается болѣе абсолютно ничего, но у насъ и въ другихъ мѣстахъ все время вѣрятъ въ существованіе общества, вашъ же отъѣздъ ослабитъ эту увѣренность“. Я объяснилъ, что мое удаленіе отъ дѣла было вызвано сначала здоровьемъ, а потомъ моимъ убѣжденіемъ въ недѣйствительности тайныхъ обществъ. Казалось, онъ согласился съ моими доводами, нашелъ, что я былъ правъ въ послѣднемъ пунктѣ,—однимъ словомъ, если онъ говорилъ еще о тайныхъ обществахъ, то скорѣе въ силу привычки, нѣмъ изъ убѣжденія.

Впрочемъ, его вниманіе было сильно занято другимъ, а именно соціальными теоріями, созданными имъ и его друзьями. Онъ ожидалъ найти во мнѣ новаго приверженца и былъ очень удивленъ и смущенъ, когда этого не случилось. Эти теоріи, увлекавшія столькихъ людей съ пылкимъ воображеніемъ, доказываютъ, конечно, ихъ прекрасныя намѣренія и даже энтузіазмъ, но не обѣщаютъ возможнаго результата. Геній Фурье, рвеніе Оуэна и другія утопіи могутъ пріобрѣсти себѣ приверженцевъ и вызвать восхищеніе у многихъ сторонниковъ, но мечты этихъ людей все же останутся мечтами, какъ бы онѣ ни были величественны. Не имѣя возможности осуществиться, эти теоріи служатъ человѣчеству только тѣмъ, что направляютъ вниманіе и усилія серьезныхъ умовъ на предметы, важность и польза которыхъ безъ этихъ теорій не были бы достаточно познаны. Но здѣсь одного воображенія мало.

Основнымъ положеніемъ теоріи Пестеля и его друзей была

раздача земельной собственности въ общее пользованіе, опредѣливъ пользованіе ею извѣстными правилами [1]). Они предлагали, по крайней мѣрѣ, предоставить въ пользованіе обширныя казенныя и кабинетскія земли совсѣмъ неимѣвшимъ ея. Они хотѣли достичь закона англійской королевы Елизаветы, дававшаго право на прокормленіе по таксѣ для бѣдныхъ, въ случаѣ отсутствія другихъ средствъ къ существованію, — давъ каждому во владѣніе, или скорѣе пользованіе, извѣстное количество земли. Я старался всячески опровергнуть ихъ доводы, но это было не легко: опроверженіе теорій вообще очень затруднительно, нелѣпость же этихъ дѣлала ихъ неприступными. Тутъ я увидалъ, что Пестель и его друзья были гораздо болѣе недовольны моимъ несогласіемъ съ ихъ соціальными теоріями, чѣмъ моимъ мнѣніемъ о тайныхъ обществахъ.

Вскорѣ послѣ этого, получивъ отъ императора отпускъ, я 24 апрѣля 1824 г. покинулъ С.-Петербургъ. По мѣрѣ моего приближенія къ границѣ все проходившее предъ моими глазами: поля, лѣса, окрестности—все казалось мнѣ особенно привлекательнымъ; я испытывалъ безконечно грустное и меланхолическое чувство: внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что все это я вижу въ послѣдній разъ.

ГЛАВА VII.

Мое пребываніе за границей съ 1824 г. Мой отказъ служить въ министерствѣ финансовъ. Мнѣніе обо мнѣ императора Александра и Штейна. Смерть императора Александра. Военное возстаніе. Привлеченіе меня къ процессу о немъ. Моя первая записка. Мой отказъ явиться въ судъ. Отношеніе прессы къ процессу. Эпилогъ.

Поправившись совершенно въ Карлсбадѣ, я рѣшилъ провести зиму въ Италіи и отправился въ Сицилію. Эта дивная страна, а главнымъ образомъ ея народонаселеніе, очень интересовали меня. Лѣтомъ 1825 г. я возвратился въ Германію, съ намѣреніемъ провести еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Карлсбадѣ. Въ Дрезденѣ я получилъ письмо отъ новаго министра финансовъ, генерала Канкрина, котораго я зналъ очень мало, только по встрѣчамъ въ Совѣтѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Германію онъ просилъ меня придти къ нему по дѣлу, но разговаривалъ со мной только о вещахъ, совершенно не относящихся къ службѣ.

---

[1]) „Русская Правда“—Пестеля, гдѣ довольно подробно разработана его соціалистическая теорія, будетъ помѣщена у насъ въ нынѣшнемъ году въ полномъ видѣ. *Ред.*

Однако, онъ говорилъ другимъ, что разсчитываетъ на меня и что мое настоящее мѣсто—въ министерствѣ финансовъ. Чиновникъ, замѣстившій меня, а впослѣдствіи и самого министра финансовъ, передавалъ мнѣ, что Канкринъ хотѣлъ поговорить со мной о мѣрѣ, занимавшей со времени попытки Виллеля его и всѣхъ министровъ финансовъ Европы, т.-е. о выпускѣ пятипроцентной ренты. Надо думать, что честность заставила его отказаться отъ этой мысли: условія пятипроцентныхъ займовъ, заключенныхъ Россіей, содержали въ себѣ точную оговорку, предостерегавшую владѣльцевъ этихъ капиталовъ противъ всякаго уменьшенія.

Въ полученномъ мною письмѣ министръ предлагалъ мнѣ поступить въ министерство финансовъ на постъ директора департамента мануфактуръ, но тутъ же прибавлялъ, что онъ приглашаетъ меня не только на этотъ оффиціальный постъ, но скорѣе для совмѣстной работы надъ различными предполагаемыми реформами, и что Александръ согласился на мое поступленіе въ министерство при условіи, чтобы оно не помѣшало моимъ занятіямъ въ Совѣтѣ, гдѣ онъ считалъ мое присутствіе необходимымъ.

Признаюсь, я былъ польщенъ приглашеніемъ министра, извѣстнаго мнѣ, какъ очень способнаго и уважаемаго за его крайнюю честность, проявленную имъ въ бытность интендантомъ армій. Но больше всего меня тронуло сохранившееся у императора обо мнѣ хорошее мнѣніе, несмотря на мое отсутствіе и всѣ толки на мой счетъ. Онъ хорошо зналъ, что я былъ либераломъ, и могъ даже считать меня крайнимъ либераломъ вслѣдствіе принадлежности къ тайнымъ обществамъ. Слѣдуетъ сознаться, что проявленіе чувствъ добраго и хорошаго человѣка—было много для императора, а для самодержца еще больше. Въ другой разъ, во время моего отпуска, императоръ, жалуясь на отсутствіе у него способныхъ людей, жалѣлъ, что мое здоровье заставило меня удалиться отъ дѣлъ и изъ Россіи. „Сперанскій, сказалъ онъ, сталъ лѣнивъ, и только Тургеневъ могъ бы его замѣнить.“

Во время моего пребыванія въ Россіи мнѣніе императора обо мнѣ выражалось въ денежныхъ наградахъ, отъ которыхъ я отказывался, орденахъ, которые я никогда не носилъ, и въ чинахъ статскаго совѣтника и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, которые я умѣлъ оцѣнить по достоинству [1]). Правда, императоръ жаловался иногда на мои либеральныя и даже революціонныя убѣжденія. Разговаривая, напримѣръ, съ человѣкомъ, котораго онъ уважалъ болѣе всѣхъ въ Россіи и который вполнѣ этого заслуживалъ, онъ сказалъ, что, если бы онъ могъ повѣрить всему, что разсказываютъ обо мнѣ, ему было бы за что меня уничто-

---

[1]) Къ своему брату Александру Н. Тургеневъ писалъ 1827 году:—„Не о чинѣ ке дѣйствительнаго статскаго совѣтника мнѣ жалѣть“. *Ред.*

жить. Я знаю, прибавилъ, что у него преувеличенныя понятія, но я знаю также, что онъ честный человѣкъ, и этого для меня достаточно". Послѣ подобной же оцѣнки моего характера, сдѣланной Штейномъ [1]), эти слова Александра были для меня самыми пріятными, какія я слышалъ когда-либо на мой счетъ. Я привожу ихъ, чтобы показать, что въ Россіи не всегда бываютъ несправедливы и жестоки.

Я упомянулъ о мнѣніи Штейна, поэтому я скажу, по какому поводу онъ его выразилъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ Штейнъ, видя, что русскіе чиновники получаютъ всевозможные подарки и награды, считалъ, по его словамъ, своей обязанностью просить у императора что-нибудь и для меня. Я просилъ его не дѣлать этого, и вотъ тогда, возражая на мой отказъ, онъ сказалъ, что мнѣ нечего заботиться о какихъ-либо разговорахъ на этотъ счетъ. „Одно ваше имя говоритъ противъ всякихъ возможныхъ предположеній:—оно синонимъ честности и прямодушія". Извѣстно, что говорить комплименты не въ характерѣ Штейна, и мнѣ простятъ то, что я привожу этотъ лестный отзывъ, если вспомнятъ, что я не нашелъ у своихъ соотечественниковъ другихъ доказательствъ сочувствія ко мнѣ, какъ осужденіе на смертную казнь. Эти объясненія личнаго свойства достаточно отвѣчаютъ клеветникамъ, которые въ процессѣ 1826 г. прикинулись возмущенными моимъ участіемъ въ заговорѣ противъ Александра послѣ всѣхъ его благодѣяній ко мнѣ.

Несмотря на лестность предложенія Канкрина и на видимую въ немъ доброжелательность ко мнѣ императора, я отвѣтилъ отказомъ; на это рѣшеніе повліяло состояніе моего здоровья, но, главнымъ образомъ, характеръ предлагаемыхъ обязанностей. Реформы министра мнѣ улыбались, но, предполагая управленіе департаментомъ мануфактуръ, онъ давалъ понять, что промышленность должна быть поощряема и покровительствуема всѣми возможными средствами. По моему же мнѣнію стремленіе развивать ее искусственнымъ путемъ скорѣе останавливало, чѣмъ способствовало естественному развитію національныхъ богатствъ; поэтому я боялся очутиться въ положеніи, гдѣ пришлось бы дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій.

Отправляясь изъ Карлсбада въ Парижъ, я поѣхалъ черезъ Нассау, чтобы увидать еще разъ почтеннаго барона Штейна, котораго я такъ любилъ и уважалъ и восхищался! Я нашелъ его чрезвычайно ослабѣвшимъ. Онъ мало говорилъ о дѣлахъ континентальной Европы, такъ какъ они ему давно уже надоѣли, но онъ очень интересовался судьбой Англіи; онъ предвидѣлъ громадныя опасности для аристократіи, и главнымъ об-

---

[1]) Штейнъ былъ очень высокаго мнѣнія о Н. Тургеневѣ, не разъ высказывая ему это и свою увѣренность въ невинности по дѣлу декабристовъ. *Ред.*

разомъ, для установленій церкви: „Что станется съ Англіей, говорилъ онъ, если рухнутъ эти два главныхъ основанія ея соціальнаго и политическаго строя?“ Ему суждено было увидѣть освобожденіе католиковъ и реформу лорда Грея. Какъ я слышалъ, іюльская революція произвела на Штейна сильнѣйшее впечатлѣніе; онъ ожидалъ увидѣть потрясенной всю Европу и это могло быть вполнѣ логичнымъ послѣдствіемъ событія. Однако, какъ говоритъ его біографъ, страхъ не поколебалъ его мужества [1]).

Въ Парижѣ я узналъ изъ журналовъ о смерти императора Александра. Я жалѣлъ и оплакивалъ его искренно. Эта смерть унесла у меня послѣднюю надежду на освобожденіе русскихъ крѣпостныхъ. Здѣсь же я узналъ и о возстаніи въ декабрѣ 1825 года и былъ очень удивленъ случившемся. По именамъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе, я ясно видѣлъ, что цѣль возстанія была политическая, а не династическая, т.-е. не было намѣренія поддержать одного претендента на тронъ противъ другого, какъ тогда думали. Живѣйшимъ образомъ интересуясь участниками этого дѣла, я не могъ и подозрѣвать для себя никакой опасности.

Въ январѣ 1826 года я уѣхалъ въ Лондонъ и тамъ ничто не могло смутить моего спокойствія. Только въ Эдинбургѣ я узналъ, что замѣшанъ въ процессѣ о декабрьскомъ возстаніи. При этомъ извѣстіи я поторопился составить записку, объясняющую мое поведеніе по отношенію къ тайнымъ обществамъ, и отправилъ ее по почтѣ въ Петербургъ. Въ ней я просто и откровенно объяснилъ сущность союза, членомъ котораго былъ, а также его закрытіе; я утверждалъ, что не принадлежалъ ни къ какому другому тайному обществу и не имѣлъ со времени своего отъѣзда изъ Россіи никакихъ сношеній съ лицами, могущими участвовать въ тайныхъ обществахъ, оставаясь, такимъ образомъ, совершенно чуждымъ происшедшему въ Петербургѣ; я не могъ отвѣчать ни за какое событіе, случившееся безъ моего вѣдома и въ мое отсутствіе.

Я твердо былъ увѣренъ, что этого объясненія будетъ достаточно, и что меня больше не будутъ безпокоить. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого меня, однако, посѣтилъ секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ; прежде всего онъ вручилъ повѣстку, адре-

---

[1]) Онъ умеръ 29 іюня 1831 г. Я не могу не передать словъ, съ которыми Штейнъ обратился къ Арндту незадолго до своей смерти:

„Да, дорогой другъ, мы пріобрѣли много, хотя много вещей должны были бы быть другими. Я жажду выйти изъ этого положенія. Въ концѣ концовъ, этотъ свѣтъ устроенъ такъ, что мало подвинешься впередъ, если идти по прямому пути, однако не слѣдуетъ выбирать и извилистой дороги. Одно остается извѣстнымъ: обстоятельства увлекаютъ за собой людей, они же думаютъ, что это они создаютъ тѣ или другія вещи. Но за нихъ рѣшаетъ Богъ“. Это прекрасное переложеніе словъ Боссюэта: „Человѣкъ колеблется... Богъ имъ руководитъ“.

сованную мнѣ графомъ Нессельроде, отъ имени императора, о явкѣ моей въ верховный судъ въ качествѣ обвиняемаго за участіе въ возстаніи. Я отвѣтилъ секретарю, что уже отправилъ свое объясненіе о моемъ участіи въ тайныхъ обществахъ, и думаю, что записка дѣлаетъ мое присутствіе въ Петербургѣ излишнимъ, и что, кромѣ того, здоровье не позволяетъ мнѣ подобнаго путешествія. Секретарь пытался присоединить къ повѣсткѣ своего шефа собственные совѣты, говоря, между прочимъ, что честность обязываетъ меня повиноваться полученному приказанію. Въ этотъ день я былъ въ довольно хорошемъ настроеніи духа и отвѣтилъ лишь молодому человѣку, что самъ могу судить о томъ, чего требуетъ отъ меня честность, и нисколько не удивлюсь, если на этотъ счетъ наши мнѣнія разойдутся. Тогда онъ сообщилъ мнѣ депешу гр. Нессельроде, гдѣ предписывалось, въ случаѣ моего отказа явиться въ судъ, потребовать отъ меня письменнаго отвѣта что я и исполнилъ. Кромѣ того было приказано, каждый разъ, въ случаѣ моего отказа, ставить на видъ англійскому министерству „*какимъ людямъ оно даетъ убѣжище*“. Эти слова и свѣдѣнія, полученныя мною впослѣдствіи, убѣдили меня, что русское правительство предписало своему представителю прежде, чѣмъ обратиться ко мнѣ, добиться моей выдачи. При всей странности этого приказанія повѣренный по дѣламъ исполнилъ его нисколько не колеблясь. Онъ меня увѣрялъ, что о моей выдачѣ серьезно просили у Каннинга, однако министръ, отвѣчая на бумагу, въ которой просили о моей выдачѣ, ограничился только увѣдомленіемъ о ея полученіи, не упомянувъ даже о ея содержаніи. Что дѣлаютъ русскіе дипломаты за границей, если они не усвоютъ даже основъ соціальнаго строя государства, въ которомъ живутъ, его законоположеній и принциповъ управленія? Просить выдачи преступника у англійскаго министра! у Каннинга! это было безподобно!

Еще обстоятельство, не менѣе курьезное, связано съ моимъ пребываніемъ въ Эдинбургѣ. Я имѣлъ рекомендательныя письма къ одному негоціанту этого города, бывшаго въ то же время русскимъ вице-консуломъ въ Лейтѣ; онъ принялъ меня съ гостепріимствомъ, которое можно встрѣтить только въ Англіи, и его отношеніе ко мнѣ оставалось все время неизмѣннымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, я узналъ, что онъ получилъ отъ русскаго правительства предложеніе наблюдать за мною. Вице-консулъ съ негодованіемъ отвергъ это порученіе. Шпіонить за кѣмъ-нибудь въ Англіи!

Но агенты самодержца имѣли сильное желаніе наложить на меня руки; еще большимъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующее. Вскорѣ послѣ возстанія русское правительство, думая, что я въ Неаполѣ, приказало своему тамошнему посланнику задержать меня. Не найдя меня тамъ, это приказаніе пе-

редали русскому послу въ Римѣ, а послѣдній поспѣшилъ переслать его эстафетой въ Парижъ. Въ концѣ концовъ всѣ русскіе посланники во всѣхъ столицахъ континентальной Европы получили приказаніе задержать меня всюду, гдѣ бы я ни находился. При посредствѣ тайныхъ агентовъ, нарочно посланныхъ для этого изъ Петербурга, думали даже задержать меня въ Англіи. Я былъ предостереженъ объ этомъ. Однако, это желаніе захватить меня было кратковременно, такъ какъ, когда я хотѣлъ самъ вернуться въ Россію, мнѣ этого не разрѣшили.

Объѣхавъ Шотландію, я возвратился въ Лондонъ. О событіяхъ, совершившихся въ Петербургѣ и ихъ послѣдствіяхъ, я зналъ только изъ журналовъ. Однажды я узналъ, что процессъ только что кончился и что двадцать девять лицъ приговорены къ смерти. Ихъ имена не были названы, но потомъ я узналъ, что мое заканчивало списокъ.

Наконецъ, по окончаніи всего, я получилъ донесеніе слѣдственной коммиссіи съ нѣсколькими приложеніями. Оно невыразимо удивило меня, но больше всего поразили тѣ мелочныя и недобросовѣстныя старанія, съ которыми правительство хотѣло доказать важность и значительность тайныхъ обществъ, то, что возстаніе было только слѣдствіемъ этихъ обществъ, и что, подавивъ его, спасли отечество. Легкомысліе, недобросовѣстность, абсолютное пренебреженіе къ правосудію, характеризовавшіе донесеніе, меня только возмущали, но не удивляли.

Отношеніе періодической прессы къ этому процессу въ Англіи и во Франціи было вполнѣ обычное. Она сообщала факты, приходившіе изъ мѣстъ событій, и дѣлала заключенія, поскольку это позволяли свойства самихъ фактовъ и степень увѣренности въ нихъ. Ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ англійскихъ и французскихъ журналовъ не вѣрилъ тому, что гласило донесеніе слѣдственной коммиссіи. Наоборотъ, не находя поводовъ къ обвиненію, они воздерживались стать судьей между обвинителемъ, который въ то же самое время былъ и судьей, и обвиняемыми, лишенными всякихъ средствъ не только защищаться, но даже отвѣчать; многіе же изъ нихъ открыто высказывали о невозможности этого сдѣлать въ виду отсутствія самыхъ основныхъ требованій судопроизводства.

Однако въ Германіи нашлось одно ученое животное, которое въ длинномъ разсужденіи [1]) пыталось задавить своей тяжелой эрудиціей всѣ тайныя общества, доказать ихъ опасность и пагубное вліяніе на ходъ событій, связь между всѣми обществами въ различныхъ странахъ, и такимъ образомъ дать почувствовать правительствамъ необходимость взаимной поддержки противъ

---

[1]) Нѣм. литер. газета 1826 г. № 223 и слѣд.

ихъ злонамѣренныхъ подданныхъ. Русское правительство нашло себѣ въ лицѣ директора прусской полиціи защитника столь же усерднаго, сколь ученаго, но нѣмецкая наука врядъ ли была польщена, увидавъ себя на службѣ у сильнаго противъ слабаго. Самодержавіе уже изрекло приговоръ, палачъ совершилъ свое дѣло, голосъ жертвъ былъ задушенъ; къ чему же понадобилось все это полицейское краснорѣчіе? Можно ли было имъ прикрыть гнусную жестокость совершившагося?

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, что тайныя общества во всѣхъ странахъ были связаны между собою и образовали одно цѣлое, авторъ этого многословнаго и лживаго сочиненія, г-нъ Кампцъ, указывалъ на поразительное сходство между уставами „Союза благоденствія“ и Тугендбунда. При сравненіи уставовъ этихъ обществъ, говоритъ онъ, сказывается поразительное и неожиданное сходство въ основныхъ положеніяхъ, какъ въ отношеніи цѣли и стремленій, такъ и въ отношеніи внутренней организаціи. Ну что же! извѣстно, что уставъ „Союза благоденствія“ былъ просто скопированъ съ устава Тугендбунда, помѣщеннаго въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ.

Полицейское усердіе автора этого новаго обвинительнаго акта, вѣроятно, помѣшало прочесть со вниманіемъ донесеніе слѣдственной коммиссіи, именно тамъ онъ могъ бы прочесть (стр. 17), что уставъ „Союза благоденствія“ былъ только переводомъ устава одного тайнаго нѣмецкаго общества. Пусть судятъ послѣ этого о справедливости вымысловъ г-на Кампца.

Что касается до меня, то я никакъ не думалъ, чтобы ссылка въ доказательство безполезности вообще тайныхъ обществъ на мнѣнія хорошо знавшихъ Тугендбундъ, чтобы эта ссылка—или даже знакомство съ нѣкоторыми лицами, могущими принадлежать къ Tugend Bund, послужили обвиненіемъ противъ меня, а между прочемъ это обвиненіе я нахожу въ пасквилѣ г-на Кампца; „Н. Тургеневъ, говоритъ онъ, находясь во время войны въ близкихъ отношеніяхъ съ либеральными нѣмцами, и принимая участіе въ управленіи центральнаго департамента и т. д.“.

О „вещахъ“ донесеніе слѣдственной коммиссіи говоритъ болѣе, чѣмъ этого требуетъ справедливость и разсудокъ, что же касается лицъ, то оно далеко не содержитъ въ себѣ всѣхъ, кто могъ бы въ немъ фигурировать съ равнымъ правомъ большинства перечисленныхъ. Я не могу объяснить себѣ этого различія и меня очень удивляетъ, почему одни изъ бывшихъ членовъ союза осуждены и сосланы въ Сибирь, тогда какъ другихъ не только не потревожили, но они даже находятся во главѣ министерствъ, армій, губерній и т. д. Меня сердитъ не ихъ счастье; какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ я въ былое время питалъ одинаковыя чувства дружбы и уваженія, но меня глубоко огорчаетъ несчастіе осужденныхъ. Кажется, даже надѣяться имъ воспрещено (1847 г.).

Сибиръ еще стережетъ своихъ плѣнниковъ, тогда какъ даже Шпильбергъ возвратилъ своихъ.

Рѣшившіе мою судьбу видѣли и чувствовали свою несправедливость, но нисколько не желали въ этомъ признаться, наоборотъ—они упорствовали и искали извиненій для своей совѣсти, а главное какихъ-либо мотивовъ, ослѣпляющихъ глаза обществу [1]). Люди вообще не настолько злы, чтобы не прощать обидъ:

---

[1]) Позже Тургеневъ приводитъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о своихъ судьяхъ: По примѣру донесенія,—пишетъ онъ,—за отсутствіемъ доказательствъ, я ограничусь слухами.

Въ верховномъ уголовномъ судѣ былъ членъ, который, какъ говорятъ, былъ главнымъ рычагомъ всего этого дѣла. Онъ будто бы редактировалъ заключенія суда и умолялъ императора не прощать осужденныхъ [2]). Однако, этотъ человѣкъ былъ въ свое время несчастенъ. Онъ самъ былъ нѣкогда жертвою несправедливыхъ подозрѣній и ничѣмъ не доказанныхъ обвиненій. Въ тотъ самый день, когда долженъ былъ быть произнесенъ въ судѣ окончательный приговоръ подсудимымъ, человѣкъ этотъ говорилъ, что по его мнѣнію не было достаточныхъ уликъ для моего обвиненія.

— Единственно,—сказалъ онъ,—въ чемъ его можно обвинить, это въ отказѣ явиться въ судъ. Но русскій законъ не караетъ за это, такъ что его ни въ чемъ нельзя обвинить. Сказавъ это, онъ въ тотъ же день подписалъ мой смертный приговоръ. Говорятъ, будто въ началѣ засѣданія онъ по-прежнему былъ того мнѣнія, что меня нельзя обвинить, но устрашенный гнѣвомъ сенатора Баранова или, если хотите, увлеченный его краснорѣчіемъ, онъ присоединился въ концѣ-концовъ къ его мнѣнію и увлекъ остальныхъ.

Другой судья N, человѣкъ извѣстный возвышенностью и благородствомъ своего характера и своими дипломатическими способностями, имѣлъ много времени, спустя послѣ событія, случай разсмотрѣть предъявленныя противъ меня обвиненія и призналъ, что приговоръ, произнесенный противъ меня, былъ несправедливъ. Разумѣется, его нельзя обвинить въ томъ, что онъ участвовалъ въ произнесеніи этого приговора, если принять во вниманіе, въ какомъ видѣ ему было представлено дѣло, и отсутствіе съ его стороны опытности въ уголовномъ судопроизводствѣ. Но все же ему дѣлаетъ честь, что онъ сознался въ томъ, что приговоръ былъ произнесенъ несправедливо. Мы видѣли въ моихъ замѣчаніяхъ на донесеніе, что редакторъ не хотѣлъ даже признать ошибки, доказанной числами. Читатель припомнитъ, съ какимъ трудомъ юристы признали, слишкомъ поздно, важную ошибку, происшедшую въ дѣлѣ Калласа. Герцогъ Орлеанскій спросилъ, однажды, пресѣдателя суда:

— Какъ могло случиться, чтобы столь извѣстный судья могъ сдѣлать подобную ошибку?

— Нѣтъ той лошади, ваше высочество,—отвѣчалъ предсѣдатель,—которая бы не спотыкалась.

— Но не цѣлая же конюшня!—отвѣчалъ принцъ.

---

[2]) Трудно вѣрить, чтобы Сперанскій. *Ред.*

они прощаютъ, если не изъ хорошаго побужденія, то изъ тщеславія или изъ желанія доставить себѣ удовольствіе. Но когда нечего прощать, когда, напротивъ, надо загладить свой поступокъ передъ пострадавшимъ, о—тогда жертва становится слишкомъ велика, и только чистыя души могутъ ихъ принесть. „Только великія сердца знаютъ сколько славы быть добрымъ“, сказалъ Фенелонъ.

Была, можетъ быть, другая болѣе реальная причина несправедливости, проявленной ко мнѣ, и упорства, которое въ нее вкладывали; она—въ недостаткѣ цивилизаціи страны и ея населенія. Дикарь не пойметъ, почему въ цивилизованныхъ государствахъ судопроизводство снабжено столькими формами, а обвиняемые такой защитой; самый простой и самый спѣшный процессъ дикарю всегда кажется самымъ лучшимъ: презрѣніе къ человѣческой жизни—характерная черта варваровъ. Можно сказать, что чувство справедливости и уваженія къ жизни и досто-

---

Другой судья, сенаторъ Кушниковъ, также имѣлъ случай прочесть нѣкоторыя объясненія, данныя по моему дѣлу. Но онъ призналъ несправедливость приговора, произнесеннаго противъ меня послѣ нѣкоторыхъ колебаній и возраженій съ его стороны.

Другой судья, также б ы в ш і й дипломатъ, на вопросъ, предложенный ему однимъ почтеннымъ человѣкомъ, какимъ образомъ меня обвиняли на основаніи столь неправдоподобныхъ показаній,—отвѣчалъ простодушно: „мы отлично знали, что относительно его приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, вотъ почему мы не возражали противъ него“.

Наконецъ, одинъ судья заявилъ уже впослѣдствіи, что если бы я явился въ судъ, то я былъ бы оправданъ и что причиною моего обвиненія было мое отсутствіе.

Въ числѣ судей былъ одинъ человѣкъ, котораго мнѣ было весьма прискорбно видѣть среди нихъ. Это былъ почтенный старецъ, котораго я зналъ прежде и который меня хорошо зналъ. Во время моихъ служебныхъ сношеній съ нимъ (въ Государственномъ Совѣтѣ), которыя продолжались нѣсколько лѣтъ, я неоднократно былъ свидѣтелемъ того, какъ заботливо онъ относился къ соблюденію справедливости и человѣколюбія въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Я не разъ видѣлъ, какъ, во время засѣданія Государственнаго Совѣта, онъ вставалъ со своего мѣста и заявлялъ, что такое-то дѣло, рѣшенное и подписанное имъ и его товарищами, было рѣшено несправедливо, и не упускалъ при этомъ случая замѣтить, что онъ убѣдился въ своей ошибкѣ, вслѣдствіе представленныхъ мною доводовъ. Почтенный старикъ, о которомъ я говорю, отлично зналъ, что въ моихъ взглядахъ не было ничего преступнаго. Онъ зналъ, что я былъ далекъ отъ желанія поступить по русской пословицѣ („вымести лѣстницу сверху“), но что я всегда утверждалъ, что надобно было заняться улучшеніемъ фундамента, т.-е. освобожденіемъ крестьянъ [1]).

---

[1]) Конечно, Мордвиновъ. *Ред.*

инству человѣка главнымъ образомъ и составляютъ различіе между истинной цивилизаціей и варварствомъ, даже самымъ прикрашеннымъ, отдѣланнымъ и вылощеннымъ.

Но трудно себѣ представить, до какой степени доходитъ отсутствіе этихъ соціальныхъ совершэнствъ въ Россіи даже между людьми, считающими себя цивилизованными. Идеи права и справедливости тамъ едва извѣстны; уваженіе ко всѣмъ естественнымъ правамъ замѣняется тамъ презрѣніемъ не только къ достоинству, но и къ жизни человѣка; тамъ люди въ общемъ честные и доброжелательные, зачастую, нисколько не колеблясь, совершаютъ преступленія, которыя возмутили бы всякую честную душу.

Осужденіе низкаго и безчестнаго поступка общественнымъ мнѣніемъ, заставляющимъ даже рѣшаться на самоубійство,— совершенно незнакомо въ Россіи. Испорченность нравовъ, жестокость, даже безчестные поступки или проходили незамѣченными, или извинялись. И могла ли добродѣтель пользоваться уваженіемъ тамъ, гдѣ не презирался порокъ?

Послѣ этихъ печальныхъ истинъ мнѣ пріятно привести нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что, несмотря на недостатокъ цивилизаціи въ Россіи, благородныя качества человѣческой души тамъ проявлялись иногда во всемъ своемъ блескѣ, къ тому же хорошіе поступки становятся тѣмъ выше и похвальнѣе, чѣмъ менѣе они имѣютъ цѣны въ глазахъ тѣхъ, отъ кого они исходятъ.

Многія знатныя фамиліи жестоко пострадали отъ несчастныхъ событій, о которыхъ я только что упоминалъ: онѣ также какъ и осужденные, не могли быть услышанными, но выражали протестъ противъ деспотизма своими поступками, своимъ самопожертвованіемъ. Въ этихъ случаяхъ, какъ и всегда, дѣйствовали наиболѣе горячо женщины.

Одна изъ нихъ красивая и совершенная, принадлежавшая къ извѣстной фамиліи и недавно вышедшая замужъ за одного изъ осужденныхъ, Н. Муравьева, не колеблясь ни одной минуты, отправилась съ нимъ въ Сибирь, куда былъ также сосланъ ея собственный братъ. Суровый климатъ той мѣстности, гдѣ она находилась, былъ очень вреденъ для этой несчастной и ея дѣтей. Долго ходатайствовали о ссылкѣ этой семьи въ другое мѣсто даже ужасной Сибири, но все было напрасно. Смерть положила конецъ страданіямъ этой женщины-героини.

Другая,—жена князя Трубецкого, молодая и богатая, въ тотъ же моментъ, какъ узнала объ осужденіи своего мужа, несмотря на протесты своихъ родственниковъ-царедворцевъ, объявила, что послѣдуетъ за мужемъ, и исполнила свое рѣшеніе. Ей сопутствовали старый домашній слуга и одинъ молодой французъ, личный секретарь ея отца, графа Л. Этотъ молодой чело-

вѣкъ хотѣлъ помочь въ трудностяхъ подобнаго путешествія; онъ вскорѣ возвратился во Францію и могъ кое-что сообщить о положеніи ссыльныхъ. По прибытіи княгини Трубецкой къ мѣсту назначенія, ей объявили, что ея мужъ долженъ остаться въ тюрьмѣ, а она можетъ помѣститься въ частномъ домѣ и ей будетъ позволено видѣться съ мужемъ одинъ или два раза въ недѣлю. Она отчаянно отстаивала возможность жить и самой въ тюрьмѣ, чтобы быть всегда около него. Напрасно говорили ей, что въ такомъ случаѣ она не можетъ сохранить права на прислугу,—она согласилась на всѣ условія и долгое время выполняла сама тяжелыя обязанности тюремной жизни.

Красивая и умная жена князя Волконскаго не могла исполнить своего желанія,—сопровождать мужа въ Сибирь, и осталась жить у своихъ родителей. Спустя нѣкоторое время она попросила у нихъ разрѣшенія съѣздить повидаться съ бѣднымъ ссыльнымъ. Они согласились на это, но скоро получили отъ нея письмо, въ которомъ она просила у нихъ прощенія за то, что обманула первый разъ въ своей жизни, рѣшивъ никогда не возвращаться.

Одна молодая женщина, братъ которой находился въ числѣ ссыльныхъ, не получивъ позволенія увидѣться съ нимъ, сдѣлала это тайно. Она поѣхала въ глубь Сибири отыскать своего брата и принести ему, если не надежду, то утѣшеніе.

Другая—молодая француженка, служившая ранѣе гувернанткой въ одномъ аристократическомъ домѣ, возвратилась въ Москву къ своимъ родителямъ; ее изнуряла тяжелая болѣзнь, причину которой никто не могъ опредѣлить, не исключая даже матери. Вдругъ сынъ той семьи, въ которой она жила, былъ приговоренъ къ ссылкѣ на каторжныя работы. И только теперь она уговорила свою мать попытаться попросить у родителей осужденнаго на бракъ ихъ несчастнаго сына съ ней. Оказалось, что ихъ любовь была взаимна, но, щадя семью молодого человѣка, они рѣшили разстаться. Родители, восхищенные такимъ состраданіемъ къ участи ихъ сына, съ благодарностью приняли жертву благородной молодой женщины. Она уѣхала въ Сибирь, вышла замужъ за осужденнаго, прожила нѣсколько лѣтъ, давъ жизнь троимъ дѣтямъ, и тамъ же и умерла. Ея мужъ вскорѣ послѣ нея тоже сошелъ въ могилу. Этотъ молодой человѣкъ, мой родственникъ, котораго я зналъ съ самой ранней юности, былъ вполнѣ достоинъ такой преданности [1]). Его мать часто говорила, что она считала бы себя счастливой, если бы ей разрѣшили поѣхать жить съ сыномъ.

---

[1]) Современная литература коснулась всего этого. Другой эпизодъ драмы 1826 г. послужилъ сюжетомъ романа „Le Maître d'ares“. Я не знаю всѣхъ подробностей, всѣхъ обстоятельствъ, которыя въ немъ описаны, но, читая его, я часто вспоминалъ о чистой и скромной добродѣтели молодой особы, о которой я только что разсказалъ.

Другая женщина, которая имѣла и еще имѣетъ въ Сибири то, что ей дороже всего на свѣтѣ—двухъ сыновей, долго хлопотала о позволеніи жить съ ними.

Одна умерла, не увидѣвъ своего сына, другая живетъ и, можетъ быть, все еще надѣется.

Такимъ образомъ при неожиданныхъ, необычайныхъ событіяхъ человѣческая душа проявляется вполнѣ. Тогда, если съ одной стороны дурныя страсти переходятъ въ тиранію,—съ другой стороны возникаютъ высокія добродѣтели и самопожертвованія. Всегда и вездѣ, рядомъ съ дикимъ гнѣвомъ, являются героическія жертвы, и въ этомъ, если нѣтъ удовлетворенія, то, по крайней мѣрѣ, есть утѣшеніе, а оно необходимо, чтобы вѣрить въ божеское правосудіе и человѣческое совершенствованіе.

Оправдательная записка.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ своемъ разсказѣ о тайныхъ обществахъ я буду руководствоваться собственнымъ опытомъ и Донесеніемъ слѣдственной коммиссіи о событіяхъ, предшествующихъ событію 1825 года. О себѣ я буду говорить съ полной искренностью и только одну правду. Если она говоритъ въ мою пользу, тѣмъ лучше для меня, если же нѣтъ, то это не помѣшаетъ мнѣ признаться въ ней. Предстоя передъ русскимъ судомъ, конечно, я имѣлъ бы основаніе прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ, чтобы оправдаться въ преступленіи, но теперь, свободный отъ всякой зависимости, безъ боязни за будущее и безъ какихъ-либо надеждъ, я не имѣю права умалчивать или искажать истину, когда я воленъ говорить или молчать.

Что касается моихъ убѣжденій, то они остались и теперь неизмѣнными, въ противномъ случаѣ я не поколебался бы признаться въ этомъ, слѣдуя прекраснымъ словамъ автора Lelia: „Если признаніе прежней ошибки и исповѣданіе новой вѣры есть долгъ человѣка, то отрицаніе или замаскированіе ее, чтобы неуклюже связать распадающееся зданіе жизни,—не менѣе предосудительное вѣроотступничество, достойное всякаго презрѣнія“.

Впрочемъ, разсмотрѣвъ съ суровымъ вниманіемъ все мое поведеніе въ продолженіе моего послѣдняго восьмилѣтняго пребыванія въ Россіи, я вижу, что имъ не руководили какіе-либо личные разсчеты или преступныя намѣренія: я желалъ блага для всѣхъ и не хотѣлъ зла никому, поэтому я могу только благодарить Провидѣніе, доставившее мнѣ утѣшеніе въ томъ, что я былъ осужденъ на смертную казнь за самопожертвованіе и самоотреченіе. И пусть не говорятъ, что съ самыми лучшими намѣреніями, съ полной добросовѣстностью можно нарушить лучшіе законы и такимъ образомъ навлечь на свою голову месть людей, если не Бога. Нѣтъ! Ни одинъ изъ моихъ поступковъ не могъ разсматриваться, какъ противозаконный, какъ подлежащій суду.

Послѣ смерти Александра въ Таганрогѣ, когда всѣ были заняты мыслью о его преемникѣ, въ Петербургѣ вспыхнуло возстаніе; возставшіе предполагали учредить представительный образъ правленія, но ихъ попытка была подавлена. Въ это самое время на югѣ Россіи, во второй арміи, вспыхнуло другое возстаніе — военное. Причиной его былъ арестъ нѣсколькихъ высшихъ офицеровъ, вслѣдствіе доноса императору Александру. Между этими двумя возстаніями, между ихъ руководителями не было ничего общаго, ничего условленнаго [1]).

Послѣ возстанія 14 декабря 1825 г. русское правительство сочло долгомъ примѣнить самыя строгія мѣры противъ его зачинщиковъ и соучастниковъ и нарочно для этого создало новыя установленія. Разслѣдованіе дѣла было поручено коммиссіи, составленной изъ шести главныхъ адъютантовъ императора и главнаго директора почтъ, бывшаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ этой коммиссіи также учавствовалъ братъ императора, великій князь Михаилъ; при ней въ качествѣ секретаря былъ статскій совѣтникъ, бывшій дипломатъ [2]). Безъ сомнѣнія, неправильно было возлагать на военныхъ административныя и юридическія функціи, но то, что въ цивилизованныхъ странахъ казалось бы чудовищной аномаліей, въ Россіи никого не шокировало; однако русское правительство въ этомъ случаѣ превзошло даже самое себя и отбросило въ сторону всякія приличія.

Что касается участія въ коммиссіи брата императора, то объ этомъ я не скажу ничего: въ Россіи оно не могло никого удивить, вездѣ же въ другомъ мѣстѣ казалось бы невѣроятнымъ и не было бы возможнымъ.

Рядомъ съ этой коммиссіей составили Верховный Судъ, образованный изъ членовъ Государственнаго Совѣта и Сената, адъютантовъ императора, архіепископовъ и т. д. Согласно установленнымъ закономъ, разбирать дѣло долженъ былъ Сенатъ, но правительство боялось той доли нравственнаго авторитета, которымъ пользовалось это учрежденіе, и хотѣло довести произволъ до конца. Слѣдствіе, судъ — все шло необычнымъ, внѣзаконнымъ путемъ; дѣло было достойнымъ образомъ завѣнчано примѣненіемъ смертной казни, которая уже сто лѣтъ назадъ была вычеркнута изъ свода уголовныхъ законовъ Россіи. Коммиссія разобрала дѣло; результаты ея были изложены въ донесеніи, представленномъ императору и послужившемъ обвинительнымъ актомъ.

Какъ далѣе будетъ видно, донесеніе коммиссіи мало походило на судебный документъ: самое большее это былъ истори-

---

[1]) Оба эти событія редакція надѣется описать въ отдѣльномъ очеркѣ. *Ред.*

[2]) Составъ слѣдственной коммиссіи и Верховнаго Суда будетъ приведенъ въ „процессѣ“ декабристовъ. *Ред.*

ческій разсказъ, продиктованный пристрастіемъ скорѣе въ интересахъ партіи, чѣмъ въ интересахъ истины. Его авторъ намѣтилъ себѣ извѣстную цѣль и, чтобы достичь ея, онъ не пренебрегалъ никакими средствами. Ничто его не удерживало; если онъ сталкивался съ препятствіемъ, если впадалъ въ неясность, то быстро поправлялся, ухватившись за какую-нибудь клевету, и продолжалъ свой путь, не оглядываясь назадъ. Вслѣдствіе подобнаго рвенія сущность работы очень пострадала: противорѣчія встрѣчались повсюду, только что установленные факты или уничтожали сами себя, или опровергались послѣдующими.

Въ своихъ замѣчаніяхъ я долженъ былъ ссылаться на донесеніе, при этомъ старался дѣлать это насколько возможно короче и рѣже. Для ссылокъ я сохранилъ порядокъ донесенія. Послѣ каждой изъ нихъ слѣдуютъ мои замѣчанія, которыя касаются сначала тайнаго общества, къ которому я принадлежалъ, а потомъ меня самого. Этотъ способъ, безъ сомнѣнія, избавилъ насъ отъ повтореній [1]), но такъ какъ донесеніе на каждой страницѣ возвращается къ низкимъ инсинуаціямъ, то и намъ придется разбирать ихъ одну за другой и противопоставлять имъ все одно и то же оружіе—истину.

Донесеніе слѣдственной коммиссіи начинается такъ:

«Въ іюнѣ 1824 и въ декабрѣ 1825 г. доносы извѣщали импе-
«ратора Александра, что нѣкоторыя лица въ арміи задумали ниспро-
«верженіе существующаго государственнаго строя (стр. 5 донесенія).
«Во второй арміи были арестованы многія лица. Между тѣмъ ихъ соучаст-
«ники въ Петербургѣ, отчасти подозрѣвая, что правительству уже
«извѣстны ихъ проекты, отчасти вслѣдствіе нетерпѣнія ихъ выпол-
«нить, обманули часть гвардейскихъ полковъ, по поводу присяги, ко-
«торую они должны были принести Вашему Величеству, и произвели
«мятежъ, которому жители столицы были свидѣтелями, 14 декабря
«(стр. 6). Вечеромъ того же дня они почти всѣ были во власти пра-
«вительства и ихъ показанія выяснили и дополнили свѣдѣнія о су-
«ществованіи заговора.

«Работы коммиссіи начинаются съ этого времени. Собраніе фак-
«товъ показало: въ 1817 г. организовалось первое тайное общество
«подъ названіемъ «Союзъ спасенія» или «истинныхъ и вѣрныхъ сы-
«новъ отечества». «Съ самаго основанія цѣлью этого общества было
измѣненіе «учрежденій, существующихъ въ государствѣ (стр. 11). «Оно
не имѣло никакого успѣха» [2]).

Что касается этого общества, то я могу сказать, что никогда не зналъ о его существованіи и даже о его названіи я

---

[1]) Вопреки этому утвержденію, въ оправдательной запискѣ Н. Тургеневъ очень повторяется, такъ что редакція, вообще придерживаясь возможно ближе къ тексту, принуждена дѣлать нѣкоторые пропуски, чтобы не говорить по нѣсколько разъ одно и тоже. *Ред.*

[2]) Приводимыя мѣста изъ донесенія въ большинствѣ случаевъ печатаются почти дословно съ копіи, но во всѣхъ случаяхъ въ свѣренномъ видѣ. *Ред.*

узналъ только изъ донесенія слѣдственной коммиссіи [1]). Донесеніе говоритъ здѣсь о „первыхъ членахъ“, о „новыхъ членахъ“, потомъ еще о „нѣкоторыхъ изъ нихъ“ и непосредственно вслѣдъ за этимъ оно говоритъ, что общество состояло только изъ десяти или даже изъ семи членовъ! Вотъ судебная точность! (См. стр. 10). По поводу преній, бывшихъ въ Москвѣ между нѣсколь-

---

[1]) Приводимъ здѣсь вкратцѣ исторію развитія тайныхъ обществъ, данную Н. Муравьевымъ въ своихъ показаніяхъ, которыя очень близки къ истинѣ:

„Въ продолженіе 1816 года Александръ Муравьевъ предложилъ мнѣ составить общество, имѣющее цѣлью введеніе въ Россіи монархическаго представительнаго правленія. По сему случаю пригласилъ онъ къ себѣ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостола, Якушкина и меня. Послѣ многихъ совѣщаній дѣло разошлось безъ всякихъ послѣдствій. Якушкинъ черезъ непродолжительное время перешелъ въ армію и поступилъ въ полкъ генерала Фонвизена, который, бывъ еще тогда полковникомъ, находился съ полкомъ въ Черниговской губерніи и вскорѣ съ онымъ перешелъ въ Москву. Въ это время познакомился я съ Пестелемъ и, найдя въ немъ тѣ же мысли, сблизилъ его съ Александромъ Муравьевымъ, который въ то же время вступилъ въ связь съ княземъ Трубецкимъ. Пестель взялся написать уставъ общества, которое и возъимѣло свое начало въ февралѣ 1817 года подъ именемъ *Союза Спасенія*. Союзъ сей состоялъ изъ трехъ степеней: *братій*, *мужей* и *бояръ*. Изъ третьей степени избирались, сколько помню, ежемѣсячно *старѣйшины*. Обряды пріема долженствовали быть торжественные. Вступающій давалъ клятву сохранить въ тайнѣ все, что ему скажутъ, если оно не будетъ согласно съ его мнѣніемъ, по вступленіи онъ давалъ другую клятву. Каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою клятву. Черезъ нѣсколько дней Пестель пріобрѣлъ Обществу кн. Лопухина въ качествѣ боярина. Копія съ устава была доставлена въ Москву къ Якушкину, въ твердомъ увѣреніи, что онъ немедленно вступитъ въ бояре, безъ прекословія устроивъ Общество. Пестель уѣхалъ въ Митаву, и Александръ Муравьевъ заступилъ мѣсто старѣйшины. Генералъ Михайло Орловъ находился тогда въ Петербургѣ. Они открылись другъ другу потому, что каждый изъ нихъ сталъ уговаривать другого вступить въ свое Общество. Переговоры сіи кончились тѣмъ, что они обѣщались не препятствовать одинъ другому, идя къ одной цѣли, и оказывать себѣ взаимныя пособія. Нашему обществу сталъ извѣстенъ одинъ ген. Орловъ,—его Обществу одинъ Александръ Муравьевъ.

Сей послѣдній желалъ пріобрѣсти Обществу брата своего Михаила, Бурцова и Петра Колошина. Но они не иначе соглашались войти, какъ съ тѣмъ, чтобы сей уставъ, проповѣдающій насиліе и основанный на клятвахъ, былъ отмѣненъ и чтобы Общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣніе. И такъ Союзъ Спасенія рушился послѣ трехъ или четырыхъ мѣсяцевъ существованія. Всѣ формы онаго были уничтожены и безконечныя пренія возникли, какое дать устройство Обществу. Между тѣмъ Михайло Муравьевъ и Петръ Колошинъ были переведены на службу въ Москву. Большая часть членовъ также вскорѣ пошла въ Москву въ отрядѣ войскъ Гвардейскаго корпуса.

Въ то же время въ Москвѣ Якушкинъ, получа уставъ Союза Спасенія, нашелъ его несообразнымъ съ своимъ образомъ мыслей, согласовавшагося съ мыслями Михайлы Муравьева. Особливо вознегодовалъ онъ противъ клятвъ и слѣпого повиновенія, которыхъ уставъ сей требовалъ отъ первыхъ двухъ степеней, къ воли бояръ и отъ самыхъ бояръ рѣшенію большинства голосовъ. Онъ показалъ уставъ сей ген. Фонвизену, который раздѣлилъ его образъ мыслей.

По прибытіи въ Москву начались споры, какую дать форму Обществу и какую цѣль опредѣлить его занятіямъ. Еще въ Петербургѣ кн. Лопухинъ доставилъ книжку нѣмецкаго журнала „Freywillige Blätter“, въ которой находился уставъ Тугендбунда, въ томъ самомъ видѣ, какъ оный, по сказанію сего журнала, былъ представленъ на утвержденіе королю Прусскому. Петръ Колошинъ перевелъ его на русской языкъ. Уставъ сей весьма понравился Михайлѣ Муравьеву, Фонвизену и Якушкину, которые настаивали, чтобы оный приключить къ состоянію Россіи и народному характеру, на что другіе члены не соглашались такъ, что Михайло Муравьевъ и Петръ Колошинъ оставили Общество.

Въ это время пришло къ Якушкину письмо отъ князя Трубецкаго изъ Петербурга, въ которомъ онъ извѣщалъ его, что государь императоръ рѣшился отдѣлить польскія губерніи отъ Россіи и, зная, что таковое предпріятіе не можетъ исполниться безъ сопротивленія ѣдитъ со всею царствующею фамиліею въ Варшаву, изъ коей издастъ манифестъ о вольности крѣпостныхъ людей и крестьянъ, что тогда народъ примется за оружіе противу дворянъ и вовремя сего всеобщаго смятенія польскія губерніи будутъ присоединены къ новому царству. Такое нелѣпое извѣстіе произвело чрезвычайное дѣйствіе. Якушкинъ, который нѣсколько лѣтъ уже мучился несчастною страстью и котораго друзья съ трудомъ нѣсколько разъ спасали отъ собственныхъ рукъ, представилъ себѣ, что смерть его можетъ быть полезна Россіи.—„Убійца не долженъ жить“—говорилъ онъ, „я вижу что судьба меня избрала жертвою, я убью царя и послѣ застрѣлюсь“. Ген. Фонвизенъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ взяли у него письмо, прочли, нашли обвиненіе нелѣпымъ, говорили, что все это горячка и убѣдили Якушкина дождаться объясненій кн. Трубецкаго. Въ слѣдствіе сего, онъ былъ призванъ въ Москву, стали его допрашивать, онъ не могъ привести никакихъ доказательствъ достовѣрности сихъ ужасныхъ предположеній и такимъ образомъ отвращены были всѣ послѣдствія, которыя могло бы имѣть его письмо.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этаго Якушкинъ преодолѣлъ страсть свою, женился на другой особѣ, оставилъ общество совершенно и ведетъ теперь жизнь самую уединенную въ деревни, занимаясь своимъ семействомъ и хозяйствомъ.

Члены, успокоившись, занялись передѣланіемъ устава Тугендбунда. Работа сія продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ. Она была поручена Михайлѣ Муравьеву, кн. Трубецкому и мнѣ. Но такъ какъ моя часть не отвѣтствовала прочимъ, то поручено было Петру Колошину ее передѣлать.

Пока работа сія производилась, Александръ Муравьевъ завелъ *Военное Общество*, которое было довольно многочисленно и раздѣля-

лось на двѣ управы;—но по окончаніи новаго устава, общество сіе было распущено и члены онаго поступили въ новый *Союзъ Благоденствія*.

Союзъ сей, который обнималъ всѣ отрасли человѣческихъ занятій, увеличился весьма скоро потому, что правила, изложенныя въ его уставѣ, были основаны на правилахъ чистѣйшей нравственности и дѣятельной любви къ человѣчеству. Многіе члены предлагали поднести его правительству и испросить отъ онаго утвержденія. Но оный не могъ существовать по множеству занятій и трудовъ, которыхъ онъ требовалъ отъ каждато члена.

Члены, оставшіеся въ Петербургѣ, вступили также въ Союзъ Благоденствія. Между тѣмъ ген. Орловъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи составить общество. Представитель его въ Петербургѣ Николай Тургеневъ вступилъ въ С. Бл. и онъ самъ послѣдовалъ сему примѣру въ Москвѣ, гдѣ принялъ его Александръ Муравьевъ, вышедшій въ отставку и поселившійся тамъ.

Пестель, какъ я уже выше упоминулъ, не призналъ новый Союзъ и дѣйствовалъ отдѣльно, прежде въ Митавѣ, а потомъ въ Тульчинѣ. Въ 1819 году Александръ Муравьевъ вышелъ изъ Общества и прислалъ въ Петербургъ всѣ книги устава, у него находившіяся.

Вскорѣ послѣ того оба Фонвизены пріѣзжали въ Петербургъ съ предложеніемъ сдѣлать съѣздъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ отраслей Союза въ Москвѣ, дабы обдумать, есть ли способъ дать ходъ обществу, а въ случаѣ невозможности распустить оное. Изъ Петербурга поѣхали Н. Тургеневъ и полковникъ Глинка. Собраніе, сколько мнѣ извѣстно, состояло изъ обоихъ Фонвизеныхъ, генерала Орлова, полковниковъ Грабе, Глинки и Н. Тургенева. Не помню, былъ ли Бурцовъ на ономъ, или нѣтъ.

Съѣздъ сей имѣлъ послѣдствіемъ разрушеніе Союза, коего книги были вездѣ истреблены и много членовъ вышли совершенно изъ Общества, какъ-то: Михайло Муравьевъ, Петръ Колошинъ и Якушкинъ.

Сіе происходило, сколько припомню, весною 1820-го года. Что происходило въ Петербургѣ въ продолженіе сего года, мнѣ мало извѣстно потому, что я проводилъ лѣто на дачѣ съ матерью, и, будучи въ отставкѣ, не имѣлъ предлога ѣздить въ городъ. Князь Трубецкой уѣхалъ за границу, Матвѣй Муравьевъ въ Москвѣ еще сдѣланъ былъ адъютантомъ князя Репнина, Бурцовъ также въ концѣ 1819-го года оставилъ Петербургъ и поѣхалъ въ Тульчинъ. Оставался изъ старыхъ членовъ одинъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, который не имѣлъ управы. Конецъ же лѣта и осень я провелъ въ путешествіи. Съ Оболенскимъ я былъ тогда еще мало знакомъ. И потому показанія мои могутъ быть невѣрными и я могу безъ всякаго дурнаго намѣренія помѣстить въ число членовъ, людей, не участвовавшихъ уже болѣе ни въ какихъ дѣйствіяхъ, имена коихъ извѣстны кн. Оболенскому и г. Семенову, который съ возвращенія Союза Благоденствія въ Петербургъ служилъ сообщеніемъ между всѣми управами.

Я уже упомянулъ выше о моемъ путешествіи въ Крымъ и заѣздѣ въ Тульчинъ. Возвратился я въ Петербургъ въ концѣ ноября 1820-го года. Общество все еще не воскресало. Въ апрѣлѣ или маѣ 1821-го года выступила гвардія въ походъ и уже не осталось въ Петер-

бургѣ ни одного члена. Осенью 1821-го года я вступилъ въ службу и поѣхалъ въ главную квартиру Гвардейскаго корпуса, находившуюся въ Минскѣ. Тамъ я началъ писать проэктъ конституціи, которую не успѣлъ довести до совершеннаго окончанія, какъ принужденнымъ нашелся ее истребить.

Будучи въ Минскѣ, я видалъ одного только члена нашего общества полковника Нарышкина и, будучи посланъ весною 1822 въ Лиды для сочиненія диспозиціи Павловскому полку, видѣлъ князя Оболенскаго.

Между тѣмъ Общество лишилось Лунина, который въ началѣ 1822-го года вступилъ въ службу, поѣхалъ въ Литовской корпусъ и съ тѣхъ поръ прервалъ всѣ сношенія съ нимъ, и князя Лопухина, который уѣхалъ въ Тверь и не участвовалъ болѣе ни въ какихъ занятіяхъ нашихъ, такъ что, бывши въ Петербургѣ въ 1824-мъ году, онъ избѣгалъ даже встрѣчи членовъ Общества. Наконецъ осенью 1822-го года составилось опять Общество, которое лишилось вскорѣ потомъ Павла Колошина, который, уѣхавъ въ Москву, бросилъ Общество, и егерскаго офицера Горсткина, который послѣдовалъ его примѣру. Полковникъ Шиповъ съ 1823-го года также отчуждился отъ Общества. Егерскіе офицеры Норовъ и Чилищевъ и измайловской Капнистъ также оставили Общество.

Въ 1824 году Пестель пріѣхалъ въ Петербургъ. По причинѣ болѣзни жены моей, я не могъ его видѣть болѣе недѣли. Между тѣмъ происходило собраніе главнѣйшихъ членовъ, въ которомъ были члены Думы кн. Трубецкой и кн. Оболенской и члены Н. Тургеневъ, Рылѣевъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ и Семеновъ. Кажется, Пестель жаловался на недѣятельность Сѣвернаго общества, на недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ, на различіе устройствъ на Сѣверѣ, на Югѣ и на недостатокъ положительныхъ началъ. На Югѣ были бояре, у насъ ихъ не было. И потому онъ предлагалъ соединить оба общества въ одно, признать въ обоихъ обществахъ однихъ и тѣхъ же начальниковъ. Дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ бояръ и обязать бояръ и прочихъ членовъ слѣпо исполнять рѣшеніе большинства голосовъ. Сіе предложеніе было принято и Пестель посѣтилъ меня. Не сходясь съ нимъ въ сихъ правилахъ, я предложилъ другое собраніе, въ которомъ изложилъ невозможность слить въ одно два общества, отдѣленныя такимъ большимъ пространствомъ и притомъ раздѣленныхъ мнѣніемъ. Въ Сѣверномъ Обществѣ всякой имѣлъ свое мнѣніе, въ Южномъ, сколько мнѣ было извѣстно по пріѣзжающимъ изъ онаго, не было никакого противорѣчія мнѣніямъ Пестеля: и такъ большинство голосовъ всегда бы было выраженіемъ одной его воли. Притомъ онъ не опредѣлялъ, сколько именно онъ могъ имѣть бояръ, и представилъ себѣ право вмѣстѣ съ своими боярами принимать новыхъ. Къ тому же я объявилъ, что никогда не соглашусь слѣпо повиноваться большинству голосовъ, когда рѣшеніе ихъ будетъ противно моей совѣсти и представляю себѣ право выти изъ Общества во всякомъ случаѣ. Причины сіи подѣйствовали, и Пестель согласился на слѣдующее опредѣленіе: оставить оба общества въ ихъ настоящемъ положеніи, сколько помню до 1826-го года, а тогда собрать уполномоченныхъ отъ обоихъ обществъ, которые бы уже согласились въ началахъ и избрали бы вмѣстѣ общихъ правителей для всего общества. Съ тѣхъ поръ сношенія

кими лицами, членами или нечленами этого общества, донесеніе приводитъ бесѣды между ними и замѣчаетъ:

„Со времени этихъ преній, возникла ужасная мысль о цареубійствѣ“ (стр. 13).

Этимъ любопытнымъ замѣчаніемъ донесеніе хочетъ дать понять, что потомъ эта мысль только возросла и распространилась. Но гдѣ найдутъ ее въ тайныхъ обществахъ?

„Въ это самое время, генералъ М. Орловъ съ графомъ Мамоновымъ и Н. Тургеневымъ занялся образованіемъ другого общества.... Однако его планы не имѣли никакихъ послѣдствій и общество, которое онъ задумалъ, не образовалось“ (стр. 12).

Нѣкоторое время спустя послѣ моего возвращенія въ С.-Петербургъ я встрѣтился съ генераломъ М. Орловымъ, котораго узналъ за границей и въ особенности въ Нанси, гдѣ онъ былъ начальникомъ главнаго штаба русскаго армейскаго корпуса, расположеннаго въ этихъ странахъ. Этотъ генералъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ и благороднымъ, возвышеннымъ характеромъ. Онъ въ совершенствѣ владѣлъ тѣмъ образованіемъ, которое обыкновенно получали свѣтскіе люди. Какъ всѣ люди съ живыми и пылкими способностями, которымъ недостаетъ прочныхъ убѣжденій, основанныхъ на солидныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе. Но это не мѣшало ему думать о полезномъ и положительномъ. Назначенный начальникомъ дивизіи во второй арміи онъ усердно основывалъ и распространялъ ланкастерскія школы для многочисленныхъ полковыхъ дѣтей и солдатъ, не только своей дивизіи, но и для дѣтей городовъ, по которымъ была расквартирована его дивизія. Онъ отдавалъ на это все получаемое свое жалованье и значительную часть своего состоянія. Его старанія скоро дали удовлетворительные результаты; но также скоро они стали причиной непріятностей, какъ для него, такъ и для тѣхъ, къ чьей пользѣ они были предприняты. Тысячу разъ справедливо, что въ Россіи невозможно дѣлать добра, даже самаго чистаго, самаго простого, не рискуя стать самому жертвой собственнаго усердія и поставить въ непріятное положеніе тѣхъ, кому хочешь оказать услугу.

Сѣвернаго общества съ Пестелемъ измѣнились и онъ въ пребываніе свое не оказывалъ уже никакой довѣренности главнымъ онаго членамъ. Обѣщалъ прислать свою конституцію и не прислалъ и вообще не входилъ ни въ какія подробности на счетъ устройства Южнаго Общества и его дѣйствій. Князь Волконскій, который пріѣзжалъ уже послѣ него, не имѣлъ никакихъ порученій отъ него, а только привѣтствовалъ членовъ Думы и хвалилъ согласіе обоихъ обществъ (Довнаръ—Запольскій.—Мемуары Декабристовъ. К. 1906 г. 47—52 стр.; Орѳографія сохранена подлинника). *Ред.*

Теперь, говорили мнѣ, генералъ занятъ матеріальными интересами, фабриками; онъ пишетъ книги о финансахъ. Кажется оспаривать его было моей участью, потому что я былъ также противъ его финансовыхъ и промышленныхъ теорій, какъ противъ его теорій военныхъ и завоевательныхъ. Впрочемъ, я люблю представлять его себѣ такимъ, какимъ я его когда-то зналъ—благороднымъ, великодушнымъ, посвятившимъ себя общественному благу.

Когда я встрѣтилъ его въ С.-Петербургѣ, всѣ его мысли были заняты франкъ-масонствомъ; у него былъ проектъ востановить это учрежденіе въ такомъ видѣ, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и придать ему политическую или скорѣе практическкую цѣль. Его товарищемъ въ этомъ предпріятіи былъ графъ Мамоновъ, который питалъ особенную любовь къ прежнему русскому масонству. Я лично никогда его не зналъ, но одно необычайное обстоятельство, сдѣлало его имя настолько извѣстнымъ, что ему нельзя не отдать почтенія [1]).

Какъ кажется, графъ Мамоновъ былъ посвященъ въ одинъ изъ высшихъ чиновъ прежняго масонства; генералъ Орловъ, знавшій чинъ и формулу посвященія, внесъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, соотвѣтственно духу времени, но сохранивъ мистическую форму, господствовавшую въ прежнемъ обрядѣ. Онъ показалъ мнѣ свой проектъ, предложивъ сообщить его нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, которые были масонами, для того, чтобы они постарались ввести его въ свои ложи. Я далъ этотъ уставъ или церемоніалъ пріема одному своему знакомому, предсѣдателю одной ложи, и онъ былъ въ восторгѣ имѣть символъ прежняго русскаго масонства, нѣкогда столь извѣстнаго. Въ то же самое время генералъ Орловъ сказалъ мнѣ, что онъ только что образовалъ ядро общества, основанное на этихъ реликвіяхъ. Онъ назвалъ мнѣ своихъ единомышленниковъ, это были два адъютанта императора, генералъ П. М.... и г. Б.... Я ихъ иногда встрѣчалъ, но никогда не говорилъ съ ними объ этомъ обществѣ. Только разъ послѣд-

---

[1]) Вотъ его прекрасный поступокъ, о которомъ я намекнулъ. Въ 1812 г. во время вторженія въ страну армій Наполеона, императоръ Александръ прибылъ въ Москву, чтобы быть свидѣтелемъ патріотическаго рвенія, проявлявшагося повсюду. Нѣкоторыя лица, извѣстныя своимъ богатствомъ, пожертвовали значительныя суммы на военныя издержки; другіе сформировали и экипировали на свой счетъ цѣлые полки. Графъ Мамоновъ превзошелъ всѣхъ величиной своихъ пожертвованій: не удовольствовавшись поднесеніемъ императору многихъ милліоновъ рублей, помѣщенныхъ въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, и брилліантовъ, которые были не меньшей цѣнности, онъ предложилъ въ распоряженіе Александра свои недвижимыя имущества, стоившія также много милліоновъ. Императоръ вполнѣ оцѣнилъ его патріотическое великодушіе, но однако отказался принять его даръ полностью: онъ удовольствовался тѣмъ, что позволилъ ему сформировать на свой счетъ кавалерійскій полкъ и пожаловалъ ему чинъ бригаднаго генерала.

ній, говоря о „Союзѣ благоденствія“, съ которымъ предполагали соединить общество, проектируемое генераломъ Орловымъ, сказалъ мнѣ,—что они не видятъ надобности въ сліяніи этихъ двухъ обществъ и что посмотрятъ сначала, какъ будетъ Союзъ дѣйствовать и воспользуются, какъ хорошими, такъ и плохими сторонами этой дѣятельности. И „политики“ же были эти господа!

Основатели „Союза благоденствія“, въ дѣйствительности имѣли нѣсколько свиданій съ генераломъ Орловымъ, но они не были услышаны. Впрочемъ, эти переговоры были до моей встрѣчи съ генераломъ. Позднѣе послѣдній, оставивъ свой проектъ полумасонскаго общества, присоединился къ „Союзу благоденствія“, и вышелъ изъ членовъ его за нѣсколько дней до роспуска союза, какъ уже говорилъ объ этомъ раньше. Изъ всего сказаннаго видно, что попытка Орлова не имѣла никакого существеннаго результата. Правительство, или Слѣдственная коммиссія, заставила однако явиться въ Петербургъ лицо, которому я сообщалъ о проектѣ Орлова, но такъ какъ не нашли ничего подозрительнаго, то всякое преслѣдованіе по этому поводу было прекращено.

Донесеніе объ этомъ обществѣ ничего не содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ я сказалъ. Что я не принималъ участія въ образованіи общества съ генераломъ Орловымъ въ то время, когда другіе были заняты устройствомъ „Союза спасенія“, видно изъ того, что онъ о своемъ проектѣ сказалъ мнѣ только послѣ безплодныхъ переговоровъ съ основателями не „Союза спасенія“, а „Союза благоденствія“, т.-е. много позднѣе [1]).

„Это общество (Союзъ спасенія) приняло названіе „Союзъ благоденствія“ и новый „уставъ“ (стр. 16).“

Между тѣмъ это было новое общество, основанное вмѣсто прежняго. По числамъ, обозначеннымъ въ донесеніи, это новое общество было образовано въ началѣ 1818 г.

I. Факты относящіеся къ основанію и распаденію Союза благоденствія.

„Въ главныхъ положеніяхъ устава „Союзъ благоденствія“, въ раздѣленіи предметовъ, наиболѣе замѣчательныхъ идеяхъ и даже въ стилѣ видно подражаніе и, большею частью, переводъ съ нѣмецкаго. Авторы заявляютъ, что единственная ихъ цѣль—благо отечества; что эта цѣль не будетъ противорѣчить желаніямъ правительства; что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, нуждается въ содѣйствіи частныхъ лицъ; что общество будетъ помогать ему

---

[1]) См. показаніе Никиты Муровьева, гдѣ онъ называетъ Н. Тургенева представителемъ Орлова. *Ред.*

дѣлать благо, и что, не скрывая своихъ намѣреній отъ людей, способныхъ ихъ раздѣлить, оно будетъ трудиться втайнѣ, чтобы не быть перетолкованымъ въ дурную сторону недоброжелательными лицами (стр. 17)". „Многіе члены предлагали просить согласія покойнаго императора на учрежденіе этого общества (стр. 18)".

Замѣтьте, что это предложеніе было сдѣлано въ самомъ обществѣ и многими изъ его членовъ. Вотъ, признаюсь, какіе необыкновенные цареубійцы!

Далѣе донесеніе входитъ въ подробности организаціи общества:

„Основатели, говорится въ немъ, образовали Коренной Союзъ.—Каждые четыре мѣсяца два Засѣдателя выходили изъ Совѣта и замѣнялись другими.—Коренной совѣтъ представлялъ собою исполнительную власть.—Коренная Управа имѣла законодательную власть, являлась верховнымъ судомъ, могла назначать Временную Законодательную Палату, и т. д. и т. д.". [1])

Не скажутъ ли, прочитавъ это мѣсто, что все это въ дѣйствительности было выполнено? Выполнено не было однако ничего. Это входило только въ планы устава и мы увидимъ позднѣе, что уставъ общества, приведенный въ донесеніи, не былъ никогда приведенъ въ исполненіе.

„Верховное правленіе Союза могло быть учреждено только тогда, когда Союзъ уже окончательно бы образовался".

Гдѣ нашли, не скажу ужъ доказательства, но самые ничтожные признаки этого окончательнаго образованія Союза. Донесеніе не приводитъ ни одного изъ нихъ. Да онъ въ дѣйствительности никогда и не былъ образованъ; онъ былъ мертворожденнымъ и во время своего закрытія давно уже фактически не существовалъ.

„Опасались, что когда-нибудь придется открыть членамъ общества истинныя намѣренія его основателей".

Каковы же были эти истинныя намѣренія? Донесеніе о нихъ не говоритъ, но отсылаетъ къ слѣдующей замѣткѣ:

„Эти намѣренія не долго оставались тайными". Вначалѣ, говоритъ секретарь общества Семеновъ, только главные знали что цѣлью было измѣненіе государственныхъ учрежденій. Впослѣдствіи этотъ планъ сталъ извѣстенъ и другимъ членамъ. Для его совершенія такъ же, какъ и для выполненія намѣреній, изложенныхъ въ уставѣ, считали одинаково необходимымъ распространять политическія познанія и овладѣть мнѣніемъ публики.

---

[1]) Здѣсь Н. Тургеневъ приводитъ очень сокращенно организацію „Союза благоденствія", такъ что читателю трудно даже представить себѣ ее ясно. Но мы не приводимъ ее потому что она будетъ дана „въ процессѣ" декабристовъ. *Ред.*

Итакъ, въ этой замѣткѣ донесеніе помѣщаетъ самый важный фактъ разслѣдованія, т.-е. раскрытіе цѣли общества. И какова, по его мнѣнію, была эта цѣль?—„Измѣненіе учрежденій государства“.—Какими средствами надѣялись этого достичь?—„Черезъ распространеніе политическихъ знаній“. Вся вина заключалась въ желаніи перемѣнъ—не сказано какихъ,—и въ распространеніи политическихъ познаній. И это показываетъ лишь одинъ человѣкъ!

„Въ Москвѣ было образовано двѣ — Управы. Обѣ существовали не долго (стр. 23)“.

„Въ Петербургѣ было также двѣ... „Вольныя общества“, почти независимыя отъ „Союза благоденствія“, въ Петербургѣ также образовались... Два было основано въ Измайловскомъ полку, изъ которыхъ одно—княземъ Е. Оболенскимъ... Яковомъ Толстымъ и Токаревымъ.

Я могу доказать по числамъ, что это было до моего вступленія въ общество, и говорю здѣсь объ этомъ только потому, что меня обвиняли въ привлеченіи въ общество Якова Толстого, а онъ принималъ участіе въ обществѣ раньше меня.

„Дѣятельность этого тайнаго общества была направлена главнымъ образомъ на то, чтобы увеличивать число членовъ. Однако, если вѣрить частнымъ свѣдѣніямъ [1]), неподтвержденнымъ показаніями подсудимыхъ, члены Управы приготовились также дѣйствовать на общественное мнѣніе посредствомъ дешеваго журнала, пѣсенъ, каррикатуръ, и т. д. (стр. 25)“.

Здѣсь донесеніе приводитъ слѣдующую сноску:

„Это было изложено въ запискѣ, найденной въ бумагахъ покойнаго императора Александра, авторъ которой былъ, какъ видно, членомъ „Союза благоденствія“; изданіе журнала предпринималъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ“ (стр. 25).

Вотъ наконецъ образецъ доноса на тайное общество, сдѣланный однимъ изъ его членовъ императору. Что показываетъ этотъ доносъ? Что общество имѣло „намѣреніе“ издать журналъ,—болѣе ничего. Конечно, если бы было что-нибудь другое, доносчикъ не преминулъ бы это сдѣлать. Дѣйствительно, мнѣ однажды явилась мысль издавать журналъ, но эта мысль принадлежала всецѣло мнѣ, и я никогда не получалъ отъ общества порученія. Чтобы имѣть сотрудниковъ, я обратился къ людямъ совершенно мнѣ постороннимъ и даже надѣялся, что авторъ донесенія, прислетъ нѣкоторыхъ ко мнѣ. При томъ извѣстно, что въ Россіи ничто не можетъ быть издано безъ цензуры, такимъ образомъ ни мой журналъ, ни мое намѣреніе издавать его—не могли дать противъ меня повода къ законному обвиненію.

---

[1]) Здѣсь донесеніе туманно говоритъ о доносахъ Бекендорфа, который названъ очень скромно—стороннимъ свидѣтелемъ. *Ред.*

Духъ, въ которомъ написано донесеніе, вполнѣ характеризуется слѣдующими строками, заканчивающими только что приведенную мной замѣтку.

«Существовало нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, составлен-
«ныхъ въ это время, и «можетъ быть» распускаемыхъ, но нельзя
«утверждать, что это было сдѣлано по распоряженію общества».

In dubio abstine, говоритъ одна старая аксіома права. Въ данномъ случаѣ честный и порядочный человѣкъ остерегся бы сдѣлать обществу столь же ложный, сколь и безчестный намекъ. Но въ этой злобѣ составителя донесенія, не говоря уже о его наивности, смѣшно то, что онъ самъ сдѣлался извѣстенъ стихами, остротами и эпиграммами, которыя не щадили правительства и стоили самыхъ возмутительныхъ пѣсенъ [1]).

Пусть судятъ по слѣдующему разговору, взятому на удачу изъ моихъ воспоминаній. Однажды, по возвращеніи изъ-за границы, я удивился тому, что гвардейскіе полки носятъ названія Финляндскаго и Литовскаго.—„Имѣемъ же мы, отвѣчалъ онъ, Измайловскій полкъ, хотя городъ Измайловъ не намъ принадлежитъ; и такъ какъ скоро мы не будемъ имѣть ни Литвы, ни Финляндіи, то въ вознагражденіе мы будемъ имѣть, по крайней мѣрѣ, полки, носящіе имена этихъ провинцій“. Мы были тогда наканунѣ войны 1812 г.

Изъ всего извлеченнаго до сихъ поръ нами изъ донесенія о тайныхъ обществахъ, слѣдуетъ:

1) что первое общество было образовано и вскорѣ распущено.

2) Что пытались образовать другое, но безуспѣшно.

3) Что возникло третье подъ названіемъ „Союзъ благоденствія“.

4) Что цѣль этого общества вполнѣ соотвѣтствовала его названію; что его уставъ, приведенный въ донесеніи, не предлагалъ ничего противнаго законамъ, и что, наконецъ, многіе участники общества предлагали просить утвержденія его императоромъ. Что касается тайной цѣли, о которой донесеніе упоминаетъ, не опредѣляя ея точно, то это только утвержденіе, не могущее служить достаточной причиной для обвиненія.

5) Что объ этомъ тайномъ обществѣ императору былъ сдѣланъ доносъ однимъ изъ его членовъ, который только сообщилъ, что общество имѣло намѣреніе издавать журналъ. Изданіе же журнала, а еще менѣе намѣреніе его издавать, не составляетъ ни преступленія, ни злодѣянія.

Приведя цѣлый реестръ обвиненій противъ тайнаго общества, „Союзъ благоденствія“ составитель донесенія, самъ

---

[1]) Извѣстно, что составителемъ донесенія былъ Д. Н. Блудовъ. *Ред.*

чувствуетъ всю ихъ неосновательность и начинаетъ говорить фактахъ, которые по его словамъ были „доказаны“.

Вотъ до какой степени они были доказаны:

«Доказано, что между ними происходили разговоры и споры «о различныхъ видахъ правленія, которые многіе члены союза могли «разсматривать, какъ настоящія совѣщанія...» Въ началѣ 1820 г., по «словамъ Пестеля, въ Петербургѣ было засѣданіе Коренной Думы, «на которомъ Пестель излагалъ выгоды и неудобства монархическаго «и республиканскаго правленій. Послѣ долгихъ преній, «приступили «къ голосованію.—Всѣ, говоритъ тотъ же подсудимый, заявили, что «они предпочитаютъ республиканскій образъ правленія (въ числѣ «ихъ и Николай Тургеневъ), словами «однимъ словомъ президентъ». Одинъ полковникъ Глинка держался иного мнѣнія: защи«щая монархію; онъ предлагалъ отдать корону императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

«Сверхъ того Пестель подтверждаетъ, что постановленіе Ко«ренной Управы, рѣшено было передать и всѣмъ другимъ, и что «дѣйствительно, онъ самъ сообщилъ его Тульчинской. «Съ этого «времени, прибавляетъ онъ, республиканскія идеи одержали верхъ «надъ монархическими, хотя многіе изъ членовъ еще говорили, что «если бы императоръ Александръ далъ Россіи хорошіе (по ихъ мнѣ«нію) законы, то они стали бы его вѣрными подданными и защитни«ками. Тѣмъ не менѣе не всѣ показанія полковника Пестеля под«тверждаются другими обвиняемыми. «Одинъ изъ нихъ, полков«никъ Глинка, утверждаетъ, что все изложенное выше произошло не «на совѣщаніи членовъ Коренной Управы, а во время простого «разговора на различныя политическія темы. Фонъ-деръ-Бригенъ «говоритъ, что бо́льшая часть присутствовавшихъ членовъ не была «приготовлена ни къ такого рода преніямъ, ни къ какому бы то ни «было рѣшенію; что въ числѣ другихъ онъ и Глинка отказались по«дать свои голоса, что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, «сказалъ просто: «республиканскій образъ правленія съ президентомъ— «очень хорошъ, но въ общемъ все будетъ зависить отъ устройства «въ народномъ представленіи».—Семеновъ (секретарь общества) «прибавляетъ, что не было принято никакого постановленія и что совѣ«щаніе закончилось споромъ, въ которомъ Глинка старался доказать, «что въ Россіи можетъ существовать только монархическое прави«тельство. Наконецъ, никто изъ подсудимыхъ не упоминаетъ о пред«ложеніи относительно императрицы Елизаветы. Сверхъ того, судя «по показаніямъ Никиты Муравьева, всѣ обстоятельства этого тай«наго собранія не имѣли никакого вліянія на образъ мыслей и дѣйствій «членовъ; не давали никакого распоряженія другимъ Управамъ исклю«чая Тульчинской (В.). Во многихъ послѣдующихъ засѣданіяхъ не «поднималось уже политическихъ вопросовъ, а спорили только объ «измѣненіяхъ въ организаціи и образѣ дѣйствій «Союза благоден«ствія». Самъ Пестель показываетъ, что со времени основанія союза «до его закрытія, не только не было выработано никакого опредѣ«леннаго правила, но что не одинъ разъ, принятое единодушно, че«резъ нѣсколько часовъ также единодушно отмѣнялось. Однако, «нужно замѣтить, что скоро послѣ «совѣщанія» или «разговора»,

«многіе лица, принимавшія въ немъ участіе, опять собирались, но, «по мнѣнію Пестеля, совершенно случайно, и тогда одинъ «изъ нихъ (С.), какъ бы продолжая предшествующіе споры, подалъ «мысль посягнуть на жизнь Александра. Никита Муравьевъ разсказы- «ваетъ, что, кромѣ него и «Пестеля, всѣ оттолкнули это предложеніе, «какъ преступное, всѣ держались того мнѣнія, что первымъ слѣд- «ствіемъ этого злодѣянія будетъ гибельная анархія и, когда Пестель «возразилъ, что это легко предупредить учрежденіемъ временнаго пра- «вительства, составленнаго изъ членовъ общества, то всѣ возстали «съ жаромъ противъ него. Но, если вѣрить показанію одного Сергѣя «Муравьева-Апостола, то это ужасное предложеніе, возобновленное въ «позднѣйшемъ засѣданіи, было принято большинствомъ голосовъ. Изъ «присутствовавшихъ на немъ, онъ называлъ только себя, Никиту «Муравьева и Пестеля.

А) Предпочитавшіе монархическій режимъ должны были сказать, что они желаютъ монарха.

В) Онъ и нѣкоторые другіе (Фонъ-деръ-Бригенъ, Колошинъ, Семеновъ) подтвердили это на очной ставкѣ съ Пестелемъ.

С) Пестель и Сергѣй Муравьевъ заявляютъ, что это былъ Никита Муравьевъ, а онъ увѣряетъ, что это былъ Пестель.

Прежде чѣмъ разсматривать эти обвиненія противъ тайнаго общества и лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе, я не могу не обратить вниманія на противорѣчія, изобилующія въ показаніяхъ обвиняемыхъ и ничѣмъ необъяснимую непринужденность, съ которой они признаютъ себя виновными въ самыхъ ужасныхъ мнѣніяхъ и намѣреніяхъ. Объ одномъ и томъ же фактѣ всѣ показываютъ различно и совсѣмъ не для того, чтобы оправдаться, но часто чтобы дать новый поводъ къ своему обвиненію. Донесеніе слѣдственной коммиссіи изобилуетъ подобными показаніями, которыми обвиняемые какъ бы стараются принудить судей къ осужденію; они доходятъ до того, что признаются въ воображаемыхъ преступленіяхъ, существованіе которыхъ опровергается содержаніемъ процесса.

Поистинѣ никогда въ Европѣ уголовный процессъ не представлялъ ничего подобнаго! Развѣ русскіе обвиняемые сотворены иначе, чѣмъ обвиняемые другихъ странъ? Если это не такъ, то нужно предположить, что только при помощи пытки обвинители и руководители процесса могли вырвать у нихъ подобныя признанія; каждое изъ этихъ признаній носитъ отпечатокъ насилія, посредствомъ котораго оно было получено. Въ предшествовавшія царствованія тайной канцеляріей, которая оставила по себѣ ужасныя воспоминанія, при допросахъ признавалась пытка. Въ протоколахъ допросовъ никогда не бывало недостатка въ упоминаніи, послѣ какой пытки обвиняемыхъ дано то или другое показаніе. Отвѣты и показанія обвиняемыхъ 1826 г. слишкомъ походятъ на тѣ, которыя когда-то вырывала пытка, чтобы не быть обязанными своимъ происхожденіемъ подоб-

нымъ же средствамъ. Только въ протоколахъ уже не видно прежней откровенности, такъ какъ о средствахъ, которыми получены тѣ или иные результаты, умалчивается.

Свѣдѣнія, которыя я могъ собрать о допросѣ обвиняемыхъ въ 1826 г., позволяютъ предполагать о существованіи пытки болѣе чѣмъ вѣроятно, но ничего не прибавляютъ къ логической очевидности фактовъ. Они показываютъ, что каждаго обвиняемаго въ частности заставляли, то писать свои показанія на кускѣ бумаги, то подписывать заранѣе приготовленныя, то диктовать. Для этого адъютанты обходили тюрьмы, гдѣ были по одиночкѣ заключены обвиняемые, и представляли потомъ лоскутки бумаги составителю донесенія, который вносилъ въ него содержаніе каждаго, обрабатывая его по-своему. Отъ одного подсудимаго, сдѣлавшаго письменно свои показанія, потребовали, спустя два дня, подписать бумагу, называвшуюся копіей съ его показанія; но онъ нашелъ, что это было совершенно другое, что эта бумага содержала признанія и заявленія, несогласныя съ истиной и никогда не дѣланныя имъ. Сначала онъ отказался подписать, но потомъ онъ былъ принужденъ поставить свое имя подъ этимъ ложнымъ показаніемъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ этого ему удалось при свиданіи со своимъ отцомъ всунуть ему маленькую записку, въ которой объяснялъ только что разсказанное. Я говорю объ этомъ потому, что они оба давно уже умерли.

Изъ источника, которому нѣтъ основаній недовѣрять, я слѣдующее, узналъ о томъ, какъ поступали съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ. Первыми словами военнаго министра, узнавшаго, что въ Петербургъ привезли полковника Пестеля, было приказаніе подвергнуть его пыткѣ. Я употребилъ здѣсь неопредѣленное выраженіе, чтобы не вызвать ужаса и отвращенія.

Что касается другихъ обвиняемыхъ, то жестокія средства которыми добивались у нихъ сознаній и показаній, въ точности неизвѣстны, но не безъ основанія предполагаютъ, что при этомъ употреблялись самыя гнусныя. Достовѣрно извѣстно только то, что на нѣкоторыхъ подсудимыхъ были надѣты страшно тяжелыя цѣпи, что другихъ мучили голодомъ; приводили къ нимъ священниковъ, которые убѣждали ихъ признаться; многимъ обѣщали прощеніе, если они признаются или дадутъ показанія [1]).

Мнѣ разсказывали также, что многіе подсудимые были дорошены самимъ императоромъ. Кажется, что Рылѣевъ, Бесту-

---

[1]) Декабристъ Завалишинъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Были или нѣтъ пытки въ прямомъ смыслѣ, какъ утверждали то нѣкоторые изъ моихъ товарищей, сказать не могу, такъ какъ не могъ имѣть прямыхъ показаній отъ тѣхъ, которые были, какъ говорятъ, имъ подвергнуты, — но то несомнѣнно, что многія вещи были такого рода, что дѣйствіе имъ производимое, было равносильно пыткамъ, какъ несомнѣнно и то, что употреблялись постоянно угрозы, вымышленыя, показанія, ложныя обѣщанія и подобныя уловки не гласнаго суда». *Ред.*

жевъ и нѣкоторые другіе выказали при этихъ допросахъ величайшую искренность, сдержанность, а главнымъ образомъ самоотверженность [1]).

Они говорили, что были лишь противъ власти, которой обладалъ императоръ, но не противъ него лично. Первый, когда ему сказали о цареубійствѣ, съ негодованіемъ отвергъ эту мысль; съ неменьшей энергіей онъ порицалъ тѣхъ, которые хотѣли удовлетворить свое честолюбіе проявленіемъ патріотизма и самопожертвованіемъ. Говорили, что Пестель при допросѣ увидѣлъ въ этихъ словахъ Рылѣева намекъ на себя, и оскорбленный этимъ отвѣчалъ съ жаромъ, обвиняя Рылѣева въ слабости и нерѣшительности.

Въ общемъ Пестель держался твердо, даже болѣе чѣмъ твердо. Сила его характера не измѣнила ему, несмотря на жестокое, почти безчеловѣчное обращеніе, которому онъ подвергался. Онъ блестяще доказалъ это въ своихъ отвѣтахъ императору.

Теперь перейдемъ къ обвиненію. Разсказавъ о возникновеніи „Союза благоденствія“, не найдя ничего сколько-нибудь преступнаго, бросивъ нѣсколько клеветническихъ намековъ, ничего не значащихъ въ глазахъ права и закона, авторъ донесенія, переходитъ къ тому, что онъ называетъ доказаннымъ фактомъ. И этотъ доказанный фактъ заключается въ разговорахъ о различныхъ формахъ правленія! Желая бросить тѣнь на эти разговоры, онъ разсказываетъ о случайномъ засѣданіи трехъ обвиняемыхъ, которые то заявляли свое намѣреніе о цареубійствѣ, то оспаривали эту мысль. Но вѣдь частный разговоръ никакъ нельзя смѣшивать съ тѣмъ „доказаннымъ фактомъ“, который донесеніе намѣрено изложить, и единственно который можно вмѣнить обществу. Впрочемъ, въ заявленіяхъ этихъ трехъ лицъ, противорѣчащихъ одни другимъ, само донесеніе не видитъ ничего „доказаннаго“. Но что же оно называетъ этимъ именемъ?

По словамъ одного обвиняемаго (П.),—это было засѣданіе, на которомъ всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, голосовали за республику словами „президентъ безъ дальнихъ словъ“. Непонятно только, для чего донесеніе замѣчаетъ: „тѣ, которые предпочитали монархическій образъ правленія, должны были сказать, что они желаютъ монарха“, (и эта замѣтка рѣшительно ничего не говоритъ, какъ этого желали?) вѣдь само собой понятно, что желающіе монархію желаютъ и монарха.

По поводу голосованія „за монарха или за президента?“ можно сдѣлать лишь два предположенія: или желали узнать мнѣніе присутствующихъ — кто за монархію и кто за рес-

---

[1]) Образчики допросовъ Николаемъ будутъ приведены въ томѣ «Роль Николая I-го въ событіи 14-го декабря». Они очень характерны для самодержца и фельдфебеля, каковымъ былъ Николай. *Ред.*

публику, и въ такомъ случаѣ обвиненіе уничтожается само собой, вѣдь нельзя же вмѣнять въ преступленіе теоретическое предпочтеніе одной формы правленія другой; или же этимъ голосованіемъ желали отмѣнить монархическій образъ правленія и возстановить республиканскій для Россіи. Но чтобы голосовать за учрежденіе новаго правительства, надо сначала „по крайней мѣрѣ вотировать“ за сверженіе стараго, а объ этомъ донесеніе не говоритъ ничего. Оно не обвиняетъ въ цареубійствѣ ни само общество, ни даже членовъ, присутствовавшихъ на этомъ засѣданіи. Да, наконецъ, по его же собственнымъ словамъ ясно, что вопросъ ставился лишь à priori,—тамъ говорится лишь, что члены „з а я в и л и п р е д п о ч т е н і е“ одного режима передъ другимъ. Вотъ въ чемъ преступленіе! Поистинѣ, нужно потерять всякую стыдливость, чтобы распространяться объ этомъ обстоятельствѣ и торжественно заявлять о д о к а з а н н о с т и ф а к т а. Что касается подлинности выраженія голосованія, то автору донесеніе могло казаться остроумнымъ приписать обществу знаменитое выраженіе, но оно никогда не было произнесено; за недостаткомъ же серьезныхъ, или хотя правдоподобныхъ доказательствъ, онъ считалъ за счастье бросить тайнымъ обществамъ эту колкость. Ее онъ направилъ въ толпу невѣжественныхъ и предубѣжденныхъ судей, и такъ называемое „общество“: по поводу только что совершившихся печальныхъ событій, очень хотѣли вызвать кровавыя воспоминанія французской революціи и поразить умы священнымъ ужасомъ. Однако отъ этого „д о к а з а н н ы й ф а к т ъ“ не сдѣлался ни болѣе реальнымъ, ни болѣе убѣдительнымъ.

Въ донесеніи мое имя упоминается при словахъ „президентъ безъ дальнихъ словъ“, которыя относятся ко всѣмъ присутствующимъ, однако черезъ нѣсколько строкъ эти слова приписываются только мнѣ. Но кто же ихъ мнѣ приписываетъ? Пестель считаетъ ихъ мнѣніемъ всѣхъ членовъ, а свидѣтель, который показываетъ, что ихъ относятъ на мой счетъ, отрицаетъ, что я ихъ произносилъ. Несомнѣнно то, что желали кому-нибудь ихъ приписать и приписали мнѣ.

Какъ бы ни было, но это, неизвѣстно кѣмъ сдѣланное мнѣ предложеніе, имѣло полный успѣхъ. Я зналъ, что, при всякой попыткѣ сказать что-нибудь въ мою пользу, сейчасъ же съ добродѣтельнымъ негодованіемъ отвѣчали: „Какъ! онъ, который говорилъ „президента безъ фразъ“! Мнѣ разсказывали даже, что одинъ изъ членовъ верховнаго суда, бывшій французскій эмигрантъ и кавалерійскій генералъ, при опредѣленіи моей участи воскликнулъ „смерть безъ фразъ!“ Бѣдному драгуну, превратившемуся въ судью, вѣдь позволительно сказать колкое и остроумное слово!

Въ отдѣльной запискѣ, составляемой слѣдственной коммиссіей для каждаго обвиняемаго отдѣльно, говорится, что двое

подтвердили показаніе Пестеля относительно приписываемыхъ мнѣ словъ, въ то время какъ четверо отрицали, что я ихъ говорилъ. Поэтому, слѣдственная коммиссія воздержалась поставить этотъ фактъ, какъ главное обвиненіе противъ меня. Судъ долженъ былъ бы послѣдовать ея примѣру, тѣмъ болѣе, что законъ запрещаетъ ему принимать къ свѣдѣнію другіе факты, кромѣ установленныхъ слѣдствіемъ; поступивъ же обратно, онъ нарушилъ сразу и здравый смыслъ, и законъ.

Ясно, что до сихъ поръ, несмотря на „доказанный фактъ“ разговоровъ о различныхъ формахъ правленія, донесеніе слѣдственной коммиссіи не установило рѣшительно ничего серьезнаго противъ тайнаго общества „Союзъ благоденствія“.

И нельзя не удивляться страстному желанію донесенія внушить серьезность мысли о цареубійствѣ. Извѣстно, что цареубійство явленіе довольно знакомое въ Россіи, но извѣстно также, что тайныя общества не причастны къ нимъ; и въ данномъ случаѣ было надъ чѣмъ подумать: въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ, въ этой странѣ люди, задумавшіе силой измѣнить установленный порядокъ вещей, попытались поднять знамя возстанія, вмѣсто того, чтобы подъ покровомъ ночи напасть лично на государя. [1]) Очевидно, что возставшіе въ 1825 г. хотѣли сбросить старыя русскія традиціи; самый фактъ возстанія, поднятаго среди бѣлаго дня, достаточно доказываетъ нежеланіе цареубійства, несмотря на стараніе донесенія обвинить въ этомъ. Участники возстанія, разумѣется, знали на что они идутъ; не имѣя успѣха, они могли обвинять только самихъ себя и подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ своего предпріятія, и, если бы правосудіе удовольствовалось законной карой, тогда никто не протестовалъ бы и, очень можетъ быть, не пожалѣлъ бы о жертвахъ, даже обреченныхъ на эшафотъ, предпочитая это возмездіе прежнему, когда цареубійцы получали за свое преступленіе богатство и знатность. Однако, русское правительство дѣлало видъ, что не понимаетъ разницы между возстаніемъ и цареубійствомъ. Оно не удовольствовалось наказаніемъ за возстаніе, но пожелало обвинить въ преступленіи, ничего не имѣвшемъ общаго съ возстаніемъ и несовмѣстимомъ съ нимъ. Оно желало доказать, что цареубійцы еще не истреблены. Но и этого мало: ему хотѣлось доказать, что возстаніе 1825 г. зависѣло всецѣло отъ дѣятельности многочисленныхъ обществъ и кружковъ, находившихся въ связи съ „Союзомъ благоденствія“. Большинство изъ тѣхъ, которые до сихъ поръ еще мерзнутъ въ Сибири, сосланы туда исключительно за принадлежность къ этому обществу.

---

[1]) Тургеневъ здѣсь намекаетъ на дворцовые перевороты 18-го вѣка и трагическія кончины нѣкоторыхъ императоровъ; одна изъ нихъ — смерть Павла — подробно описана въ воспоминаніяхъ современника событія — Фонвизина, записки котораго будутъ помѣщены въ „Библіотекѣ Декабристовъ“. *Ред.*

Какіе же результаты отъ этой тактики правительства?

1) Оно казнило одинаково и тѣхъ, кто принималъ участіе въ возстаніи, и тѣхъ, кто ограничился только одними разговорами.

2) Наказавъ гражданской смертью и осудивъ на вѣчное изгнаніе членовъ обществъ, которымъ не за что было отвѣчать передъ закономъ, оно этимъ показало всѣмъ желавшимъ сообща трудиться для достиженія полезной и желанной цѣли, что простой фактъ принадлежности къ обществу, не вполнѣ разрѣшенному правительствомъ, подвергаетъ ихъ не меньшимъ опасностямъ, чѣмъ доказанное участіе ихъ въ дѣйствительномъ заговорѣ.

3) Что бороться съ бѣдствіемъ родины въ сообществѣ съ другими мирнымъ и нравственнымъ путемъ такъ же опасно, какъ составлять заговоръ и устраивать вооруженное нападеніе на правительство; это значило попросту поощрить заговоры и возстанія и заставить предпочитать ихъ безвреднымъ тайнымъ обществамъ.

Таковъ выводъ получается изъ процесса 1826 года.

Въ пользу этой тактики правительства можно привести только одинъ аргументъ, а именно, что подобная мѣра устрашенія предупредитъ на будущее время возможность подобныхъ попытокъ. До извѣстной степени это можетъ казаться справедливымъ, но всемірная исторія и природа сердца человѣческаго должны низвести означенный аргументъ до его настоящаго значенія. Если нельзя отрицать, что правительствамъ удается такимъ образомъ внушить страхъ, то нужно признаться также и въ томъ, что имъ никогда не удавалось предупредить возстанія. Свобода, какъ и религія, имѣетъ своихъ мучениковъ и будетъ ихъ имѣть еще.

Я не говорю здѣсь о смертной казни пяти осужденныхъ, хотя эта кара безусловно отмѣнена русскими законами, потому что ссылка въ Сибирь, поразившая осужденныхъ, ужасна не менѣе смерти. Не буду также и удивляться тому усилію, съ которымъ донесеніе слѣдственной коммиссіи и само правительство старались вмѣнить въ вину обвиняемымъ всевозможные отвратительные поступки, набросить дурную тѣнь на ихъ нравственность, приписать желанія, недостойныя людей, уважающихъ себя. Въ Россіи этотъ безчестный пріемъ поруганія надъ беззащитными обвиняемыми доведенъ до совершенства!

Но вернемся къ донесенію. Несмотря на тщетность всѣхъ усилій отыскать какое-нибудь обвиненіе противъ общества, составитель донесенія все-таки не желаетъ выпустить его изъ своихъ когтей и такъ продолжаетъ свое обвиненіе:

«Между тѣмъ «Союзъ благоденствія» продолжалъ завербовывать новыхъ членовъ. Одни были увлечены задачами (впрочемъ очень банальными) филантропіи и патріотизма, которыя часто упоминаются въ первой части устава; другіе уступили чувству дружбы и довѣрію

«или поддались увлеченію модой: вѣдь существуетъ мода и на взгля-«ды». (Стр. 29).

Въ этомъ мѣстѣ непослѣдовательность разсужденій превзойдена развѣ только безсвязностью изложенія. Невольно испытываешь чувство отвращенія при мысли, что документъ, лишенный до такой степени какого-либо благородства и стыда, послужилъ основаніемъ столь печальнаго процесса. Банальные патріотическіе и филантропическіе взгляды могли не прійтись по вкусу господину докладчику, но, будучи таковыми, они ничуть не теряли своей цѣнности.

Равносильно этому нужно имѣть совершенно особое сердце, чтобы осмѣлиться говорить о модѣ на тѣ убѣжденія, которыя указывали ихъ приверженцамъ на неизбѣжность эшафота. Докладчикъ плохой законовѣдъ. Будь въ его докладѣ хоть немного честности и справедливости онъ могъ бы еще съ порядочностью выйти изъ возложенной на него миссіи; но его стремленіе къ осмѣянію одержало верхъ, и за недостаткомъ аргументовъ онъ воспользовался безчестнымъ издѣвательствомъ. Чтобы имъ не говорилось о „банальности принциповъ“, которыми руководилось общество, это ничуть не указывало на его виновность. До сихъ поръ я не вижу, въ чемъ можно было основательно обвинять его. Но вотъ, по словамъ докладчика, оно уже приходитъ въ упадокъ! Тотчасъ послѣ своихъ остроумныхъ нападокъ на „моду“ на мнѣнія, онъ продолжалъ:

«Но также многіе начинали чувствовать свое заблужденіе и одинъ изъ первыхъ полковникъ Александръ Муравьевъ. «Лучъ горней благодати,—говоритъ онъ,—коснулся моей души омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками, и долго, въ слезахъ раскаянія, молилъ небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника; Онъ въ теченіе шести лѣтъ испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имущества, наконецъ, праведнымъ гнѣвомъ государя и карою закона». Нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и только уклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ; но въ 1819 году превозмогъ себя, письменно объявилъ Коренному Союзу о своемъ мнѣніи про сіе, заклиная всѣхъ послѣдовать его примѣру, отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Вскорѣ послѣ того, оно и въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, стало приходить въ упадокъ: нѣкоторые члены, не имѣвъ рѣшительности явно отказаться, удалялись отъ онаго; въ томъ числѣ три члена перваго тайнаго общества, раскаяніемъ своимъ заслужившіе совершенное отеческое прощеніе вашего императорскаго величества: двое около 1821 г., одинъ же хотя и позднѣе, но до того разорвалъ тяготившія совѣсть его связи, что, наконецъ, даже избѣгалъ встрѣчи съ прежними товарищами». [1])

---

[1]) Это и нѣкоторыя другія мѣста мы беремъ изъ посмертной записки Тургенева, такъ какъ въ ней соотвѣтственныя мѣста лучше разобраны, чѣмъ въ „Рос. и Рус.“. *Ред.*

Судя по тому, что я наблюдалъ въ обществѣ, и по моему личному опыту, члены оставляли его не потому, что они признавали свои заблужденія, но просто потому, что, вступивъ въ Общество, они не находили въ немъ никакого дѣла, даже не знали, что говорить, забывали мало-по-малу о своей принадлежности къ обществу и даже о самомъ существованіи общества.

Здѣсь я нахожу довольно важное для себя обстоятельство, а именно упоминаніе о 1819 годѣ, когда Александръ Муравьевъ сообщилъ Коренному Союзу свое рѣшеніе письменно. Что касается меня, то я никогда не видалъ подобнаго рода заявленій и даже узналъ о немъ впервые изъ „Донесенія“. Что касается лица, писавшаго его то я никогда въ жизни не видалъ его; съ другой стороны, вступивъ въ общество, я слышалъ, что Александръ Муравьевъ былъ прежде его членомъ, но что, предавшись религіи и мистицизму, онъ вышелъ изъ общества. Все это легко можетъ быть доказано на основаніи чиселъ. Изъ этого ясно, что я не могъ вступить въ общество ранѣе 1819 года.

Знаменитый авторъ „Духа законовъ“ говорилъ о величіи римской имперіи прежде, нежели говорить о ея паденіи: редакторъ предпочелъ слѣдовать обратному методу: сказавъ объ обществѣ только то, что оно вербовало членовъ, онъ заявляетъ, что въ описываемое имъ время оно приходило въ упадокъ; когда же было время его процвѣтанія? Онъ присовокупляетъ, правда, что такъ было по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, но такъ какъ я никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ прочими отдѣлами общества и такъ какъ я не нахожу въ донесеніи никакого указанія на ихъ значеніе или процвѣтаніе, то я позволяю себѣ думать, что этотъ упадокъ, наступившій безъ процвѣтанія, былъ одинаково присущъ всѣмъ отдѣламъ общества: по крайней мѣрѣ у меня не будутъ оспаривать права говорить объ обществѣ все, что зналъ о немъ. Итакъ, я скажу, и это объяснитъ загадочный смыслъ этого любопытнаго мѣста донесенія, что для общества никогда не существовало ни эпохи процвѣтанія, ни эпохи упадка: употребляя выраженіе одного нѣмецкаго историка, я скажу, что оно находилось съ самаго возникновенія своего и до распаденія въ зачаточномъ состояніи. Можно даже сказать, что оно было мертворожденнымъ. Мы видѣли выше, что нѣкоторыя лица, мучимыя смутнымъ желаніемъ преобразованій, составили уставъ этого общества, взявъ за образецъ тайныя общества, существовавшія въ Германіи (столь тайныя, что ихъ уставы были списаны изъ газетъ); этотъ уставъ показывался всѣмъ и каждому; мнѣ самому этотъ уставъ былъ принесенъ человѣкомъ, котораго я зналъ когда-то только по виду. Люди прочитывали этотъ уставъ, не дѣлали на него никакихъ возраженій, заявляли, что они вступаютъ въ общество, давали или не давали письменныя обязательства (по крайней мѣрѣ я не помню, чтобы я давалъ таковое) и

затѣмъ, видя, что въ обществѣ не было никакого дѣла, переставали думать о немъ и такимъ образомъ удалялись отъ него. Вступивъ въ общество безъ труда, они такъ же легко покидали его. Мнѣ называли многихъ лицъ, вступившихъ въ общество и затѣмъ оставившихъ его.

Впрочемъ, тутъ говорится въ донесеніи о тѣхъ лицахъ, которыя не имѣли смѣлости публично отказаться отъ своего участія въ обществѣ; слѣдовательно, были люди, которые дѣлали это? Но я таковыхъ не зналъ; въ донесеніи упоминается объ Александрѣ Муравьевѣ, какъ объ единственномъ примѣрѣ въ этомъ родѣ; но такъ какъ его отреченіе, если хотите публичное, произошло до моего поступленія въ общество, то это нисколько не измѣняетъ моего взгляда на легкость, съ какою можно было выйти изъ общества, и на непрочность подобнаго рода узъ.

Мнѣ незнакомы тѣ три члена, о какихъ тутъ упоминается, будто они вышли изъ общества, но я увѣренъ, что это произошло именно такъ, какъ я описалъ.

Я часто слышалъ отъ Никиты Муравьева и отъ остальныхъ, что общество приходило въ упадокъ и, такъ сказать, прекратило свое существованіе; я чистосердечно вѣрилъ этому и до сихъ поръ вѣрю, что они говорили это также чистосердечно, такъ какъ это вполнѣ согласовалось съ истиною, какъ я это видѣлъ своими собственными глазами.

Дальше докладчикъ дѣлаетъ отступленіе, чтобы обвинить въ притворствѣ и лицемѣріи... Онъ вкладываетъ въ уста одного изъ обвиняемыхъ слѣдующее замѣчаніе:

„Лишь только одинъ изъ членовъ началъ выказывать охлажденіе къ Обществу, его старались увѣрить, что онъ не единственный, а что и всѣ прочіе измѣнили образъ мыслей, что, Общество пришло къ распаденію, такъ сказать, перестало существовать“ (стр. 31).

Но что же это за общество, которое считали такимъ опаснымъ, страшнымъ и въ существованіи котораго не были увѣрены даже принадлежащіе къ нему? Что оно представляло изъ себя, если одни изъ членовъ убѣждали другихъ то въ существованіи общества, то въ его упадкѣ, а то и совсѣмъ въ его распаденіи?

Здѣсь есть обстоятельство, по моему, съ очевидностью доказывающее, что показанія обвиняемыхъ были или совершенно исключены, или вынуждены силой. Слова „лишь только одинъ изъ членовъ началъ выказывать охлажденіе къ обществу, его старались увѣрить, что оно пришло къ распаденію и т.-д.“— донесеніе приписываетъ Никитѣ Муравьеву. Такъ! Между тѣмъ я помню, что на мой вопросъ о количествѣ принятыхъ членовъ тотъ же самый Н. Муравьевъ сказалъ, что ихъ насчитывается до 200, но что многіе уже вышли и, между прочимъ, знакомый мнѣ генералъ П....

Дойдя до времени упадка общества, утомленный состязаніемъ съ вѣтряными мельницами въ Петербургѣ, докладчикъ переносится въ Тульчинъ искать во 2-й арміи болѣе убѣдительныхъ доказательствъ преступности общества.

„На югѣ Пестелю удалось пріобрѣсти много приверженцевъ, которымъ онъ показывалъ первую часть устава „Союза благоденствія“ (стр. 32).

Такъ какъ этотъ уставъ, по собственному признанію докладчика, не содержалъ ничего предосудительнаго съ точки зрѣнія закона, то можно вывести что для обвиненія Южнаго общества имѣется не болѣе мотивовъ, чѣмъ для Петербургскаго.

«Между тѣмъ въ 1820 г. даже среди главныхъ членовъ Южнаго «общества стало замѣчаться охлажденіе и расколъ. Чтобы положить «конецъ разногласіямъ, было рѣшено, что депутаты Союза соберутся «въ Москвѣ и болѣе точно опредѣлятъ цѣль и образъ дѣйствія Об«щества». (Стр. 33).

Здѣсь въ донесеніи повторяется только въ иныхъ выраженіяхъ то же, что говорилось выше о Петербургѣ: какъ и тамъ, общество въ Тульчинѣ находилось въ упадкѣ съ 1820 г. Этотъ годъ надо замѣтить, потому что именно въ этомъ году, судя по донесенію, вотировали за республиканскій образъ правленія. Казалось бы, что, послѣ такого голосованія, цѣль общества должна считаться вполнѣ ясной, однако нѣтъ: докладчикъ говоритъ, что только въ Москвѣ должны были опредѣлить его цѣль и средства.

Но въ чемъ же выражалась дѣятельность общества до этого времени?

Оно уже было близко къ распаденію, а между тѣмъ члены говорили еще о необходимости выяснить цѣль общества! Слѣдовательно, эта цѣль была очень неопредѣленная! Этого, конечно, нельзя отрицать; объ этомъ свидѣтельствуетъ уставъ общества, но въ такомъ случаѣ какое же значеніе имѣетъ заявленіе секретаря о томъ, что цѣлью этого общества, которая была извѣстна большинству его членовъ, было преобразованіе государственнаго строя, и въ особенности, что можно сказать о постановленіи, принятомъ на томъ торжественномъ засѣданіи (или собраніи), когда было рѣшено ввести республиканскій образъ правленія и говорилось о „президентѣ безъ фразъ“? Это засѣданіе происходило въ томъ же 1820 году, когда было рѣшено выяснить болѣе опредѣленно цѣль общества. — Хотя все это довольно сбивчиво и туманно, но я не буду обвинять въ этомъ редактора. Эта сбивчивость присуща самымъ фактамъ, которые онъ излагаетъ, но эта именно сбивчивость должна была бы навести его на мысль, что не слѣдовало называть совѣщаніемъ, постановленіемъ и заговоромъ то, что было, только простымъ разговоромъ, безсвязной

и безцѣльной болтовнею, которая велась какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Тульчинѣ людьми, не имѣвшими между собою ничего общаго.

Если рѣшеніе, принятое въ Тульчинѣ собраться въ Москвѣ, чтобы выяснить цѣль общества, было принято послѣ знаменитаго петербургскаго засѣданія, а это можно предположить, принявъ во вниманіе, что выше въ донесеніи говорится, будто это засѣданіе происходило въ началѣ 1820 г., въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ въ Тульчинѣ могло обсуждаться снова то, что, по словамъ Пестеля, было торжественно рѣшено въ Петербургѣ? или лучше сказать, какой смыслъ имѣетъ все разсказанное Пестелемъ объ этомъ торжественномъ засѣданіи о рѣшеніи Коренной Управы, облеченной какъ говорится въ донесеніи, законодательной властью, сообщить постановленіе объ учрежденіи республики всѣмъ прочимъ правленіямъ, что Пестель, по его словамъ, исполнилъ, передавъ это Тульчинской Управѣ. Мнѣ кажется, было бы болѣе согласно съ здравымъ смысломъ вывести изо всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ то заключеніе, что всѣ эти торжественныя постановленія, вся эта подача голосовъ за республику или монархію, эти „президенты безъ фразъ“ существовали только въ воображеніи самого Пестеля. Если это не вѣрно, то повторяю, какъ согласовать тотъ фактъ, что члены обсуждали вопросъ о цѣляхъ общества, послѣ того какъ постановленіе о президентѣ и республикѣ было утверждено законодательной властью?

Съ другой стороны, если рѣшеніе, принятое въ Тульчинѣ собраться въ Москвѣ, предшествовало республиканскому засѣданію въ Петербургѣ, то остается рѣшить, какимъ образомъ члены вмѣсто того чтобы отправиться въ Москву, очутились въ Петербургѣ и занимались обсужденіемъ вопроса объ учрежденіи республики? Какимъ образомъ Пестель, который не могъ, какъ говорится въ донесеніи, отправиться изъ Тульчина въ Москву, очутился въ Петербургѣ? Судя по связи, которая устанавливается донесеніемъ между рѣшеніемъ, принятымъ въ Тульчинѣ, и засѣданіемъ, происходившемъ въ Москвѣ, естественнѣе будетъ предположить, что тульчинское рѣшеніе состоялось послѣ мнимаго республиканскаго засѣданія въ Петербургѣ; въ такомъ случаѣ, все сказанное объ этомъ засѣданіи рушится само собою.

Совершенно безразлично, по какой причинѣ я отправился въ Москву; но, чтобы изобразить событія въ томъ именно видѣ, какъ они происходили, хотя это не согласуется со стараніемъ редактора, подчинить все извѣстной послѣдовательности, я скажу, что въ это время мнѣ надобно было отправиться въ Москву и Симбирскъ (въ 800 верстахъ отъ Москвы) по семейнымъ дѣламъ. Узнавъ, проѣздомъ, что нѣкоторые члены общества, не скучивъ его бездѣятельностью, выразили желаніе, чтобы

Москвѣ состоялось общее собраніе, я сказалъ имъ, что я могъ бы присутствовать на этомъ собраніи; вотъ какимъ образомъ и заслужилъ званіе депутата, коимъ я названъ донесеніемъ.

Весьма возможно, что я оспаривалъ проектъ новой организаціи общества. Я припоминаю, что я доказывалъ такъ же, какъ и многіе другіе, что не было никакой возможности реорганизовать общество, точно такъ же, какъ основать новое, и вообще имѣть какое бы то ни было общество. Я долженъ, впрочемъ, протестовать противъ приписываемой мнѣ чести, будто я былъ все время предсѣдателемъ собранія, поблагодаривъ однако за выданный мнѣ аттестатъ въ большой умѣренности. Я никогда не видѣлъ, чтобы на этихъ засѣданіяхъ избирался предсѣдатель, только однажды,—именно въ то засѣданіе, когда дѣйствительно кое-что было рѣшено—нашли необходимымъ установить нѣкоторый порядокъ и меня просили позаботиться о томъ, чтобы одновременно не говорило болѣе четырехъ ораторовъ. Въ этомъ засѣданіи было рѣшено распустить общество, и я, въ качествѣ якобы его предсѣдателя, объявилъ объ его окончательномъ и безповоротномъ распущеніи. Многіе члены были этимъ очень довольны, говорится въ донесеніи; я скажу со своей стороны, что я не видѣлъ ни одного члена, который былъ бы этимъ не доволенъ, опечаленъ или разочарованъ.

Какъ бы тамъ ни было, но донесеніе слѣдственной коммиссіи не даетъ никакого указанія относительно дѣятельности Союза благоденствія въ Тульчинѣ или во 2-й арміи. Непосредственно за этимъ, тамъ сказано;

„Генералъ-майоръ Фонвизинъ отправился въ Петербургъ проить присылки депутатовъ, послѣ чего въ Москву поѣхали Н. Тургеневъ и Глинка“ (стр. 33). Тамъ происходило много собраній. Наконецъ въ послѣднихъ числахъ февраля 1821 г. на общемъ собраніи было рѣшено закрытіе Союза и Тургеневъ въ качествѣ предсѣдателя объявилъ отъ лица собравшихся депутатовъ объ окончательномъ и безусловномъ закрытіи Общества“ (стр. 35).

Дойдя до роспуска Союза благоденствія, вспомнимъ вкратцѣ всѣ пункты, которые донесеніе слѣдственной коммиссіи установило относительно этого Общества.

1°. Оно возникло въ 1818 г.

2°. Его уставъ, детально разобранный въ донесеніи, не содержитъ рѣшительно ничего, караемаго закономъ.

3°. Оно никогда не имѣло другой цѣли, кромѣ указанной въ уставѣ.

4°. Организаціи, указанной въ уставѣ, въ дѣйствительности никогда не существовало, и закрытое въ началѣ 1821 г. оно не оставило никакой памяти о своемъ существованіи.

5°. Безусловно единственный „доказанный фактъ“, приведенный донесеніемъ въ обвиненіе общества, заключается въ разговорѣ нѣкоторыхъ членовъ о различныхъ формахъ правленія.

Вотъ, выраженные въ болѣе простой формѣ, всѣ пункты, выставленные противъ общества. Очевидно, что на основаніи ихъ нельзя противъ общества возбудить никакого обвиненія.

Оставивъ въ сторонѣ Союзъ благоденствія, какъ цѣлое, докладчикъ нападаетъ на нѣкоторыхъ изъ его членовъ, личные замыслы которыхъ онъ думалъ распространить и на общество. Онъ заявляетъ:

1⁰. Въ 1817 г. нѣкоторыми членами Союза благоденствія было организовано общество, распущенное вскорѣ послѣ основанія. Цѣль его—по словамъ докладчика—измѣненіе государственныхъ учрежденій.

Закрытое въ годъ своего основанія, это общество не могло возбудить противъ себя никакого обвиненія, если не считать преступнымъ его желаніе перемѣны, которое, впрочемъ, очень неопредѣленно и совсѣмъ не выяснено.

2⁰. Нѣкоторыми изъ членовъ этого перваго Общества въ 1817 г., т.-е. передъ основаніемъ Союза благоденствія, была подана мысль о цареубійствѣ, вскорѣ оставленная Обществомъ.

Какъ бы не были преступны подобныя мысли, оставленныя тотчасъ по возникновеніи, онѣ не могли служить матеріаломъ для обвиненія по дѣлу 1825 года, т.-е. восемь лѣтъ спустя послѣ заявленія. Наука о правѣ во всѣхъ странахъ считаетъ преступнымъ только то преступленіе, въ которомъ на лицо одновременно и злая воля, и преступное дѣйствіе.

3⁰. Затѣмъ подобныя мысли о цареубійствѣ были высказаны двумя или тремя лицами, но не въ засѣданіи общества, а при случайной встрѣчѣ.

Повторяю еще разъ, что какъ бы ни были отвратительны подобныя предложенія, сами по себѣ, разъ они не имѣли никакого послѣдствія, они не могли служить обвиненіемъ противъ лицъ, а еще менѣе противъ обществъ, которыя ничего безъ нихъ не знали.

Выяснивши обстоятельства закрытія Союза благоденствія, мы закончимъ свое заключеніе замѣчаніемъ, которое вытекаетъ изъ всего предыдущаго. Мы должны признать, что это общество было основано людьми, заслуживающими безусловнаго уваженія, преисполненными прекрасныхъ намѣреній, но недостаточно серьезными. Доказательствомъ этому служитъ то, что впослѣдствіи одни изъ нихъ предались пустой набожности, а другіе вновь сумѣли сблизиться съ правительствомъ и заслужить отъ него всѣ милости. Болѣе серьозные люди вступили въ него уже позднѣе и скоро убѣдились, что общество въ томъ видѣ, какъ они его застали, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ будетъ всегда не болѣе, какъ самообманъ или заблужденіе.

II. Факты, совершившіеся послѣ закрытія Союза благоденствія.

Доказавъ съ обвинительнымъ актомъ въ рукѣ, что для обвиненія Союза благоденствія имѣлось не болѣе данныхъ, чѣмъ для

обвиненія лично меня, я перехожу къ разсмотрѣнію событій, совершившихся послѣ роспуска этого общества.

До сихъ поръ донесеніе, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы сейчасъ увидимъ, было составлено ясно. Составитель его имѣлъ предъ собой нѣкоторое подобіе общества, которое могло служить предметомъ его обвиненій; теперь же онъ изъ всѣхъ силъ старается доказать существованіе не одного, а многихъ новыхъ тайныхъ обществъ. Но всѣ его усилія будутъ напрасны, потому что невозможно доказать, что распущенное въ 1821 г. общество было когда-нибудь замѣнено другимъ. Говоря о Союзѣ благоденствія, онъ могъ указать его правила, уставъ; хорошо или дурно доказалъ, что тамъ съ возникновенія и до конца бывали собранія, совѣщанія. Онъ говоритъ, что было желаніе образовать одно или нѣсколько обществъ, и что надъ этимъ даже работали, но имъ не приведено ни одного факта, ни одного обстоятельства, изъ котораго можно было бы заключить, что эти намѣренія имѣли какой-нибудь результатъ. Онъ упоминаетъ о совѣщаніяхъ между разными лицами, но если на этихъ совѣщаніяхъ дѣло шло о проектѣ новаго Общества, если тамъ поднимались споры о политикѣ или еще о чемъ, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что означенныя лица были связаны узами Общества и даже общностью взглядовъ. Докладчикъ и здѣсь не пренебрегаетъ своей излюбленной ссылкой на мысль о цареубійствѣ и даже чаще, чѣмъ въ первой части, обращается къ этому средству. Допуская, что подобныя мысли, дѣйствительныя или вымышленныя, бросаютъ пятно на отдѣльныя личности, даютъ, если хотите, поводъ къ ихъ обвиненію, все же остается непонятнымъ, какимъ образомъ могутъ онѣ указывать на существованіе и организацію какого-нибудь сообщества? Какъ можно на основаніи ихъ утверждать, что событіе 1825 г. было вызвано тайнымъ Обществомъ?

Лично я обвиняюсь въ этой второй части донесенія во многомъ, но всѣ обвиненія такъ неопредѣленны и противорѣчивы, что я долго колебался, стоитъ ли ихъ опровергать.

На основаніи самого же донесенія, я докажу, что долженъ былъ отвѣчать только за свою принадлежность къ „Союзу благоденствія“, что ни къ какому другому Обществу я никогда не принадлежалъ и что мнѣ о таковыхъ ничего не было извѣстно; наконецъ я покажу, что нѣтъ данныхъ предполагать дѣйствительное возникновеніе какого-нибудь новаго Общества, а еще менѣе, что оно вызвало возстаніе 1825 года.

Разсказавъ о роспускѣ „Союза благоденствія“, докладчикъ продолжаетъ такъ:

„Но истинныя причины, вызвавшія сіе объявить, какъ показываетъ Якушкинъ, Фонвизинъ и Ник. Муравьевъ, были, во-первыхъ— убѣжденіе, что уставъ не ясно опредѣлялъ цѣль Общества, отчего должна парализоваться его дѣятельность, во-вторыхъ: желаніе устра-

нить тѣхъ членовъ, которые охладѣли къ этой цѣли, или тѣхъ, которые не знали оной и казались безполезными въ будущемъ для Общества“ (стр. 35).

Можно только удивляться легкости, съ которой докладчикъ напередъ рѣшаетъ, что закрытіе Общества было лишь „показное“. Онъ не замѣчаетъ, что, стараясь подкрѣпить это утвержденіе, онъ разрушаетъ основаніе, на которомъ онъ доказывалъ выше виновность этого Общества.

Въ самомъ дѣлѣ, въ показаніяхъ свидѣтелей, приведенныхъ имъ, говорится: „Опредѣленіе цѣли прежняго Общества было очень туманно“, тогда какъ же онъ въ своихъ предыдущихъ разсужденіяхъ призналъ ее вполнѣ ясной и опредѣленной и даже не побоялся утверждать о заговорѣ на жизнь царя. Точно также онъ впадаетъ опять въ оплошность, когда говоритъ, что цѣль Общества была неизвѣстна нѣкоторымъ членамъ, а между тѣмъ самъ началъ съ заявленія, что въ уставѣ было дано ея опредѣленіе.

Желая всѣми силами души, чтобы цѣлью Общества было возстаніе, онъ страстно пытается придать именно это значеніе показаніямъ обвиняемыхъ относительно „опредѣленной“ цѣли.

Объявивъ, что закрытіе Общества было только „показное“, онъ скажетъ, конечно, что въ дѣйствительности оно продолжало существовать! Ни чуть не бывало! Вотъ какъ онъ продолжаетъ свой разсказъ:

„Собравшись въ Москвѣ, представители вынесли рѣшеніе (это подтверждаютъ двое обвиняемыхъ) образовать современемъ новое Общество [1]), подѣлить членовъ его на двѣ степени и принять за правило, что только одни члены первой степени будутъ знать истинную цѣль Общества, состоявшую въ подготовленіи Россіи къ измѣненію основныхъ законовъ государства... Одинъ изъ этихъ обвиняемыхъ увѣряетъ, что съ этого времени было организовано новое тайное Общество, съ новымъ уставомъ и названіемъ, котораго онъ не могъ припомнить. Другой обвиняемый настаиваетъ, наоборотъ, на томъ, что все ограничилось пустыми предложеніями и признаніемъ, что цѣль никогда не можетъ оправдывать средства. Первый добавляетъ еще, что мысль учредить отдѣлы Общества въ Москвѣ и Смоленскѣ не была приведена въ исполненіе“ (36).

---

[1]) Я оставилъ Москву вскорѣ послѣ закрытія Общества, чтобы поѣхать по своимъ частнымъ дѣламъ въ Симбирскъ и, потому не могу сказать, что происходило тамъ послѣ. Считаю долгомъ замѣтить, что къ двумъ упомянутымъ свидѣтелямъ въ донесеніи добавленъ еще третій, Никита Муравьввъ, который не присутствовалъ въ это время въ Москвѣ, а значитъ и не могъ давать показанія относительно закрытія Союза. Это лживое упоминаніе имени Никиты Муравьева показываетъ, какъ пользовались въ донесеніи этимъ именемъ и въ другихъ случаяхъ. Это обстоятельство важно для моей зщиты, потому что его именемъ воспользовались для возбужденія противъ меня совершенно ложнаго обвиненія по одному пункту, который долго оставался для меня непонятнымъ, пока искренній протестъ Н. Муравьева не указалъ мнѣ разгадку.

Вотъ показанія, по-истинѣ способныя служить основаніемъ для обвиненія! Развѣ не ясно, что въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ отрицанія? Одинъ изъ свидѣтелей не можетъ вспомнить названія общества „уже организованнаго“, тогда какъ другой говоритъ, что все ограничилось пустыми предложеніями. Одинъ изъ нихъ продолжая утверждать, что было рѣшено образовать общество „со временемъ“, въ то же время увѣряетъ, что это общество было организовано „съ этого времени“.

Но допустимъ на время, что эта мнимая резолюція образовать общество была въ дѣйствительности: чего же хотѣли?

«Образовать со временемъ новое общество съ цѣлью «подгото-«вить» Россію къ политическимъ перемѣнамъ».

Прекрасно! Но что же можно сказать о людяхъ, которые высказываютъ намѣреніе „образовать“ общество, но не образовываютъ его; которые хотятъ составить общество, чтобы „подготовить“ политическія перемѣны, и менѣе всего подготовились къ этимъ перемѣнамъ, характеръ которыхъ, впрочемъ, ими не былъ ни выясненъ, ни даже указанъ? [1]).

Но составитель имѣетъ свою причину повторять на каждой страницѣ, что въ Россіи были тайныя общества, какъ основанныя, такъ и проектируемыя цѣль которыхъ было — произвести, все равно какія, перемѣны въ существующемъ порядкѣ. По истинѣ съ неслыханнымъ безстыдствомъ шелъ онъ къ своей цѣли и онъ достигъ ее, потому что добился осужденія.

Что касается заявленія одного обвиняемаго, что „цѣль никогда не можетъ оправдывать средства“, то трудно понять, къ какой стати оно сдѣлано, когда не поднималось даже и вопроса о средствахъ. Но по этой отдѣльной фразѣ я догадываюсь, кто ее произнесъ: это былъ генералъ-маіоръ Фонвизинъ [2]), котораго я зналъ лично и къ которому относился съ величайшимъ уваженіемъ за его честность, искренность и благородство. Это были его обычныя слова: они такъ замѣчательно шли къ его возвышенному характеру! Обвиняемый въ преступленіи, столь противномъ его природѣ, онъ вѣроятно и въ судебномъ показаніи, сослался на свой любимый принципъ, однако авторъ донесенія помѣстилъ ихъ такъ, что они утеряли всякій смыслъ.

«Полковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ полковикомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской управѣ извѣстіе о разрушеніи Союза Благоденствія и долженъ былъ представить ей письменное сообщеніе отъ предсѣда-

---

[1]) Вопреки этому утвержденію Н. Тургенева мы имѣемъ не одинъ проектъ государственнаго переустройства, надъ которымъ работали декабристы; эти проекты войдутъ въ нашу „библіотеку“. *Ред.*

[2]) Догадка Н. Тургенева вполнѣ справедлива, но онъ упустилъ изъ виду, что средствомъ Фонвизинъ могъ считать само основаніе тайнаго общества, а не его дѣйствія. *Ред.*

теля московскаго съѣзда. Но уже знавъ все по слухамъ, Пестель и Юшневскій на предварительномъ совѣщаніи условились: во-первыхъ, не признавать общества разрушеннымъ; во-вторыхъ, воспользоваться симъ случаемъ, чтобы удалить всѣхъ слабосердыхъ, представя имъ опасности и трудность предпріятія».

Я ничего не зналъ о происходившемъ въ Тульчинѣ до чтенія донесенія, точно также, какъ мнѣ неизвѣстны имена почти всѣхъ тѣхъ лицъ, о коихъ здѣсь упоминается. Но все же я скажу, хотя это замѣчаніе не имѣетъ само по себѣ никакого значенія и свидѣтельствуетъ только о сбивчивости показаній, данныхъ обвиняемыми, что я никогда не разсылалъ никакого письменнаго извѣщенія о распущеніи Общества, если только подъ словомъ „предсѣдатель“ подразумѣваютъ меня.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что Пестель и Юшневскій, главные члены Южнаго Общества, были вполнѣ убѣждены въ томъ, что Московское Общество было распущено дѣйствительно, а не только для вида.

Справедливость этого подтверждается показаніемъ Никиты Муравьева. По его словамъ, Общество было по крайней мѣрѣ совершенно разстроено, что равносильно распущенію. „Большая часть членовъ изъ него вышла“, говоритъ онъ. Но кто же изъ нихъ остался, спрашиваю я?

Въ особенности гдѣ они остались? „Оставшіеся въ управѣ, не имѣя между собою связи, не имѣя никакого устава и общаго управленія, не знали чего хотѣли, или не могли дать себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ“, продолжаетъ онъ. Не есть ли это картина распаденія Общества, которую онъ тутъ начерталъ? Я понимаю, почему онъ не употребилъ слово распущеніе. Потому что въ сущности нечего было распускать, по той простой причинѣ, что ранѣе ничего не было создано.

Далѣе въ донесеніи говорится:

«Только въ исходѣ 1822 года Петербургское или Сѣверное Общество снова образовалось» [1]).

Въ этомъ мѣстѣ читатель находитъ выноску, содержаніе которой показалось даже самому редактору столь ничтожнымъ, что онъ не включилъ ее въ текстъ. Но я нахожу, что это примѣчаніе имѣло для меня самое пагубное значеніе. Вотъ что говорится въ этомъ примѣчаніи.

---

[1]) Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго съѣзда составлять новое тайное общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова, да принялъ полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамиліи.

Одинъ изъ обвиняемыхъ, Семеновъ, показалъ:

1-е, что по возвращеніи своемъ изъ Москвы въ 1821 г., (это было въ началѣ года, такъ какъ я помню, что я пріѣхалъ въ саняхъ, слѣдовательно, еще зимою), я занялся учежденіемъ новаго общества;

2-е, что я предлагалъ вступить въ него тремъ лицамъ: ему, Семенову, князю Оболенскому и полковнику Нарышкину;

3-е, что я привлекъ въ общество трехъ человѣкъ: Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго;

4-е, что дѣятельность этого общества вскорѣ прекратилась;

5-е, Семенову не извѣстно, имѣло ли это общество уставъ;

6-е, онъ былъ такъ добръ присовокупить, что я никогда не высказывалъ преступныхъ замысловъ противъ императорской фамиліи.

Итакъ, судя по этому заявленію, вся дѣятельность основателей новаго общества ограничилась принятіемъ трехъ лицъ и предложеніемъ присоединиться къ нимъ другимъ тремъ.

Что же это было за общество? Какую цѣль оно преслѣдовало? Какими пользовалось средствами? Докладчикъ не обмолвился объ этомъ ни однимъ словомъ. Единственное лицо, о которомъ упоминается въ показаніи, не знаетъ даже существовалъ ли уставъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи донесенія объ этомъ обществѣ нѣтъ никакого упоминанія. Такимъ образомъ, если даже допустить, что подобное показаніе существовало въ дѣйствительности, изъ всего можно вывести только одно заключеніе, что была безплодная попытка образовать общество, о которомъ ничего неизвѣстно и ничего не говорится. Возможно ли было построить на этомъ хоть малѣйшее обвиненіе?! Не слѣдуетъ, впрочемъ, пренебрегать и послѣднимъ смѣшнымъ заключеніемъ, что лица, о которыхъ идетъ разговоръ, „никогда не проявляли преступныхъ намѣреній противъ царской фамиліи“.

Для чего сдѣлано это добавленіе?

Ясно, что это замѣчаніе, если не все показаніе, было вызвано поставленными обвиняемому вопросами.

Обвиненію было нужно найти опору для своего утвержденія, что закрытіе прежняго общества было только фиктивное, и что истинной цѣлью каждаго общества были—возстаніе и цареубійство.

Во всемъ показаніи справедливо лишь слѣдующее:

Послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, секретарь прежняго общества (Семеновъ) какъ-то сказалъ мнѣ, что нѣкоторые изъ его друзей, о которыхъ я даже хорошо не зналъ, были ли они членами общества, спрашивали его о мотивахъ закрытія общества и что нужно ли имъ отказаться отъ всего. Неудовлетворившись полученными отъ него объясненіями, они пожелали узнать отъ меня, въ какомъ положеніи дѣло. Я отвѣтилъ, что

охотно сообщу имъ обо всемъ произошедшемъ въ Москвѣ и дѣйствительно отправился къ одному изъ нихъ, у котораго засталъ еще троихъ, кромѣ Семенова: это были Оболенскій, Я. Толстой и Миклашевскій. Я сообщилъ имъ резолюцію, вынесенную въ Москвѣ, и устно изложилъ свое убѣжденіе о безусловной невозможности въ Россіи работать на пользу общаго блага при помощи тайныхъ обществъ. Я настаивалъ на пользѣ отъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, особенно въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ, для котораго достаточно заручиться содѣйствіемъ двухъ или трехъ друзей, и которое по самому своему свойству не допускаетъ тайны. Этой встрѣчей ограничились мои отношенія съ названными лицами.

Двое другихъ лицъ, которымъ, по словамъ донесенія, я предложилъ присоединиться ко мнѣ, молчать по этому поводу; по крайней мѣрѣ докладчикъ ничего не говоритъ отъ ихъ имени. Двое другихъ, говорится въ отдѣльной запискѣ, объявили, напротивъ, что были приняты въ общество мной.

Что касается полковника Митькова, то тутъ докладчикомъ допущена очевидная неправда. Митьковъ принадлежалъ къ прежнему обществу. Слыша о немъ ото многихъ изъ друзей, онъ пожелалъ познакомиться съ его уставомъ, а такъ какъ такового у тѣхъ не оказалось, то обратился ко мнѣ. У меня его тоже не было, но мнѣ удалось его достать и сообщить ему объ этомъ [1]). Вполнѣ возможно поэтому, что вынужденный назвать, кѣмъ онъ былъ введенъ въ общество, онъ счелъ самымъ правильнымъ указать того, черезъ кого получилъ уставъ. Однако замѣтка не могла доказать причастность Митькова къ какому-нибудь другому обществу, кромѣ „Союза благоденствія“, и вовсе не можетъ быть возстановлено противъ меня обвиненіемъ, такъ какъ упомянутое общество, не заключавшее при томъ ничего достойнаго порицанія, было уже закрыто.

Показаніе второго лица, заявившаго, что оно было введено мною въ новое общество, одинаково нельзя вмѣнить мнѣ въ вину, такъ какъ согласно донесенію это общество ничѣмъ себя не проявило и даже не было окончательно образовано.

Въ дѣйствительности я никогда никого не пренималъ ни въ какое общество. Ясно, что желая изо всѣхъ силъ доказать фиктивность роспуска Союза благоденствія, авторъ донесенія охотно пользуется сообщеніемъ о московской резолюціи, сдѣланнымъ мной нѣкоторымъ лицамъ, объясняя его моимъ намѣреніемъ возстановить прежнее или основать новое общество. Возможно, впрочемъ, что упомянутые люди желали составить какой-нибудь союзъ и имѣли разговоръ по этому поводу съ Семеновымъ, который былъ постояннымъ посредникомъ между различными чле-

---

[1]) Въ другой запискѣ Тургеневъ говоритъ, что это было въ Карлсбадѣ. *Ред.*

нами прежняго общества. Добровольно или подъ давленіемъ судей, послѣдній придалъ моему свиданію съ указанными лицами характеръ попытки образовать новое общество. Другіе или вѣрнѣе одинъ изъ нихъ Миклашевскій, утвержденіе котораго только одно остается для меня непонятнымъ, могли подтвердить показаніе Семенова, во-первыхъ потому, что не придавали ему значенія, а во-вторыхъ потому, что приходилось вспоминать фактъ, случившійся пять лѣтъ тому назадъ.

Показаніе третьяго свидѣтеля моего свиданія Я. Толстаго не занесено въ протоколъ. Во время возстанія 1825 г. онъ находился во Франціи. Приступая къ составленію моей оправдательной запискѣ въ Парижѣ, обратились къ нему за разъясненіями по этому поводу. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, которое до сихъ поръ находится въ моихъ рукахъ, онъ пишетъ, что предложеніе вступить въ Общество ему было сдѣлано не Н. Тургеневымъ, а Семеновымъ (тотъ самый, который давалъ показаніе на допросѣ) и что этимъ обществомъ былъ „Союзъ благоденствія“.

Изъ всего только что сказаннаго ясно, что показаніе Семенова не могло дать разумнаго основанія для какого-либо судебнаго слѣдствія. Но для автора донесенія, повторяю я, было необходимо связать традиціи тайныхъ обществъ. Его разсказъ становится болѣе сбивчивымъ, противорѣчія учащаются и ложь выступаетъ съ бóльшей очевидностью по мѣрѣ того, какъ онъ съ удвоенными усиліями доказываетъ свой излюбленный тезисъ, „что всегда и повсюду существовали тайныя сообщества, имѣвшія цѣлью подготовленіе возстанія“. Мои объясненія дальше могутъ оказаться менѣе ясными, чѣмъ данныя мной выше, такъ какъ хотя и не особенно легко отвѣчать на обвиненія, въ которыхъ все неопредѣленно: и содержаніе и сопутствующія обстоятельства, но еще менѣе можно отвѣтить, когда даже не имѣешь никакого понятія объ основаніи возбуждаемаго противъ тебя обвиненія. Однако я продолжу разслѣдованіе донесенія и возстановлю факты, только въ интересахъ истины, такъ какъ лично я, признаюсь не заинтересованъ въ нихъ.

Передавъ показанія Н. Муравьева о дѣйствительномъ роспускѣ общества, донесеніе говоритъ дальше:

«Къ концу 1822 года Петербургское или Сѣверное Общество преобразовалось». (стр. 39).

Здѣсь въ Донесеніи есть ссылка:

«Главными основателями или вѣрнѣе реорганизаторами новаго общества, по словамъ Н. Муравьева, были во-первыхъ онъ самъ, затѣмъ князь Оболенскій и Н. Тургеневъ, который однако воздерживался принимать новыхъ членовъ».

Затѣмъ говорится объ организаціи новаго общества, гдѣ находимъ между прочимъ слѣдующее:

„Всѣмъ тѣмъ, которые должны были служить только слѣпымъ орудіемъ, говорили, что ихъ дѣломъ будетъ сражаться съ оружіемъ въ рукахъ.... Послѣ реорганизаціи этого тайнаго Общества въ теченіе нѣкотораго времени главою былъ признанъ только одинъ Никита Муравьевъ; позднѣе, къ концу 1823 г. къ нему было рѣшено присоединить князя С. Трубецкого, недавно возвратившагося изъ-за границы и князя Евгенія Оболенскаго. Годъ спустя князь Трубецкой отправился въ Кіевъ, и т. д.“ (стр. 41).

Здѣсь еще ссылка которая говоритъ:

„Мѣсто президента было предложено Н. Тургеневу, который отъ него отказался, ссылаясь на плохое состояніе своего здоровья, многочисленность другихъ занятій и неуспѣшность его предсѣдательства въ Москвѣ“.

Къ этому отрывку донесенія, я прибавлю еще слѣдующія слова, которыя находятся въ немъ далѣе (стр. 79).

„Между тѣмъ Петербургское Общество обнаруживало безпокойную дѣятельность, возросшую съ того времени, когда въ правленіи Рылѣевъ занялъ мѣсто князя Е. Трубецкого (т.-е. къ концу 1824 г., какъ это видно было на стр. 41)“.

Всѣ данныя, заключающіяся въ этихъ отрывкахъ, основаны на отдѣльныхъ показаніяхъ разныхъ лицъ. Ничто въ Донесеніи не указываетъ на существованіе устава, статутовъ какого-либо новаго Общества.

Это небытіе организованнаго или преобразованнаго Общества, какъ говоритъ донесеніе, тѣмъ болѣе очевидно, что показанія, на которыхъ оно основывается, ясно заявляютъ, что.

„Всѣ правила, какъ это было видно выше, соблюдались далеко не точно“ (стр. 40).

Въ дѣйствительности все ограничивалось стараніями возстановить тайное Общество лицами, недовольными распущеніемъ его въ Москвѣ.

Если въ донесеніи нѣтъ никакого слѣда устава этого новаго Общества; то еще меньше, оно показываетъ какъ Общество дѣйствовало, совѣщалось и т. п. Донесеніе ясно говоритъ, что.

„И то и другое Общество (т.-е. Южное и вновь организованное Сѣверное) имѣли общую цѣль—ниспроверженіе существующаго строя и занимались уже составленіемъ законовъ, которые должны были преобразовать Россію“ (стр. 42).

Но донесеніе ничѣмъ не доказываетъ дѣйствительность существованія подобной цѣли у Общества, ни его постановленія составить или принять проектъ конституціи, приписываемой донесеніемъ лично Н. Муравьеву, а равно и другой, приписываемый Пестелю. Если эти проекты были преступны, то отвѣтить за это должны были ихъ составители. Наконецъ, самъ составитель доне-

сенія сознается, что Общество стало проявлять дѣятельность, только послѣ того, какъ Рылѣевъ сдѣлался однимъ изъ директоровъ въ концѣ 1824 г. До того же времени Общество по меньшей мѣрѣ должно было считаться не существующимъ.

Меня удивляетъ, почему авторъ донесенія, постоянно предъявляя ко мнѣ не только неосновательныя, но и неправдоподобныя обвиненія, не примѣшалъ мое имя къ проектамъ этихъ конституцій. Вѣдь извѣстно, что я составлялъ проекты различныхъ законовъ, какъ для Государственнаго совѣта, такъ и для законодательнаго департамента. Было бы вполнѣ возможно, что Общество, занимаясь проектомъ конституціи, возложило бы на меня эту работу, или, по крайней мѣрѣ, совѣтовалось бы со мной. Но нѣтъ! Общество было настолько неблагодарно, что оставило одного изъ основателей въ полной неизвѣстности о своихъ поступкахъ.

Правда, что примѣчаніе на 66 стр. донесенія, показываетъ, что проектъ конституціи Н. Муравьева никогда не былъ оконченъ. Что касается проекта, составленнаго Пестелемъ, то я нахожу на 61 стр. донесенія примѣчаніе, гдѣ одинъ изъ обвиняемыхъ, по словамъ донесенія ярый пособникъ Пестеля,—заявляетъ, что онъ прочелъ только три короткихъ отрывка этого проекта и совершенно не знаетъ его главныхъ положеній; на той же 61 стр. мы читаемъ, что нѣкоторые члены, изъ преданности Пестелю жертвовавшіе всѣмъ для установленія формы правленія, предлагаемой имъ въ проектѣ, не были даже знакомы съ этимъ проектомъ. Вотъ каковы преобразовательные законы, которыми, по словамъ донесенія занимались Общества! Донесеніе почему-то очень опредѣленно говоритъ о томъ, чего я не дѣлалъ: оно говоритъ, что я никого не присоединялъ къ Обществу, что я отказался отъ обязанностей которыя мнѣ предлагали, однако оно не говоритъ ни одного слова о томъ, что я могъ дѣлать, и остается только показаніе Н. Муравьева, между прочимъ единственное, по которому я былъ причисленъ къ реорганизаторамъ Общества и которое нуждается въ объясненіи; но оно легко уничтожается фактами и числами, приведенными по этому поводу въ донесеніи; а именно: донесеніе называетъ имена всѣхъ, бывшихъ во главѣ Общества съ 1822 по 1824 г. и мое имя тамъ не фигурируетъ.

Когда я написалъ мои предшествующія оправданія мнѣ тяжело было сознавать, какимъ образомъ Н. Муравьевъ могъ дать противъ меня такое несправедливое показаніе; я могъ его отгадать, опираясь исключительно на самый обвинительный актъ. Но нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ все стало ясно. Я узналъ, что Н. Муравьевъ, въ моментъ своего отправленія въ безсрочную ссылку, прощаясь со своей престарѣлой матерью, покаялся ей, что никогда не дѣлалъ противъ меня никакого оговора, не давалъ никакого показанія. Вотъ выдержка изъ письма, написаннаго по этому поводу моему брату:

„Уже давно М-me Муравьева поручила мнѣ кое-что вамъ сообщить. Со слезами на глазахъ она просила меня поставить васъ въ извѣстность, что ея сынъ, тотчасъ же послѣ процесса, поклялся ей, что онъ никогда ничего не показывалъ противъ вашего брата, какъ объ этомъ говорится въ донесеніи слѣдственной коммиссіи. Ложь подавляла эту бѣдную женщину и она много разъ просила меня объяснить вамъ истину“ [1]).

Жена Н. Муравьева, пожелавшая, какъ и другія героическія женщины, раздѣлить изгнанія своего мужа и изнемогшая отъ скорби, говорила, что онъ часто повторялъ ей то же самое.

Въ примѣчаніи донесеніе называетъ еще трехъ лицъ, обвинявшихъ меня въ возстановленіи Общества. Это были:

1) Генералъ Орловъ, показаніе котораго можетъ относиться только къ Обществу, попытки къ основанію котораго приписывались ему вмѣстѣ съ графомъ Мамоновымъ и мной. Я уже показалъ выше, что это было за Общество, о которомъ даже донесеніе упоминаетъ всколзь. Показаніе генерала Орлова не можетъ относиться къ возстановленію Общества въ 1822 г. потому, что съ 1821 г. онъ меня уже болѣе не видѣлъ и впослѣдствіи я не былъ въ перепискѣ съ нимъ.

2) Князь Трубецкой. Въ 1822 г., когда по словамъ донесенія, было возстановлено Общество, онъ находился за границей.

3) Что касается третьяго лица, Матвѣя Муравъева, то, изъ процесса видно, что онъ былъ неизмѣннымъ членомъ Южныхъ тайныхъ обществъ и бывалъ въ Петербургѣ во всѣ другіе года, кромѣ 1822 г.

Довольно любопытно то, что донесеніе, чтобы поддержать показаніе Н. Муравьева, указываетъ лицъ, которые очевидно не имѣли возможности, что-нибудь о немъ сказать. Какимъ образомъ могло случиться, что ни одинъ изъ членовъ якобы преобразованнаго Петербургскаго Общества, не считалъ меня въ числѣ своихъ реорганизаторовъ? Однако это примѣчаніе послужило основаніемъ при утвержденіи приговора верховнаго суда.

Не нужно упускать изъ виду, что обвинительный актъ, помѣчая 1822 годомъ время возникновеніи новаго Общества, тѣмъ самымъ отказывается отъ всего, что въ немъ говорилось о попыткахъ образовать таковое въ 1821 г., какъ въ Москвѣ непосредственно послѣ роспуска стараго Общества, такъ и въ Петербургѣ благодаря моему вліянію. Итакъ, приходится отбросить въ сторону и разсматривать, какъ вымышленное все, что могло имѣть мѣсто послѣ роспуска Общества въ февралѣ 1821 г. и до его мнимой реорганизаціи въ 1822 году.

---

[1]) Мы приводимъ показанія Н. Муравьева, гдѣ читатель убѣдится въ справедливости этого письма. *Ред.*

Я указалъ на невозможность выставить какое-нибудь обвиненіе противъ прежняго Общества, и показалъ, что донесеніе, считая неоспоримымъ фактомъ реорганизацію Общества въ 1822 году, совсѣмъ не доказало его дѣйствительнаго существованія, такъ какъ оно не указало ничего, что бы заставило принять за совѣщанія, какую-нибудь дѣятельность, или даже намекъ на существованіе устава. Все это однако не мѣшаетъ составителю донесенія заявить, что и Петербургское, и Тульчинское Общества опирались на военное возстаніе. Онъ идетъ и еще дальше: онъ указываетъ что еще въ 1821 году, была принята впервые мысль о военномъ возстаніи и высказываетъ предположеніе, что эта идея была внушена революціями въ Испаніи, Неаполѣ и Пьемонтѣ.

Не удивительно, что эти событія отозвались въ русской арміи, какъ не болѣе удивительно и то, что они встрѣтили тамъ сочувствіе. Донесеніе не удалилось бы такъ отъ истины, если бы констатировало перемѣну во взглядѣ русскихъ на революціи. До этого времени въ Россіи знали только дворцовые перевороты и къ несчастію знали слишкомъ хорошо, что они изъ себя представляютъ, теперь же русскіе отдали предпочтеніе открытымъ революціямъ. Это еще могъ бы сказать авторъ донесенія, если бы ужъ непремѣнно хотѣлъ примѣшать событія Испаніи и Италіи къ происшествію 1825 года въ Петербургѣ и во второй арміи, но онъ никакъ не могъ утверждать, что:

«Съ 1822 года оба общества, реорганизованное Сѣверное и Южное желали воспользоваться арміей для достиженія ихъ общей цѣли». (стр. 43).

Его же собственныя слова о Петербургскомъ Обществѣ не указываютъ ничего, что бы оправдало подобное утвержденіе. Это общество, допустимъ даже его реорганизацію, не существовало постоянно до самаго послѣдняго времени, и донесеніе, какъ мы видѣли выше, соглашается съ этимъ (см. стр. 19 донесенія). Съ другой стороны, время принятія мысли о военномъ возстаніи, именно 1821 годъ, было выбрано донесеніемъ довольно неудачно. Обстоятельства касающіяся тайныхъ обществъ и относящіяся именно къ этому 1821 году имъ подробнѣе всего разобраны: въ этомъ году произошло распущеніе Общества въ Москвѣ; тогда же возникло намѣреніе преобразовать Общество въ Тульчинѣ и именно къ этому году Петербургское Общество было „по меньшей мѣрѣ совсѣмъ резорганизовано“, наконецъ этотъ годъ составляетъ промежутокъ между роспускомъ Общества и его мнимой реорганизаціей. Итакъ, для Общества это былъ годъ полнаго упадка и совершеннаго ничтожества. Одно это уже достаточно указываетъ насколько можно довѣрять утвержденіямъ донесенія. Пусть не говорятъ, что не важно, когда возникла мысль о возстаніи—въ 1821 году или позже, что достаточно знать, что оно

произошло, а, слѣдовательно, имѣлось и намѣреніе произвести его. Вѣдь если мысль о немъ явилась у какого-нибудь общества или отдѣльныхъ лицъ непосредственно передъ самымъ ея осуществленіемъ — а на это все указываетъ, то только это Общество и только эти лица и должны нести отвѣтственность.

Что касается меня, то я придаю большое значеніе точному установленію времени возникновенія мысли о возстаніи, потому что при высказанномъ только что предположеніи даже одинъ фактъ моего отъѣзда изъ Россіи въ началѣ 1824 г. достаточно освобождаетъ меня отъ всякаго обвиненія по дѣлу о событіи 1825 года. Дальше самый текстъ донесенія устанавливаетъ неоспоримымъ образомъ, что мысли о цареубійствѣ не раздѣлялись и не могли раздѣляться ни однимъ обществомъ въ Петербургѣ и, что, если и встрѣчали сочувствіе отдѣльныхъ лицъ, то послѣдніе дѣйствовали по собственному влеченію. Однако, даже изъ приведенныхъ въ донесеніи лицъ, одни отрицаютъ доносъ, сдѣланный человѣкомъ, прибывшимъ съ Юга, гдѣ, судя по донесенію, болѣе свыклись съ подобными идеями, другіе, особенно энергично возставали противъ нихъ. Итакъ, нѣтъ ровно ничего положительнаго для обвиненія не только Петербургское Общество, но и отдѣльныхъ лицъ, которые могли принадлежать къ нему [1]).

Но вотъ мы дошли до мѣста, которое не можетъ не привлечь вниманія всякаго здравомыслящаго читателя.

«Но сіи мнѣнія Матвѣя Муравьева значительно измѣнились въ «теченіе слѣдующаго года; ибо въ найденномъ между бумагами брата его, «Сергѣя, письмѣ (отъ 3-го ноября 1827 г.) онъ напротивъ изъявляетъ бла«горазуміе, старается удержать брата отъ всякихъ покушеній, доказы«ваетъ ему, если не беззаконность, то по крайней мѣрѣ безразсудность «предпріятія и невозможность успѣха.—Духъ въ гвардіи, пишетъ онъ, «и вообще въ войскахъ и народѣ совсѣмъ не тотъ, какой мы предпо«лагали. Государь и великіе князья любимы; они съ властью имѣютъ «и способы привязывать къ себѣ милостями; а мы, что можемъ обѣ«щать, вмѣсто чиновъ, денегъ и спокойства? Метафизическія разсужде«нія о политикѣ и двадцатилѣтнихъ прапорщиковъ въ правители го«сударства. Изъ петербургскихъ умнѣйшіе начинаютъ видѣть, что мы «обманываемся и обманываемъ другъ друга, твердя о нашихъ силахъ. «Въ Москвѣ я нашелъ только двоихъ, которые сказали мнѣ: здѣсь «ничего не дѣлаютъ, да и дѣлать нечего». (стр. 59).

Не должно ли было внушить это письмо составителю донесенія и судьямъ ту простую мысль, что если человѣческіе законы не должны наказывать за намѣренія, то это потому, что намѣренія, какъ бы преступны они ни были, могутъ быть свободно оставлены по различнымъ мотивамъ. Когда отказываются отъ

---

[1]) Здѣсь Н. Тургеневъ дѣлаетъ большую (5 стр.) выдержку изъ донесенія, которую мы опускаемъ, такъ какъ онъ не дѣлаетъ подробнаго разбора выписаннаго мѣста, ознакомиться съ которымъ читатель можетъ въ „процессѣ декабристовъ“, гдѣ будетъ помѣщено донесеніе слѣдственной комиссіи“. *Ред.*

какого-нибудь намѣренія, не приведя его въ исполненіе, тогда закону нечего съ нимъ дѣлать. Этотъ принципъ достаточно ясенъ, достаточно общеизвѣстенъ, чтобы умѣрить пылъ самаго усерднаго инквизитора, и однако онъ не имѣлъ никакой силы для составителя донесенія. Ниже мы удидимъ, что приведенный принципъ не освобождалъ отъ обвиненія тѣхъ обвиняемыхъ, которыхъ слѣдствіе могло упрекнуть лишь въ намѣреніяхъ, при томъ не приведенныхъ въ исполненіе и обнаружившихся только изъ показаній самихъ обвиняемыхъ. Пусть судятъ послѣ этого о справедливости, господствовавшей при разборѣ этого дѣла [1]).

Онъ, не нашелъ ничего сказать о письмѣ Матвѣя Муравьева, какъ только то, что „оно показываетъ разсудительность“.

Впрочемъ, чтобы сгладить благопріятное впечатленіе, которое естественно могло произвести это письмо въ пользу его автора, составитель донесенія прибавляетъ примѣчаніе, гдѣ снова возвращается къ мыслямъ о цареубійствѣ.

„Матвѣй Муравьевъ, читаемъ въ примѣчаніи, показываетъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ, что, долго не получая извѣстій о братѣ Сергѣѣ, онъ вообразилъ, что заговоръ открытъ и братъ его подъ стражею. Терзаемый горестью, страхомъ,—говорилъ онъ, я въ безуміи хотѣлъ мести, хотѣлъ самъ покуситься на жизнь государя и объявлялъ о своемъ намѣреніи кавалергадскимъ офицерамъ, Водковскому, Свистунову, Артамону Муравьеву“.

Далѣе донесеніе заявляетъ:

„По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ тайномъ Обществѣ, точно не стыдясь, обманывали другъ друга. Такъ генералъ-маіоръ кн. С. Волконскій сообщилъ Пестелю, что онъ подготовилъ многихъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19-ой дивизіи; называлъ нѣкоторыхъ, будто бы принятыхъ имъ или приготовленныхъ, и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышлено, изъ тщеславія, для доказателъства его преступнаго усердія. Такъ они говорили въ южномъ Обществѣ, что ихъ главныя силы на сѣверѣ, и тамъ должно начаться дѣйствіямъ, а въ Петербургѣ, что все готово на югѣ, утверждали, что Москва рѣшитъ дѣло, а въ Москвѣ не было уже и управы и очень мало членовъ, большею частію, отставшихся отъ Союзовъ. (Это однако не помѣшало власти отправить ихъ всѣхъ въ Сибирь). Говорили также, и также ложно, что есть тайныя Общества на Кавказѣ и въ Харьковѣ. Но то

---

[1]) Въ манифестѣ объ учрежденіи верховнаго уголовнаго суда Николай I писалъ: „мы единаго отъ него ожидаемъ и требуемъ: *справедливости*, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой“. Этотъ документъ, какъ и многіе другіе, касающіеся суда, весьма характерны и интересны, и редакція надѣется ихъ помѣстить въ „Процессъ декабристовъ“. *Ред.*

же самое чувство тщеславія не допускало ихъ ни сердиться за обманъ, ни признаваться въ перемѣнѣ образа мыслей!“

Эти слова донесенія какъ нельзя лучше доказываютъ, что никогда, по крайней мѣрѣ до 1824 г., не существовало тайнаго Общества, организованнаго въ точномъ смыслѣ этого слова, цѣлью котораго былъ военный бунтъ и которое могло произвести возстаніе 1825 г.

Я оставлю въ сторонѣ обвиненіе осужденныхъ во лжи,—оно ни больше, ни меньше какъ плодъ воображенія автора донесенія, я обращу лишь вниманіе на то, что авторъ донесенія, увлеченный своимъ стремленіемъ навязать самыя тяжелыя обвиненія, не замѣтилъ самъ, что, если со стороны обвиняемыхъ было ложью утверждать серьезность тайныхъ Обществъ, то не менѣе лгалъ и онъ, утверждая въ донесеніи то же самое. И однако эта ложь, извѣстная самому слѣдствію, послужила основаніемъ къ осужденію всѣхъ, не принимавшихъ активнаго участія въ возстаніи 1825 г.

Будучи вынужденнымъ, вопреки своему желанію, признать, что тайныя Общества были только призракомъ, донесеніе на каждомъ шагу дальше дѣлаетъ эту истину болѣе доказательной.

Перечисляя дѣйствія Пестеля, донесеніе говоритъ:

„Ослѣпляя людей незрѣлаго ума въ своемъ непосредственномъ кругу.... Заражая или укореняя въ ихъ сердцахъ беззаконныя и безчеловѣчныя намѣренія, директоръ южнаго тайнаго Общества старался и о томъ, чтобы распространить свое вліяніе на Сѣверную Думу“ (стр. 64); тутъ же донесеніе приводитъ въ примѣръ попытки Пестеля привлечь къ своему намѣренію Рылѣева, тогда еще вновь посвященнаго, не имѣвшія, впрочемъ, успѣха.

Нельзя не замѣтить по поводу этого обвиненія, что, если возмущеніе было общей цѣлью двухъ организованныхъ Обществъ—а это утверждаетъ донесеніе,—то усилія главы одного изъ нихъ привлечь начальниковъ и членовъ другого являются непонятными. Зачѣмъ нужны убѣжденія и свое личное вліяніе, если рѣшеніе обязывало къ тому всѣхъ безъ исключенія членовъ.

Донесеніе продолжаетъ:

«Три друга Пестеля [1]) пріѣзжали въ Петербургъ съ предложеніемъ соединить два общества, дѣйствовать вмѣстѣ, стремиться къ одной опре-

---

[1]) Между ними Донесеніе называетъ М. Давыдова, который, по его словамъ, пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ Общества. Еслибы я участвовалъ въ то время въ Обществѣ, то непремѣнно увидѣлъ бы его, но Давыдова я не видалъ никогда въ жизни. Если я видѣлся въ то время съ другими лицами, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то только потому, что былъ съ ними знакомъ, внѣ всякаго тайнаго общества, я встрѣчался съ ними, какъ обыкновенно встрѣчаютъ знакомыхъ въ свѣтѣ. Уже то обстоятельство, что одно изъ главныхъ лицъ Общества не видало человѣка, уполномоченнаго устроить дѣла этого Общества, позволяетъ достаточно оцѣнить справедливость увѣреній, которыми примѣшивалось мое имя къ фактамъ, совершенно мнѣ чуждымъ.

дѣленной южными членами, цѣли. Въ 1824 г. Пестель пріѣхалъ туда самъ. Онъ, возвратясь на Югъ, увѣрялъ, что привелъ все въ желанный имъ порядокъ» (65 стр.).

Здѣсь Донесеніе посвящаетъ насъ во всѣ старанія Южнаго Общества въ 1824 году соединиться съ Сѣвернымъ и заставить его принять ту же цѣль, однако на 43 стр. утверждаетъ, что оба они „жаловались о средствахъ къ достиженію общей цѣли и что и то, другое хотѣли употребить для этого силу армій“.

Никогда еще составитель Донесенія не противорѣчилъ себѣ болѣе страннымъ образомъ, и неизвѣстно чему нужно больше удивляться: его неумѣнію или его настойчивому желанію нагромоздить ложь, которая поминутно отвергается. Ясно, что, какъ только онъ выходитъ изъ общихъ мѣстъ, какъ только начинаетъ разсказывать о какомъ-либо фактѣ, опираясь на свои увѣренія, то они, вмѣсто подтвержденія, опровергаютъ или противорѣчатъ другъ другу. Эта возмутительная неточность постоянно встрѣчается и дальше. Изъ показанія напримѣръ Рылѣева видно, что въ Петербургѣ далеко не раздѣляли принциповъ и намѣреній Южнаго Общества. Другой обвиняемый, Н. Муравьевъ, сказалъ, что только слышалъ, будто бы предложеніе Пестеля (о сліяніи Обществъ въ одно) было принято. Однако его слова опровергаются нѣсколькими строками ниже, гдѣ сказано:

«Тотъ же самый Н. Муравьевъ, не желавшій этого соединенія, изложилъ въ другомъ засѣданіи свое мнѣніе, послѣ чего Пестель долженъ былъ согласиться оставить все по старому до 1826 г. и устроить тогда общее собраніе (стр. 68). Однимъ изъ мотивовъ Муравьева противъ соединенія обоихъ Обществъ было то, «что на сѣверѣ всякій слѣдовалъ своимъ убѣжденіямъ, тогда какъ на югѣ никто не осмѣливался противорѣчить Пестелю» (стр. 67).

Изъ этого отрывка можно было только заключить, что 1) оба Общества никогда не были соединены, и 2) что Петербургское Общество не имѣло характера настоящаго союза, такъ какъ каждый членъ его слѣдовалъ собственнымъ убѣжденіямъ.

Что касается меня, то показаніе Н. Муравьева о моемъ присутствіи на засѣданіи не можетъ имѣть значенія, такъ какъ онъ самъ на немъ не присутствовалъ.

Показанія по слухамъ не допускаются никакимъ законодательствомъ. Впрочемъ, мы только что видѣли, что́ онъ говорилъ послѣ процесса объ этихъ мнимыхъ показаніяхъ. Въ дѣйствительности же, послѣ закрытія Общества въ Москвѣ, я не присутствовалъ ни на какомъ засѣданіи. Впрочемъ, что касается Пестеля, который, какъ я уже разсказывалъ выше, явился ко мнѣ въ Петербургѣ не за долго до моего отъѣзда за-границу, то мнѣ казалось, что онъ былъ болѣе занятъ своими соціальными идеями, чѣмъ реорганизаціей Петербургскаго Общества или соединеніемъ Сѣвернаго съ Южнымъ. Онъ скорѣе высказывалъ сожалѣніе, что ни-

какое Общество не можетъ образоваться, и чтобы доказать мнѣ, что даже въ Тульчинѣ Общество было ничтожно, онъ разсказалъ мнѣ, что во второй арміи оно состояло всего изъ пяти или шести лицъ; этотъ фактъ хорошо сохранился у меня въ памяти, и странно противорѣчитъ разсказамъ Донесенія. Какой смыслъ было Пестелю показывать передо мной свою слабость?

Но упорство, съ которымъ составитель Донесенія примѣшиваетъ ко всему мое имя, только выясняетъ заранѣе намѣченную цѣль—собрать противъ меня всевозможныя обвиненія. Однако позабыли объ одномъ, именно чему я посвятилъ свою жизнь—о стремленіи къ освобожденію крѣпостныхъ.—Вотъ мое единственное, дѣйствительное преступленіе, и хотя мои обвинители не сказали о немъ ни одного слова, однако въ этомъ, и только въ этомъ, слѣдовало искать причину ожесточенія, съ которымъ меня старались представить однимъ изъ главныхъ виновниковъ возстанія 1825 г. Но разглашать эту причину сочли неблагоразумнымъ.

Показаніе Н. Муравьева заканчивается словами:

«Съ тѣхъ поръ, Пестель, видимо охладѣлъ къ главнымъ чле-
«намъ петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣ-
«щалъ прислать проектъ конституціи, однакожъ не прислалъ и не вхо-
«дилъ ни въ какія объясненія объ устройствѣ и состояніи Южнаго Об-
«щества.

Я нахожу здѣсь подтвержденіе сказаннаго мной выше объ индифферентизмѣ Пестеля къ тайнымъ Обществамъ, индифферентизмѣ, который я замѣтилъ въ немъ со времени его визита ко мнѣ въ началѣ 1824 г. Я не думаю, чтобы онъ произошелъ вслѣдствіе его неуспѣшныхъ попытокъ у петербурскихъ друзей, но скорѣе изъ полученнаго имъ убѣжденія, какъ это видно даже изъ разсказа донесенія, что тайныя общества ни къ чему не могли привести.

И ужъ, конечно, мы здѣсь очень далеки отъ соединенія обоихъ обществъ, провозглашеннаго выше докладчикомъ; напротивъ, мы являемся свидѣтелями совершенно противоположнаго, т.-е. разлада послѣ тщетныхъ усилій для объединенія. Вотъ что осталось отъ увѣреній о совмѣстныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ обоихъ обществъ! Оказывается, Петербургское Общество не имѣло никакого довѣрія къ главѣ южнаго, что оно не знало его проекта конституціи и ему не было совершенно ничего извѣстно объ организаціи и числѣ членовъ этого общества! И въ этомъ насъ увѣрялъ одинъ изъ преобразователей Петербургскаго о-ва и его глава.

Дальше донесеніе возвращается къ Южному Обществу и подробно сообщаетъ о соединеніи его съ обществомъ „Объединенныхъ Славянъ“,

Несмотря на слабое понятіе, которое „донесеніе“, повидимому, имѣло объ этомъ обществѣ, оно тѣмъ не менѣе говоритъ

о немъ довольно подробно. Оно точно опредѣляетъ время его учрежденія; указываетъ основателя; приводитъ выдержки изъ катихизиса, который имѣло Общество, и точно опредѣляетъ его цѣль. Оно называетъ число членовъ и ихъ имена.

Говоря объ этомъ обществѣ, донесеніе подробно разсказываетъ о тѣхъ ужасахъ, которые приходили въ голову членамъ этого комитета, и приводитъ, какъ примѣръ, желаніе убить Александра въ Таганрогѣ, но тутъ же прибавляетъ:

«Однако заговорщики не замедлили оставить этотъ планъ».

Вотъ еще одно злодѣяніе, задумавъ которое тотчасъ же отъ него отказываются!

«Однако они дали другъ другу слово начать непремѣнно «въ 1826 г. И тогда они думали убіеніемъ императора Александра «подать знакъ къ совмѣстнымъ смятеніямъ и принудить Сенатъ провоз- «гласить избранную ими конституцію» (стр 76.). «Всѣ эти планы ка- «зались имъ легко выполнимыми, но одинъ изъ нихъ сказалъ: «На- «чать черезъ годъ! Развѣ черезъ десять лѣтъ!»

Еще и теперь у нихъ отсутствовало единодушіе!

«Пестель утверждаетъ, что онъ не одобрялъ ихъ плановъ (чле- «новъ комитета, о которомъ говорилось) и предвидѣлъ, что и въ «1826 г. нельзя будетъ ни на что рѣшиться... Многіе изъ допрошен- «ныхъ (Давыдовъ, кн. Волконскій и Майборода) свидѣтельствуютъ, «что уже послѣ сего, Пестелемъ и главными заговорщиками было «положено 1-го января нынѣшняго года, когда Вятскій полкъ, коимъ «Пестель командовалъ, будетъ находиться въ Тульчинѣ на караулѣ, «арестовать главнокомандующаго 2-ой арміи и начальника штаба, и «поднять общее возстаніе, какъ донесеніе капитана Майбороды, удо- «стовѣривъ въ существованіи тайнаго общества, открыло всѣ планы «онаго и Пестель взятъ подъ стражу» (стр. 79).

Остановимся на одинъ моментъ, чтобы точно опредѣлить, каково было въ это время положеніе Южнаго общества и его главы, Пестеля, всякая дѣятельность котораго, конечно, прекратилась со времени его ареста. Можно ли теперь сказать, что на югѣ въ это время существовало правильное тайное общество, имѣвшее извѣстную цѣль, правильную дѣятельность, признававшее, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые принципы, или державшееся опредѣленныхъ убѣжденій?

Конечно, нѣтъ. Считая даже вѣрными всѣ утвержденія донесенія, можно только признать, что нѣкоторыя лица въ своихъ интимныхъ разговорахъ высказывали мысли то о возмущеніи, то о цареубійствѣ; мнѣнія однихъ оспаривались другими; они сами считали другъ друга „хвастунами преступленія“ (стр. 77). Самыя преступныя ихъ намѣренія не только никогда не приводились въ исполненіе, но они сами постепенно отказывались отъ нихъ. Старанія нѣкоторыхъ, какъ пріобрѣсти приверженцевъ между младшими офицерами и солдатами, такъ и соединиться съ нѣ-

которыми лицами въ Петербургѣ и Москвѣ, оставались всегда безъ малѣйшаго успѣха; проекты конституціи, приписываемые одному изъ нихъ, остались незаконченными и почти неизвѣстными другимъ.

Посмотримъ также, какъ показываетъ намъ донесеніе Пестеля въ моментъ его ареста. Оно содержитъ много ужасныхъ обвиненій противъ него, оно приписываетъ ему показанія, подтверждающія эти обвиненія, но, какимъ-то неизъяснимымъ образомъ внушенное свыше; послѣднее заявленіе Пестеля совершенно ослабляетъ непріятное о немъ впечатлѣніе, произведенное предшествующими заявленіями: оно показываетъ, что Пестель далеко не оправдывалъ плановъ комитета (плановъ возмущенія и цареубійства, о которыхъ говорилось выше) и что онъ предвидѣлъ, что даже въ 1826 г. нельзя было бы предпринять ничего рѣшительнаго.

Отказаться отъ какого-нибудь намѣренія не значитъ ли это сознаться, что выполненіе его невозможно? И пусть не говорятъ, что Пестель находилъ невозможнымъ выполнить только мысль комитета: это была мысль, которую донесеніе вмѣняетъ самому Пестелю. Итакъ, по словамъ донесенія, Пестель наконецъ находитъ, что возмущеніе, цареубійство невозможны и невозможны не только въ данный моментъ, но и въ будущемъ. Вотъ какова была его вина, когда онъ былъ арестованъ! Онъ умеръ на эшафотѣ, не совершивъ другого преступленія! Было бы желательно, чтобы какой-нибудь европейскій криминалистъ пожелалъ изслѣдовать и показать, насколько человѣкъ, находящійся въ положеніи Пестеля, заслуживаетъ смерти. Я подчинюсь всякому вѣрному рѣшенію, основанному на законахъ какой бы то ни было цивилизованной страны.

А пока я не могу согласиться съ осужденіемъ Пестеля, какъ противорѣчащимъ всякой справедливости.